

ISSN 2949-5113 (print)
ISSN 2949-5105 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вестник

ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Серия **Психологические
НАУКИ**

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК
И ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ
(НА ПРИМЕРЕ ЯПОНИИ И РОССИИ)

ИССЛЕДОВАНИЕ КОРРУПЦИОФОБИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА
ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ
И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
ОБУЧАЮЩИХСЯ РАБОЧИМ ПРОФЕССИЯМ

2024 / № 3

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5113 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-5105 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Психологические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialties: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2949-5113 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-5105 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки»:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. — д-р психол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. психол. н., доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Иванников В. А. — академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карабанова О. А. — д-р психол. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. — д-р психол. наук, Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Митина Л. М. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д-р психол. наук, профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Утлик Э. П. — д-р психол. наук, проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д-р ист. наук, проф., Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова

Шнейдер Л. Б. — д-р психол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет

Эрнер И. — д-р психол. наук, проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2949-5113 (print)
ISSN 2949-5105 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте Вестника Государственного университета просвещения (www.psymgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. — 2024. — № 3. — 178 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.psymgou.ru

Founder of journal
“Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences”
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Salem State University (Massachusetts, USA)

E. P. Utlik – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Management

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., I. M. Sechenov First Moscow State Medical University

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in Psychology, Prof., City University of New York (USA)

ISSN 2949-5113 (print)

ISSN 2949-5105 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the State University of Education (www.psymgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the State University of Education» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences. – 2024. – no. 3. – 178 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.psymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Зекерьяев Р. И.* Психологические особенности ценностной сферы личности с различным уровнем рекламной суггестивности 6
- Лучинкина И. С., Фазилова А. Э.* Психологические особенности жертв и инициаторов, включённых в буллинг-структуру. 21
- Михайлова И. В., Китаев С. А.* Психологическое состояние личности с кризисным профилем 36

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Забелина Е. В., Данилова А. А., Смирнов М. Г., Тошихиро В.* Взаимосвязь экологических установок и ценностей у студентов в разных культурах (на примере Японии и России). 49
- Камзина О. А.* Взаимосвязь самоотношения и суверенности психологического пространства у молодёжи 66
- Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С., Зябликов А. В., Вахрушева А. В.* Исследование коррупциофобии в контексте диалога власти и общества: эмпирические результаты 82
- Рогочая Г. П., Филиппова М. В.* Взаимосвязь возникновения и протекания конфликтов в трудовых коллективах и психологических характеристик их участников. 99

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- Андреева А. Д., Лисичкина А. Г.* Особенности внутренней позиции взрослого в контексте институциональных требований на разных этапах юношеского возраста. . 114
- Ванновская О. В.* Концепция психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации образовательного процесса вуза (антропоцентрический подход) 133

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

- Лукина Н. Л., Соловьева Е. А.* Сравнительное исследование интересов и смысловых ориентаций обучающихся рабочим профессиям 150
- Щербакова Т. Н., Мариненко Т. Ю., Мисиров Д. Н.* Стратегия совладающего поведения как предиктор успешности личности в условиях профессиональной мобильности 163

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- R. Zekeriaev.** Psychological Features of the Value Sphere of Person
with Different Levels of Advertising Suggestiveness 6
- I. Luchinkina, A. Fazilova.** Psychological Features of Victims and Initiators Included
in the Bulling-Structure. 21
- I. Mikhailova, S. Kitaev.** The Psychological State of a Person with a Crisis Profile 36

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- E. Zabelina, A. Danilova, M. Smirnov, W. Toshihiro.** The Relationship
of Environmental Attitudes and Values Among Students in Different Cultures
(Using the Example of Japan and Russia) 49
- O. Kamzina.** Correlation Between Self-Attitude and Sovereignty of Psychological
Space Among Young People 66
- A. Maksimenko, D. Krylova, O. Deyneka, A. Zyablikov, A. Vakhrusheva.** The Study
of Corruption Phobia in the Context of the Dialogue Between Government and Society:
Empirical Results 82
- G. Rogochaya, M. Filippova.** The Connection Between the Emergence and Course
of Conflicts in Work Teams and the Psychological Characteristics of their Participants . . . 99

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

- A. Andreeva, A. Lisichkina.** Features of Adult's Internal Position in the Context
of Institutional Requirements at Different Stages of Adolescence. 114
- O. Vannovskaya.** The Concept of Psychological and Pedagogical Support of Digital
Transformation of Educational Process of Higher Education Institution
(Anthropocentric Approach) 133

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

- N. Lukina, E. Soloveva.** Comparative Study of Interests and Life Orientations
of Students Studying for Blue-Collar Jobs. 150
- T. Shcherbakova, T. Marinenko, D. Misirov.** Coping Strategy as a Predictor
of Individual Success in Conditions of Professional Mobility 163

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-6-20

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ РЕКЛАМНОЙ СУГГЕСТИВНОСТИ

Зекерьяев Р. И.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 295015,
Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, Российская Федерация; e-mail:
ruslan51291@mail.ru

Поступила в редакцию 11.03.2024

После доработки 15.03.2024

Принята к публикации 22.03.2024

Аннотация

Цель. Выявить психологические особенности ценностной сферы личности с различным уровнем рекламной суггестивности.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 150 респондентов: 65 мужчин и 85 женщин в возрасте от 16 до 40 лет. Использовались следующие методы и методики: констатирующий эксперимент (методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой, методика «Морфологический тест жизненных ценностей» В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной, авторский исследовательский опросник «Рекламная суггестивность личности»); методы математико-статистической обработки данных (частотный анализ, Н-критерий Краскела-Уоллиса, корреляционный анализ). В ходе исследования было использовано прикладное программное обеспечение «SPSS 22.0» и «MS Excel 2021».

Результаты. Выявлено, что для респондентов, склонных к рекламной суггестивности, характерна высокая значимость ряда таких ценностей, как «поиск и наслаждение прекрасным», «признание, уважение людей», «собственный престиж» и низкая значимость такой ценности, как «материальное положение».

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы практическими психологами в ходе сопровождения процесса медиасоциализации личности.

© СС ВУ Зекерьяев Р. И., 2024.

Ключевые слова: рекламная суггестивность, ценностная сфера, ценность поиска и наслаждения прекрасным, ценность признания и уважения людей, ценность собственного престижа, ценность материального положения

Для цитирования: Зекерьяев Р. И. Психологические особенности ценностной сферы личности с различным уровнем рекламной суггестивности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №3. С. 6–20.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-6-20

Original Research Article

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE VALUE SPHERE OF PERSON WITH DIFFERENT LEVELS OF ADVERTISING SUGGESTIVENESS

R. Zekeriaev

Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, per. Uchebniy 8, Simpheropol, 295015, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: ruslan51291@mail.ru

Received by the editorial office 11.03.2024

Revised by the author 15.03.2024

Accepted for publication 22.03.2024

Abstract

Aim. To reveal the psychological features of the value sphere of person with different levels of advertising suggestiveness.

Methodology. The study involved 150 Internet users: 65 men and 85 women aged 16 to 40. During the study the following methods were used: ascertaining experiment (method “Diagnostics of the real structure of a person’s value orientations” by S. S. Bubnova, method “Morphological test of life values” by V. F. Sopov and L. V. Karpushina, the author’s research questionnaire “Advertising suggestiveness of personality”); methods of statistical data processing (frequency analysis, the Kruskal-Wallis H-test, correlation analysis). During the study was used the application software “SPSS 22.0” and “MS Excel 2021”.

Results. It has been proved that a person prone to advertising suggestiveness is characterized by a high importance of a number of values such as “searching for and enjoying beauty”, “esteem, respect of people”, “self-prestige” and low importance of such value as “financial situation”.

Research implications. The results of the study can be used by practical psychologists in accompanying the process of media socialization of a person.

Keywords: advertising suggestiveness, value sphere, the value of searching for and enjoying the beauty, the value of esteem and respect of people, the value of self-prestige, the value of financial situation

For citation: Zekeriaev R. I. Psychological features of the value sphere of personality with different levels of advertising suggestiveness. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 3, pp. 6–20.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-6-20

Введение

В современном мире развитие информационно-компьютерных технологий приводит к всё большему расширению жизненного пространства личности за счёт его вхождения в медиaprостранство. Одним из распространённых явлений медиасреды является реклама, которая не только играет важную информационную роль, но и оказывает влияние на личность, формируя новые установки, ценности, эмоциональные и поведенческие паттерны. Существующие исследования в данной области связаны с изучением методов скрытого рекламного воздействия на личность, а также изменением её психоэмоционального состояния в данном процессе. Однако несмотря на большое количество современных научных работ, посвящённых влиянию рекламы на психическую реальность человека, остаётся открытым вопрос о психологических особенностях реципиентов с различным уровнем рекламной суггестивности – он не становился отдельным предметом исследования. Одной из таких особенностей является ценностная сфера личности, которая в целом может определять особенности жизнедеятельности пользователя в медиaprостранстве. Таким образом, целью данного исследования является выявление психологических особенностей ценностной сферы личности с различным уровнем рекламной суггестивности.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

На данном этапе развития научной мысли существует большое количество работ, посвящённых изучению рекламного воздействия на личность.

Н. Г. Пряхин отмечал, что реклама представляет собой вариант массовой коммуникации, осуществляющий обезличенное взаимодействие и передачу информации для спонтанно или целенаправленно сформированных групп людей. При этом она может выступать инструментом социализации, способствуя формированию у потенциальных реципиентов ценностей, смыслов, социальных установок и т. д. Рекламные легенды могут не только создавать новые смысловые и ценностные конструкты, но и вносить изменения в мировоззрение человека, тем самым создавая определённые векторы развития общества в целом. Несмотря на то, что данное влияние может быть как конструктивным, так и деструктивным, исследователь отмечал его высокую эффективность [9].

Д. А. Трищенко в своих исследованиях сделал вывод о том, что реклама представляет собой эффективное средство для трансформации жизненных ценностей личности, которая находится в активной стадии социализации. Весомости рекламному контенту добавляет использование образов, отвечающих интересам реципиентов. Учёный отмечал, что в первую очередь личность усваивает из рекламы именно поведенческие паттерны. В связи с этим, по мнению учёного, рекламный поток должен носить исключительно позитивный характер, демонстрировать просоциальные модели поведения, содержать в себе элементы юмора [11].

Л. А. Андросова и И. Г. Кондратьева уделяли особое внимание влиянию рекламы на сознание молодёжи. По мнению исследователей, в современном мире наблюдается снижение функций классических социальных институтов

и всё больший эффект на личность оказывает реклама. Учёные отмечали, что непрерывный информационный поток рекламы трансформирует сознание молодёжи. Л. А. Андросова и И. Г. Кондратьева отмечали, что используемые в рекламных сообщениях отрицательные художественные образы являются более предпочтительными для реципиента, что также усиливается рядом спецэффектов. Использование разработчиками в рекламном контенте негативных персонажей (которые демонстрируются как более активные и изобретательные) создаёт нежелательный эффект копирования потребителями их моделей поведения и интроекции их ценностей и культуры [1].

А. В. Артюхов, Л. В. Ребышева, Ю. П. Савицкая в своих исследованиях отмечали, что реклама является проводником современной модернизации и превращается в отдельный социальный институт. При этом познавательная активность социума трансформируется в потребительскую, при которой реклама выступает в роли руководства к действию, снижая способность критического осмысления информации и нивелируя самодостаточность личности. Помимо этого, реклама является своего рода индикатором ценностных ориентаций общества, изменяя их и закрепляя связанные с ними новые поведенческие паттерны. При этом наиболее уязвимой социальной группой исследователи называли молодёжь, которая ещё в силу своих возрастных особенностей находится на стадии формирования интеллектуальной и психологической стабильности [2].

Ю. Л. Афанасьева в своих исследованиях отмечала, что в общем отношение

потребителей к рекламе является позитивным, в частности, молодёжь достаточно лояльно относится к обилию рекламных сообщений в современных СМИ. При этом исследовательница признавала, что хотя достаточно большое количество опрошенных ею респондентов признавали существование рекламного воздействия, многие из них также утверждали, что она не влияет на их собственные потребительские решения. В то же время Ю. Л. Афанасьева отмечала, что на самом деле реклама оказывает влияние на мотивационно-потребностную сферу личности, формируя у молодёжи потребности в лидерстве, успешной карьере, повышении уровня жизни, социальном признании и т. д. [3].

Е. В. Коберник, изучая влияние рекламы на личность, определяла, что механизм воздействия направлен на поведенческие паттерны реципиентов и включает в себе три основных фактора: когнитивный (стимулирование анализа и обработки рекламной информации так, чтобы формировался значимый образ товара или услуги), эмоциональный (создание позитивных аффективных переживаний, ассоциирующихся с рекламируемым контентом) и поведенческий (формирование потребительского поведения, приводящего к приобретению рекламируемого товара или услуги). По мнению исследовательницы, рекламная кампания приобретает особую эффективность, если кроме сознательного воздействия на личность реципиента она также оказывает влияние на бессознательные желания, мотивы и привычки [8].

Д. Х. Джабраилов и Х. А. Бексултанова, описывая психологическое воз-

действие рекламы на личность, отмечали, что её основная задача заключается в навязывании потребителям собственных интересов с целью влияния на их сознание. К основным методам рекламного воздействия учёные относили информирование, целью которого является запечатление в памяти реципиента рекламы. Ещё одним методом Д. Х. Джабраилов и Х. А. Бексултанова называли убеждение как процесс формирования спроса на ту или иную продукцию. Под внушением как рекламным методом исследователи понимали целенаправленное воздействие рекламодателя на психическое состояние потенциального реципиента. Учёные также выделяли метод побуждения к приобретению, основная задача которого заключается в стимуляции зрителя к совершению поведенческих актов, приводящих к покупке рекламируемого товара или услуги [5].

В. А. Зимин и Г. А. Морозова в процессе изучения рекламы отмечали наличие у неё суггестивной функции, которая представляет собой вариант манипуляции, но более мягкой и обращённой к эмоциям и желаниям реципиента. По мнению исследователей, реклама с точки зрения психологии выступает ресурсом, позволяющим человеку быстрее адаптироваться к динамично трансформирующимся условиям жизнедеятельности в обществе, тем самым в некоторой степени защищая его от психического перенапряжения, возникающего в ходе восприятия окружающей реальности. Данный эффект в рекламе достигается благодаря тому, что в её содержании в изобилии присутствуют художественные и мифологизированные образы,

которые позволят на какое-то время отгородиться от реального мира [7].

М. Галисиан в своих исследованиях отмечала, что реклама в процессе своего воздействия опирается на психологические факторы воздействия на бессознательную часть психики реципиента. Для этого рекламный контент зачастую доносится до потенциального потребителя путём использования современных психотехнологий. При этом от реципиента скрывается не только цель проводимой манипуляции, но и само её наличие. Реклама, в отличие от прямых методов воздействия, имплицитно лишает потребителя возможности самостоятельного принятия логически обоснованного решения относительно необходимости приобретения предлагаемого товара или услуги. Вместе с этим рекламный контент зачастую преследует цель ограничения свободы действий реципиента вплоть до запрета или принуждения переживать какие-либо эмоции или психоэмоциональные состояния [13].

Ряд учёных, описывая механизм воздействия рекламы, отмечал, что он направлен в первую очередь на эмоциональную составляющую психической реальности личности. По мнению исследователей, влияние на аффективные состояния реципиента достигается путём наполнения содержания рекламы определёнными геометрическими формами, цветами, графическими конструктами, символикой и т. д., которые на уровне ассоциаций могут вызывать определённые поведенческие реакции у потенциального потребителя. Эмоциональное состояние реципиента в процессе рекламного воздействия меняется также из-за им-

цитного манипулирования сознанием, демонстрации значимых ценно-смысловых элементов [10; 14; 15].

Исследователи, описывая особенности влияния рекламы на личность, выделяли ряд свойств, присущих рекламному сообщению. К ним они относили референтность, под которой понимается постоянная повторяемость транслируемого содержания, что приводит к его запоминанию реципиентами и побуждению их к совершению определённых действий. Ещё одним свойством, по мнению учёных, является использование запоминающихся образов, которые могут вызывать у реципиента чувство симпатии и, как следствие, способность менее критично воспринимать транслируемую информацию. Также, по мнению исследователей, реклама нацелена оказывать влияние на такие устойчивые психофизиологические особенности человека, как потребность в еде, желание физического комфорта и т. д. Учёные также отмечали, что целью рекламы является не только информирование о товарах и брендах, но и усиление выраженности существующих у человека потребностей, а также навязывание способов их удовлетворения [4; 12].

Таким образом можно сделать вывод о том, что несмотря на большое количество современных исследований, посвящённых феномену рекламного воздействия, актуальным остаются вопросы о психологических особенностях личности с различным уровнем рекламной суггестивности, которая может быть определена как повышенная степень некритичной восприимчивости личностью рекламного внушения, сопровождающаяся изменением её психоэмоционального состояния [6].

Одной из таких может выступать ценностная сфера личности, которая определяет особенности поведения личности в медиапространстве.

Представление результатов исследования

Эмпирическую базу исследования составили 150 человек, среди которых 65 мужчин и 85 женщин в возрасте от 16 до 40 лет. В качестве испытуемых выступили случайные пользователи сети Интернет, которым были разосланы приглашения к участию в исследовании, а также обучающиеся высших учебных заведений г. Симферополь Республики Крым.

В ходе исследования были использованы следующие методы: констатирующий эксперимент (методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой, методика «Морфологический тест жизненных ценностей» В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной, авторский исследовательский опросник «Рекламная суггестивность личности» [6]); методы математико-статистической обработки данных (частотный анализ, Н-критерий Краскела-Уоллиса, корреляционный анализ). В ходе исследования было использовано прикладное программное обеспечение SPSS 22.0 и MS Excel 2021. Испытуемым также предлагалось написать мини-сочинения «Реклама в современном мире», которые в дальнейшем были подвергнуты контент-анализу.

В ходе исследования было обнаружено, что в выборке присутствуют респонденты с низким (35 человек: 21 мужчина и 14 женщин в возрасте от 16 до 38 лет), средним (85 человек: 30 мужчин и 55 женщин в возрасте от

16 до 40 лет) и высоким (30 человек: 14 мужчин и 16 женщин в возрасте от 18 до 40 лет) уровнями склонности к рекламной суггестивности по авторскому исследовательскому опроснику «Рекламная суггестивность личности».

Результаты исследования структуры реальных ценностных ориентаций респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности приведены на рис. 1.

Из рисунка 1 видно, что для группы респондентов с высокой значимостью таких ценностных ориентаций, как «поиск и наслаждение прекрасным» и «признание, уважение людей» характерна выраженность уровня рекламной суггестивности.

Для обоснования статистической значимости различий в выраженности данных ценностных ориентаций у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности был использован Н-критерий Краскела-Уоллиса (рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности существуют статистически подтвержденные достоверные различия в проявлении таких ценностных ориентаций, как «поиск и наслаждение прекрасным» ($H_{эмп} = 14,839$; $p < 0,05$) и «признание, уважение людей» ($H_{эмп} = 15,534$, $p < 0,05$).

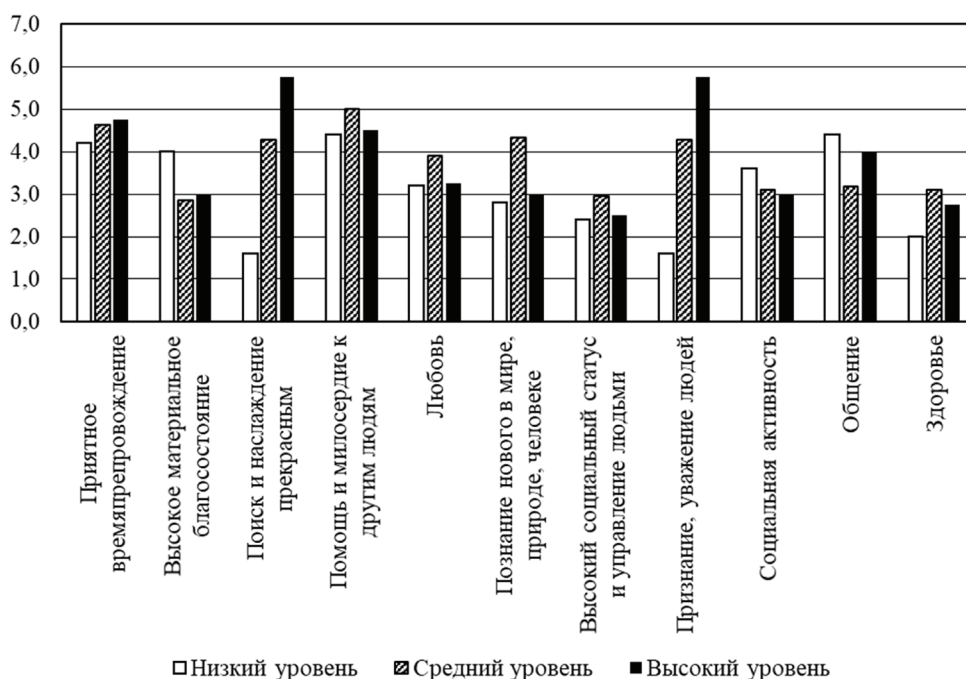

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение выраженности реальных ценностных ориентаций групп респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности / Comparison of the degree of real value orientations of groups of respondents with different levels of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

Статистические критерии ^{а,б}				
	Общение	Высокое материальное благосостояние	Поиск и наслаждение прекрасным	Помощь и милосердие к другим людям
Н эмп	4,680	2,445	14,839	2,695
Степень свободы	2	2	2	2
Асимптотическая значимость	,096	,294	,001	,260

	Любовь	Познание нового в мире, природе, человеке	Познание нового в мире, природе, человеке	Высокий социальный статус и управление людьми
Н эмп	1,866	5,124	5,124	,742
Степень свободы	2	2	2	2
Асимптотическая значимость	,393	,077	,077	,690

	Здоровье	Социальная активность	Признание, уважение людей	Приятное времяпрепровождение, отдых
Н эмп	4,314	,705	15,534	,314
Степень свободы	2	2	2	2
Асимптотическая значимость	,116	,703	,000	,855

а. Критерий Краскела-Уоллиса

б. Группирующая переменная: Уровень рекламной суггестивности

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты обоснования статистической значимости различий в выраженности ценностных ориентаций у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности / Results of substantiating the statistical significance of differences in the degree of value orientations among respondents with different levels of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

Существование взаимосвязи между выраженностью данных ценностных ориентаций и уровнем рекламной суггестивности личности также было подтверждено в ходе корреляционного анализа (рис. 3).

Из рисунка 3 видно, что существует связь между показателем рекламной суггестивности и такими ценностными ориентациями, как «поиск и наслаждение прекрасным» ($p = 0,738$) и «признание, уважение людей» ($p = 0,661$).

Данный феномен проявляется в том, что для респондентов с выраженной ценностью стремления к прекрасному также характерно стремление приобретать рекламируемые красивые вещи. А ценность признания и уважения людей располагает личность к приобретению рекламируемых товаров и услуг, которые зачастую именно это обещают своим потребителям. Данное явление также нашло своё отражение в ходе контент-анализа мини-сочинений ре-

Корреляции

		Балл рекламной суггестивности
Приятное времяпрепровождение, отдых	Коэффициент корреляции	-,031
	Знач. (2-х сторонняя)	,872
	N	150
Высокое материальное благосостояние	Коэффициент корреляции	-,046
	Знач. (2-х сторонняя)	,809
	N	150
Поиск и наслаждение прекрасным	Коэффициент корреляции	,738**
	Знач. (2-х сторонняя)	,000
	N	150
Помощь и милосердие к другим людям	Коэффициент корреляции	,128
	Знач. (2-х сторонняя)	,502
	N	150
Любовь	Коэффициент корреляции	-,006
	Знач. (2-х сторонняя)	,976
	N	150
Познание нового в мире, природе, человеке	Коэффициент корреляции	,050
	Знач. (2-х сторонняя)	,794
	N	150
Высокий социальный статус и управление людьми	Коэффициент корреляции	,044
	Знач. (2-х сторонняя)	,819
	N	150
Признание, уважение людей	Коэффициент корреляции	,661**
	Знач. (2-х сторонняя)	,000
	N	150
Социальная активность	Коэффициент корреляции	-,058
	Знач. (2-х сторонняя)	,759
	N	150
Общение	Коэффициент корреляции	-,176
	Знач. (2-х сторонняя)	,354
	N	150
Здоровье	Коэффициент корреляции	,070
	Знач. (2-х сторонняя)	,714
	N	150

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Рис. 3 / Fig. 3. Взаимосвязь уровня рекламной суггестивности и показателей ценностных ориентаций личности / The relationship between the level of advertising suggestiveness and indicators of a person's value orientations

Источник: данные автора.

спондентов: «Я люблю красивые вещи и часто залипаю на рекламу различных украшений в телемагазине. Порой именно там показывают довольно недорогие и красивые вещи, которые я периодически покупаю просто для эстетического удовольствия» (девушка, 28 лет, высокий уровень рекламной суггестивности); «Я верю, что хороший аксессуар подчёркивает статус мужчины, поэтому недавно купил себе достаточно дорогие наручные часы, контекстную рекламу которых видел в интернете. Почему бы и нет, если с ними я чувствую себя гораздо увереннее?» (молодой человек, 24 года, высокий уровень рекламной суггестивности), «Я не очень понимаю людей, которые слишком верят рекламе, ведь её задача –

просто продать товар. Да, при этом обещают и статус, и уважение, и много чего ещё, но это же неправда» (молодой человек, 32 года, низкий уровень рекламной суггестивности); «Меня раздражает реклама, в которой рассказывается про вещи, которые якобы делают жизнь прекраснее. Как правило, это либо ширпотреб, либо что-то низкого качества. И в целом, поиски этики и эстетики – дело не первостепенной важности» (девушка, 30 лет, низкий уровень рекламной суггестивности).

Результаты исследования жизненных ценностей респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности приведены на рис. 4.

Из рисунка 4 видно, что для группы респондентов с высокой значимостью

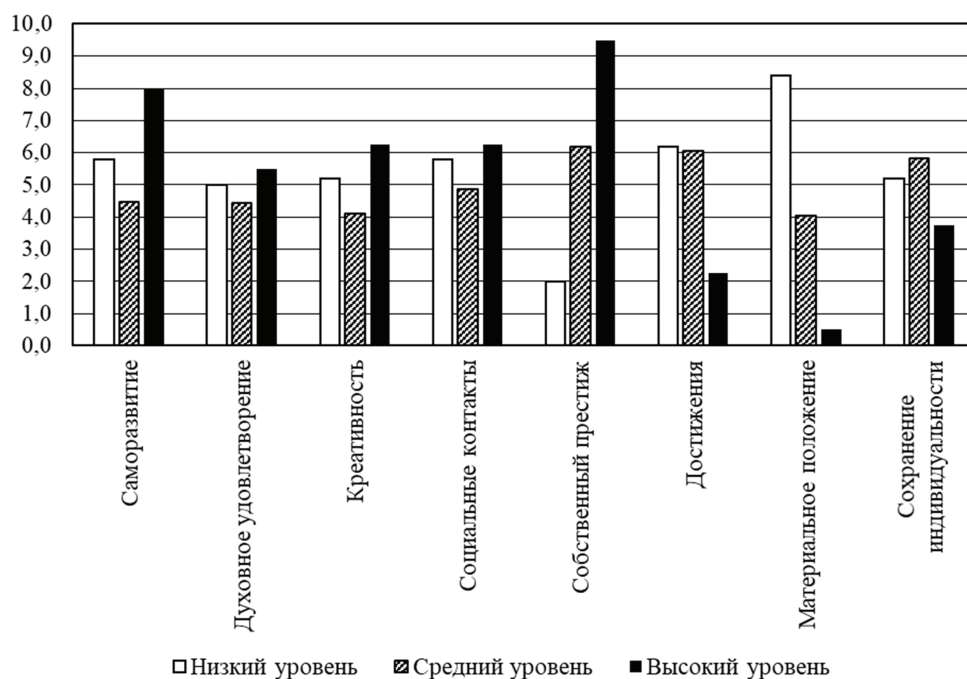

Рис. 4 / Fig. 4. Сравнение выраженности жизненных ценностей групп респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности / Comparison of the expressiveness of life values of groups of respondents with different levels of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

ценности собственного престижа и низкой значимостью ценности материального положения характерна выраженность уровня рекламной суггестивности личности.

Для обоснования статистической значимости различий в выраженности значимости данных ценностей у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности был использован Н-критерий Краскела-Уоллиса (рис. 5).

Из рисунка 5 видно, что у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности существуют статистически подтвержденные достоверные различия в выраженности таких ценностей, как собственный престиж ($H_{\text{эмп}} = 13,609$; $p < 0,05$) и материальное положение ($H_{\text{эмп}} = 13,621$, $p < 0,05$).

Существование взаимосвязи между степенью значимости данных ценностей и уровнем рекламной суггестивности личности также было подтверждено в ходе корреляционного анализа (рис. 6).

Из рисунка 6 видно, что существует связь между показателями рекламной суггестивности и значимостью таких ценностей, как собственный престиж ($r = 0,715$) и материальное положение ($r = -0,634$).

Данный феномен проявляется в том, что для респондентов с выраженной ценностью собственного престижа также характерно стремление приобретать товары и услуги, которые позволяют его поддерживать. А низкая ценность материального положения располагает личность к приобретению рекламируемых товаров и услуг

Статистические критерии^{a,b}

	Саморазвитие	Духовное удовлетворение	Креативность	Социальные контакты
Н эмп	5,505	,946	2,622	,940
Степень свободы	2	2	2	2
Асимптотическая значимость	,064	,623	,270	,625

	Собственный престиж	Достижения	Материальное положение	Сохранение индивидуальности
Н эмп	13,609	4,659	13,261	1,323
Степень свободы	2	2	2	2
Асимптотическая значимость	,001	,097	,001	,516

а. Критерий Краскела-Уоллиса

б. Группирующая переменная: Уровень рекламной суггестивности

Рис. 5 / Fig. 5. Результаты обоснования статистической значимости различий в выраженности ценностей у респондентов с различным уровнем рекламной суггестивности / Results of substantiating the statistical significance of differences in the expressiveness of values among respondents with different levels of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

Корреляции		
		Балл рекламной суггестивности
Саморазвитие	Коэффициент корреляции	,309
	Знач. (2-х сторонняя)	,097
	N	150
Духовное удовлетворение	Коэффициент корреляции	,130
	Знач. (2-х сторонняя)	,495
	N	150
Креативность	Коэффициент корреляции	,046
	Знач. (2-х сторонняя)	,811
	N	150
Социальные контакты	Коэффициент корреляции	-,127
	Знач. (2-х сторонняя)	,503
	N	150
Собственный престиж	Коэффициент корреляции	,715**
	Знач. (2-х сторонняя)	,000
	N	150
Достижения	Коэффициент корреляции	-,261
	Знач. (2-х сторонняя)	,163
	N	150
Материальное положение	Коэффициент корреляции	-,634**
	Знач. (2-х сторонняя)	,000
	N	150
Сохранение индивидуальности	Коэффициент корреляции	-,136
	Знач. (2-х сторонняя)	,473
	N	150
**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).		
*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).		

Рис. 6 / Fig. 6. Взаимосвязь уровня рекламной суггестивности и показателей ценностей личности / The relationship between the level of advertising suggestiveness and indicators of a person's values

Источник: данные автора.

даже при чрезмерно большом расходе денежных средств. Данное явление также нашло своё отражение в ходе контент-анализа мини-сочинений респондентов: «Я считаю, что когда в моде появляются новые тренды, им стоит следовать, чтобы быть крутым челом. А реклама обычно быстро отслеживает новые тенденции и, более

того, подсказывает, что нужно купить, чтобы не отставать от жизни» (молодой человек, 21 год, высокий уровень рекламной суггестивности); «Для красивых вещей мне не бывает жалко денег. Деньги – это вещь такая: сегодня есть, завтра нет, а послезавтра ещё заработаем. А вот купить что-то важное или нужное можно и не успеть, потому

что многие товары быстро снимают с производства, выпустив несколько партий. К счастью, благодаря рекламе можно успевать вовремя узнавать про выпускаемые новинки или лимитированные партии нового товара» (девушка, 30 лет, высокий уровень рекламной суггестивности); «В рекламе дорогих товаров нам, конечно, обещают престиж, но зачем? В мире есть вещи куда важнее, но реклама нас почему-то учит обратному. Поэтому она меня скорее раздражает, чем вызывает доверие» (молодой человек, 33 года, низкий уровень рекламной суггестивности); «Реклама часто советует товары, цена которых часто неоправданно высокая. А я не люблю тратиться там, где можно купить аналогичный товар подешевле или вообще обойтись без него. Из-за этого реклама для меня – явление совершенно бесполезное» (девушка, 27 лет, низкий уровень рекламной суггестивности).

Заключение

Таким образом, в ходе исследования было определено, что несмотря на большое количество научных работ, посвящённых влиянию рекламы на личность, все они преследуют одну цель – объяснение изменений, происходящих в психоэмоциональном состоянии личности. Учёные отмечали, что под воздействием рекламной информации у реципиента может трансформироваться система отношений к себе, к другим людям и к миру в целом, что приводит также к изменению поведенческих особенностей, мировоз-

зрения и т. д. При этом была выявлена недостаточность исследований, посвящённых изучению свойств личности (в частности, её ценностной сферы), которые определяют степень её рекламной суггестивности.

Было обнаружено, что существует взаимосвязь между уровнем рекламной суггестивности и выраженностью таких ценностей личности, как «поиск и наслаждение прекрасным», «признание, уважение людей», «собственный престиж» и низкая значимость такой ценности, как «материальное положение». Данное явление может быть объяснено тем, что гедонистические стремления стимулируют потенциального потребителя приобретать товары, которые способствуют улучшению комфорта в их жизни. Вместе с этим желание завоевать уважение и признание людей в обществе побуждает реципиента приобретать товары и услуги, подчёркивающие его социальный статус. Также низкая ценность материального положения позволяет тратить больше денежных средств на приобретение товаров или услуг.

Практическая значимость полученных в ходе данного исследования результатов заключается в том, что они могут применяться практически психологами в процессе психологического сопровождения личности в процессе её медиасоциализации. Перспектива дальнейших исследований заключается в поиске взаимосвязей между склонностью личности к рекламной суггестивности и прочими её психологическими особенностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андросова Л. А., Кондратьева И. Г. Влияние рекламы и рекламных образов на выбор ценностей молодёжи // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3. № 1(9). С. 180–185.
2. Артюхов А. В., Ребышева Л. В., Савицкая Ю. П. Влияние рекламы на систему ценностных ориентаций молодёжи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. №5 (68). С. 20–28. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.003.
3. Афанасьева Ю. Л. Влияние рекламы на потребительское поведение молодёжи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. №1 (9). С. 44–51.
4. Гопко В. В. Парадоксы рекламы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 2–6. С. 11–14.
5. Джабраилов Д. Х., Бескултанова Х. А. Реклама: понятие, виды и методы влияния на потребителей // Тенденции развития науки и образования. 2021. №80–1. С. 61–63. DOI: 10.18411/trnio-12-2021-16.
6. Зекерьяев Р. И. Рекламная суггестивность личности в современном медиапространстве. Симферополь: ИП Хотеева Л. В., 2024. 152 с.
7. Зимин В. А., Морозова Г. А. Психология рекламы и связей с общественностью. Самара: Научно-технический центр, 2020. 160 с.
8. Коберник Е. В. Реклама и её влияние на потребительское поведение // Инновации. Наука. Образование. 2021. №29. С. 1080–1084.
9. Пряхин Н. Г. Нравственность в бренде и рекламе (социально-философский и философско-антропологический анализ) // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. №4–2 (58). С. 87–88. DOI: 10.23670/IRJ.2017.58.151.
10. Сазанов А. С. Психология коммуникативной функции рекламы // Вестник Национального института бизнеса. 2018. №31. С. 137–141.
11. Трищенко Д. А. Социальная реклама в формировании ценностных ориентаций личности // Вестник белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. №4 (60). С. 218–225.
12. Dong H. Research on Multiple Narrative Mode of Luxury Brand Display Space // Decoration. 2019. №3. P. 84–87.
13. Galician M. Handbook of Product Placement in the Mass Media. Abingdon: Routledge Publ., 2004. 302 p.
14. Ping X. Discussion on the application of marketing strategies to consumer psychology research // Inner Mongolia Science and Technology and Economy. 2020. №19. P. 64–65.
15. Tong R. The application of consumer psychology in advertising // Reflections on marriage psychology. 2023. №2. P. 31–56.

REFERENCES

1. Androsova L. A., Kondrateva I. G. [The impact of advertising and advertising images on choice values of youth]. In: *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 2015, vol. 3, no. 1(9), pp. 180–185.
2. Artyukhov A. V., Rebysheva L. V., Savitskaya Yu. P. [Advertising influence on the value orientations system of youth]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2020, no. 5 (68), pp. 20–28. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.003.
3. Afanasyeva U. L. [The influence of advertising on the consumer behavior of young people]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennyye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences], 2009, no. 1 (9), pp. 44–51.

4. Gopko V. V. [Paradoxes of advertising]. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research], 2015, no. 2–6, pp. 11–14.
5. Dzhabrailov D. H., Beskultanova H. A. [Advertising: concept, types and methods of influencing consumers]. In: *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education], 2021, no. 80–1, pp. 61–63. DOI: 10.18411/trnio-12-2021-16.
6. Zekeryaev R. I. *Reklamnaya suggestivnost' lichnosti v sovremennom mediaprostranstve* [Advertising suggestibility of personality in the modern media space]. Simferopol', IP Hoteeva L. V. Publ., 2024. 152 p.
7. Zimin V. A., Morozova G. A. *Psihologiya reklamy i svyazey s obshchestvennost'yu* [Psychology of advertising and public relations]. Samara, Nauchno-tekhnicheskij centr Publ., 2020. 160 p.
8. Kobernik E. V. [Advertising and its influence on consumer behavior]. In: *Innovacii. Nauka. Obrazovanie* [Innovations. Science. Education], 2021, no. 29, pp. 1080–1084.
9. Pryakhin N. G. [Morality in brand and advertising (social, philosophical and anthropological analysis)]. In: *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal], 2017, no. 4–2 (58), pp. 87–88. DOI: 10.23670/IRJ.2017.58.151.
10. Sazanov A. S. [Psychology of the communicative function of advertising]. In: *Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa* [Bulletin of the National Institute of Business], 2018, no. 31, pp. 137–141.
11. Trishchenko D. A. [Social advertising in the formation of individual value orientations]. In: *Vestnik belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava* [Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 2016, no. 4 (60), pp. 218–225.
12. Dong H. Research on Multiple Narrative Mode of Luxury Brand Display Space. In: *Decoration*, 2019, no. 3, pp. 84–87.
13. Galician M. *Handbook of Product Placement in the Mass Media*. Abingdon, Routledge Publ., 2004. 302 p.
14. Ping X. Discussion on the application of marketing strategies to consumer psychology research. In: *Inner Mongolia Science and Technology and Economy*, 2020, vol. 19, pp. 64–65.
15. Tong R. The application of consumer psychology in advertising. In: *Reflections on marriage psychology*, 2023, no. 2, pp. 31–56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зекерьяев Руслан Ильвисович (Симферополь) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова;
e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan I. Zekeriaev (Simferopol) – Cand. Sci. (Psychological Sciences), Assis. Prof. in the Department of Psychology of Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov;
e-mail: ruslan51291@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8366-0183

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-21-35

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕРТВ И ИНИЦИАТОРОВ, ВКЛЮЧЁННЫХ В БУЛЛИНГ-СТРУКТУРУ

Лучинкина И. С., Фазилова А. Э.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, 295015,

Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, Российская Федерация;

e-mail: alie.fazilova@mail.ru

Поступила в редакцию 31.01.2024

После доработки 16.04.2024

Принята к публикации 17.04.2024

Аннотация

Цель. Проанализировать особенности личности жертв и инициаторов, включённых в буллинг-структуру.

Процедура и методы. С помощью методов и методик были исследованы следующие показатели: для выявления наличия и выраженности когнитивных искажений был использован опросник И. С. Лучинкиной «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения»; использована методика В. Бойко для диагностики типа коммуникативной установки; «Опросник суицидального риска» в модификации Т. Н. Разуваевой предназначен для диагностики суицидального риска.

Результаты позволяют выделить три подгруппы подростков с учётом их ролевой позиции в буллинг структуре: 1) группа инициаторов, которой присущи когнитивные искажения по типу дихотомического мышления и навешивания ярлыков. По параметрам особенностей коммуникации со сверстниками и коммуникативных установок выявлены – открытая жестокость и обоснованный негативизм. По параметрам суицидальных намерений выявлены – демонстративность, слом культурных барьеров, максимализм, высокий антисуицидальный фактор; 2) помощники, которым присущи когнитивные искажения по типу катастрофизации. По параметрам коммуникативных установок у респондентов этой группы выявлена открытая жестокость. Свойственны максимализм и высокий антисуицидальный фактор; 3) жертвы, которым присущи такие когнитивные искажения, как дихотомическое мышление и эмоциональное обоснование. По параметрам особенностей коммуникации были обнаружены установки по типу открытой жестокости, обоснованного негативизма и негативного личного опыта. Присущи демонстративность, аффективность, уникальность, слом культурных барьеров и высокий антисуицидальный фактор.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии проблемы профилактики буллинга в социальных группах, которая по-прежнему остаётся актуальной, но ещё недостаточно изученной. Существующие подходы обычно учитывают особенности развития группы, где происходят случаи буллинга. Однако индивидуальные особенности личности, находящейся в ситуации буллинга, часто не учитываются вообще или учитываются недостаточно. Изучение индивидуальных особенностей личности может помочь в разработке более эффективных методов профилактики буллинга.

© СС ВУ Лучинкина И. С., Фазилова А. Э., 2024.

Ключевые слова: ролевая позиция, буллинг, буллинг-структура, когнитивные искажения, суицидальные риски, коммуникативные установки, жертвы буллинга, инициатор, стресс, адаптация

Для цитирования: Лучинкина И. С., Фазилова А. Е. Психологические особенности жертв и инициаторов, включённых в буллинг-структуру // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №3. С. 21–35.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-21-35

Original Research Article

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF VICTIMS AND INITIATORS INCLUDED IN THE BULLING-STRUCTURE

I. Luchinkina, A. Fazilova

*Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov
per. Uchebnyy 8, Simpheropol, 295015, Republic of Crimea, Russian Federation;
e-mail: alie.fazilova@mail.ru*

Received by the editorial office 31.01.2024

Revised by the author 16.04.2024

Accepted for publication 17.04.2024

Abstract

Aim. To analyze the personality characteristics of the victims and initiators included in the bullying structure.

Methodology. With the help of methods and techniques, the following indicators were investigated: to identify the presence and severity of cognitive distortions, the questionnaire of I.S. Luchinkina "Cognitive distortions during Internet communication" was used; the method of V. Boyko was used to diagnose the type of communicative attitude; the "Suicide risk questionnaire" modified by T.N. Razuvaeva designed to diagnose suicide risk.

Results. The results allow us to distinguish three subgroups of adolescents, taking into account their role position in the bullying structure:

1. The group of initiators characterized by cognitive distortions by the type of dichotomous thinking and labeling. According to the parameters of the features of communication with peers and communicative attitudes, open cruelty and justified negativism were revealed. According to the parameters of suicidal intentions, demonstrativeness, the breakdown of cultural barriers, maximalism, and a high anti-suicidal factor were identified.
2. Assistants who are characterized by cognitive distortions of the type of catastrophization. According to the parameters of communicative attitudes, the respondents of this group revealed open cruelty. Maximalism and a high anti-suicidal factor are their characteristic features.
3. Victims who are characterized by cognitive distortions such as dichotomous thinking and emotional reasoning. According to the parameters of communication features, attitudes were found according to the type of open cruelty, justified negativism and negative personal experience. Demonstrativeness, affectivity, uniqueness, the breakdown of cultural barriers and a high anti-suicidal factor are inherent for them.

Research implications. The theoretical and practical significance consists in revealing the problem of bullying prevention in social groups is still relevant, but has not yet been sufficiently studied. Existing approaches usually take into account the peculiarities of the development of the group where bullying cases occur. However, the individual characteristics of a person in a bullying situation are often not taken into account at all or are not taken into account enough. The study of individual personality traits can help in the development of more effective methods of bullying prevention.

Keywords: role position, bullying, bullying structure, cognitive distortions, suicidal risks, communicative attitudes, victims of bullying, initiator, stress, adaptation

For citation: Luchinkina I. S., Fazilova A. E. Psychological features of victims and initiators included in the bullying structure. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 3, pp. 21–35.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-21-35

Введение

Термин «буллинг» давно используется в социальной психологии как длительное физическое и психическое воздействие группы или определённого человека в отношении к жертве, которая не имеет возможности защитить себя. Благодаря исследованиям Д. Олвеуса, Е. Роланда и ряда других учёных проблема приобретает научную значимость [1]. Буллинг может быть повторяющимся, непрерывным и преднамеренным, даже без прямого столкновения с жертвой, например, на каникулах или в отпуске. Из этого и вытекает и следующая форма буллинга – кибербуллинг, который имеет высокую вероятность того, что признание и вмешательство учителей или родителей будет отсрочено.

Как правило, буллинг-структура имеет тенденцию образовываться случайно, а смена позиций позволяет этому явлению быть одним из самых деструктивных способов взаимодействия. Участники буллинг-структуры испытывают сильные эмоции, а их поведение и реакции считаются довольно иррациональными [2]. Инициатор начинает внушать страх, создаёт враждебную обстановку для жертвы, на-

рушает образовательный процесс или упорядоченную работу школы. Так, помощники инициатора напрямую подключаются к процессу буллинга и имеют не меньшее влияние, чем сам зачинщик. Часто они хотят продемонстрировать свою силу другим и активно помогают людям более сильным, чем они сами.

С другой стороны, подростковый возраст – это активный период, наполненный беспокойством, конфликтами и проблемами, и это этап, на котором подросток сталкивается с различными трудностями адаптации. Этот возрастной период не только наиболее изменчив, чем любая другая стадия развития, но и имеет множество особенностей протекания [3, с. 32]. Кроме того, подростки находятся в моменте, когда у них бывают высокие подъёмы и спады эмоционального состояния. Они склонны судить об объектах и явлениях с уклоном в сторону эмоциональной составляющей, а не рациональной, склонны к стрессу и фрустрации.

Так, подростки могут испытывать различные источники стресса, включая школу, семью, друзей и окружение. В частности, можно сказать, что

издевательства со стороны сверстников, т. е. деструктивные взаимоотношения, являются важной переменной, связанной со стрессом в подростковом возрасте. Также можем отметить, что подростки, подвергшиеся травле со стороны сверстников, испытывают больший стресс, чем обычные подростки, и проявляют высокий уровень показателей по аффективной составляющей, в том числе и высокий суицидальный риск [4].

Подростки, страдающие от буллинга со стороны сверстников, более подвержены стрессу из-за психологического воздействия. Так, пока остальные участники буллинг-структуры могут адаптироваться к новым условиям, группа инициаторов и жертв испытывает трудности. Если жертва и агрессор попадают в новый коллектив, есть большая вероятность, что прежняя модель поведения может выступать как стиль поведения в будущем, что, в свою очередь, может привести к негативным последствиям.

Ким Гиль-Им и Сим Хи-Ок также отмечают, что существует связь между стрессом и деструктивными отношениями со сверстниками. Авторы утверждают, что дети, которые находятся в стрессовом состоянии из-за родителей, школьных занятий, учителей и друзей, больше других подвергнуты риску стать жертвой буллинга. Кроме того, другой автор – Пак Джи Ён – пишет, что стресс, связанный с психологическим климатом в семье, межличностными отношениями и школьной жизнью, тесно связан с травлей сверстников.

С другой стороны, отношения со сверстниками в этот период складываются в основном в образовательной

среде, поэтому видно, что они имеют тесную связь со школьной жизнью подростков. Согласно Д. Ольвеус, дети, которые страдают от буллинга со стороны сверстников, испытывают трудности в социальной и эмоциональной адаптации [5]. Они боятся ходить в школу из-за того, что постоянно подвергаются издевательствам со стороны сверстников и им трудно участвовать в повседневном общении с другими подростками в школе. В результате их удовлетворённость школьной жизнью резко падает и приводит к тому, что ребёнок не хочет посещать школу и испытывает неприспособленность к общественной жизни. Так, позиция жертвы в буллинг-структуре имеет одно из сложнейших последствий. Поскольку жертвы могут быть не только пассивными, но и агрессивными. Зачастую жертвы сами становятся агрессорами и, в свою очередь, осознанно и организовано издеваются над сверстниками [6, с. 25]. Чтобы разобраться в психологии жертвы, стоит проанализировать особенности личности, включённой в буллинг-структуру.

Жертвы легко реагируют на поведение инициатора и его помощников. Они быстро подключаются к буллингу, поскольку большая часть общения между детьми осуществляется невербально. Так, агрессор может определить по позе, тону голоса и общему языку тела, что объекту не хватает уверенности. Примером могут служить исследования, которые проводились с девиантными подростками. Результаты показали, что они выбирают свои цели таким же образом, как выбирают лёгкую добычу, читая язык тела [7].

Поскольку жертвы пассивны, тихи и застенчивы, то они не могут постоять

за себя и им не хватает самоуверенности. Это тоже становится причиной, из-за которой агрессор и другие участники буллинга понимают, что сопротивления не будет. Именно поэтому буллинг отличается значительной системностью и длительностью воздействия на жертву.

Жертвы травли могут быть социально замкнутыми и не иметь поддерживающей группы друзей. Однако буллинг-структура имеет тенденцию смены позиций. Так, при условии, что защитников жертвы станет больше, чем зачинщиков, процесс может приостановиться.

Добавим, что жертвы склонны во многом винить себя в любых проблемах, которые у них возникают с другими. Инициатор очень быстро понимает это и в итоге может использовать манипуляцию, осознавая, что после акта издевательства жертва будет винить себя и это убережёт зачинщиков от неприятностей.

В частности, дети, ставшие жертвами буллинга, проявляют большую агрессию, чем жертвы других форм издевательства [8, с. 14–16]. Исследователи обнаружили, что дети, которые были исключительно жертвами агрессоров, демонстрировали высокий уровень проблем с интернализацией [9]. Такие выводы во многом подтверждают взаимосвязь адаптации и позиции буллинга в среде сверстников.

Стоит ещё упомянуть о другой форме буллинга – кибербуллинге. Традиционный буллинг и кибербуллинг имеют сходства и различия. Подобно традиционному буллингу, кибербуллинг имеет одну общую с ним черту: ребёнок или подросток, превосходящий его по физической силе или

социальному статусу (репутация, популярность, предпочтения), намеренно, постоянно и неоднократно запугивает сверстника, который слабее его.

С другой стороны, в отличие от традиционного буллинга, кибербуллинг – это акт причинения вреда другим с использованием информационных и коммуникационных устройств (компьютеров, мобильных телефонов и Интернета) в сети или в киберпространстве [10].

Кибербуллинг также включает в себя распространение слухов или создание неудобств людям путём загрузки нежелательных фотографий или текстов. Поскольку киберзапугивание не ограничивается физическим пространством школы, оно может происходить после школы, по выходным или во время каникул.

Насилие может быть повторяющимся, непрерывным и преднамеренным даже без прямого столкновения с жертвой, например, в отпуске. Из-за этих характеристик киберзапугивания существует высокая вероятность того, что признание и вмешательство учителей или родителей будет отсрочено. Кибербуллинг, особенно анонимный, снижает чувство вины или чувствительности инициатора. Поскольку травля происходит в киберпространстве, жертвам сложно активно реагировать или избегать издевательства.

Из всего написанного следует, что кибербуллинг происходит одновременно с буллингом. В качестве возмездия за издевательства, жертва может сменить позицию из потерпевшей в активного агрессора [11; 19; 20]. Следовательно, необходимо изучить опыт жертв кибербуллинга вместе с традиционным опытом травли в жизни.

Жертвы издевательств испытывают такие симптомы, как изменение восприятия себя и своих отношений с другими, такие как неприязнь к себе, чувство стыда, обвинение себя, неспособность восстановить доверие к другим и беспокойство по поводу их оценки. У них могут быть дисфункциональные представления о себе и других, отрицательные эмоции по отношению к себе, подозрительность к другим и искажённое восприятие других [12, с. 43]. Кроме того, жертвы буллинга формируют негативное представление о себе и могут избегать контакта, потому что они испытывали тревогу или страх при межличностном общении. Таким образом, ущерб от буллинга оказывает значительное влияние на личность и межличностные отношения.

Если рассматривать взаимосвязь между издевательствами и прогнозированием эмоций, то можно отметить ряд экспериментальных исследований, в рамках которых определялась эпизодическая память. Было выявлено, что эпизодическая память включает в себя способность совершать мысленные путешествия во времени (МТТ), осуществлять успешное мышление о будущем и создавать воспоминания о будущем [13, с. 32–35]. Люди используют эти эпизодические воспоминания при принятии решений, основанных на прошлом опыте, чтобы предсказать, как бы они себя чувствовали, если бы приняли решение о каком-то другом действии. Однако если припоминание дефектное, оптимальные решения могут быть не приняты. Исследователи также предполагают, что механизмы предвзятости при прогнозировании эмоций и предвзятости при воспро-

изведении эмоций схожи. Когда люди делают эмоциональные прогнозы о событиях, они сосредотачиваются на одном виде информации. Таким образом, фокализм может привести к неточному воспоминанию. Авторы также сообщают, что самый интенсивный и самый последний эмоциональный опыт искажает общее эмоциональное воспоминание, и что обладатели этих воспоминаний будут испытывать более сильные эмоции в ответ на интенсивные и субъективные события [14; 16; 18].

Учитывая, что групповая травля характеризуется повторяющимся и непрерывным воздействием негативного поведения, можно говорить о том, что личность испытывает негативные изменения в эмоциональных, поведенческих и когнитивных аспектах, и эти изменения часто происходят комплексно. Подростки, подвергшиеся издевательствам, склонны к тревоге, одиночеству и низкой самооценке, они демонстрируют множество негативных проблем, таких как проблемы со сном, депрессия и суицидальные мысли [15; 17; 20]. Они также испытывают негативные изменения в когнитивных аспектах с высоким уровнем комплекса неполноценности и самоуничтожения, а также с тенденцией думать, что они заслужили тот вред от других, который они получают. Появляется негативное восприятие, негативные мнения и критика самого себя, у людей наблюдаются низкая удовлетворённость и низкая самооценка в межличностных отношениях, недостаток уверенности в себе и недостаток социальных навыков.

Буллинг имеет структуру, типичную для конфликта, но имеет специфические особенности (длительный повто-

ряющийся характер буллинга, дисбаланс в силах преследователя и жертвы). Подростки, которые не соблюдают действующие в коллективе нормы и ценности, считаются неприспособленными аутсайдерами. В эту категорию обычно входят дети, которые не могут или не хотят адаптироваться к существующему образу жизни и обычаям. Лидеры и аутсайдеры являются незаменимыми членами одной цепи. Общение подростка со сверстниками чрезвычайно важно для его психического развития и социализации.

Для подростка характерно самоуничтожение или уход из окружающей среды. Этот путь обновляется, когда адаптационный путь преобразования среды не был реализован из-за невозможности принять окружающие ценности и неспособности изменить или покорить мир вокруг. Подросток может потерять чувство собственного достоинства или ценность своего окружения. Он не самосовершенствуется, так как для оптимального развития необходимо не выходить из ситуации, а стремиться разрешить её.

Важно отметить, что дисфункциональные личные отношения с друзьями очень трудно воспринимаются и переживаются подростками. Для многих детей в этом возрасте разрыв личных отношений с друзьями считается личной драмой. Чтобы завести друзей, обратить внимание собеседников, подросток старается сделать всё возможное; иногда из-за этого происходит прямое нарушение применимых социальных норм в открытом конфликте со взрослыми.

Итак, буллинг представляет собой физическое и психологическое насилие, которое отличается значитель-

ной системностью и длительностью воздействия на жертву. Это отличает буллинг от других форм деструктивного взаимодействия. Признавая значимость указанных исследований, отметим, что за рамками анализа учёных остались такие психологические особенности ролевой позиции жертвы буллинг-структуры, как когнитивные искажения, негативные коммуникативные установки и дисфункциональные психические состояния [8].

Эмпирическое исследование (подробное описание исследования)

Эмпирическое исследование проходило в два этапа. В основе исследования лежало предположение о том, что существуют различия между участниками буллинг-структуры (инициатор, помощники инициатора и жертва) по параметрам когнитивных искажений, коммуникативных установок, суицидального риска.

Для выявления ролевой позиции в буллинг-структуре были применены анкетирование и методики среди лиц подросткового возраста (16–17 лет). В исследовании приняли участие 40 респондентов в возрасте 16–17 лет, среди которых были выявлены позиции жертв, инициаторов и помощников инициаторов.

На втором этапе с помощью методов и методик были исследованы следующие показатели: для выявления наличия и выраженности когнитивных искажений, был использован опросник И. С. Лучинкиной «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения»; использована методика В. Бойко для диагностики типа коммуникативной установки; «Опросник суи-

цидального риска» в модификации Т. Н. Разуваевой предназначен для диагностики суицидального риска.

В ходе исследования благодаря применению Н-критерия Краскела-Уоллиса (SPSS-26) проведён сравнительный анализ между тремя группами подростков с различными ролевыми позициями в буллинг-структуре по параметрам когнитивных искажений, суицидальных рисков и коммуникативных установок.

Результаты исследования

На первом этапе эмпирического исследования с помощью анкетирования и методики «Буллинг-структура» Е. Г. Норкиной выделены ролевые позиции респондентов выборки. Таким образом, 26% респондентам присуща такая ролевая позиция в буллинг-структуре, как «инициатор»; 33% респондентов – «помощники инициатора»; 41,5% респондентов – «защитники жертв».

Для исследования наличия и выраженности когнитивных искажений использована методика И. С. Лучинкиной. В результате проведения сравнительного анализа между

участниками буллинг-структуры по показателям когнитивных искажений с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (табл. 1).

Результаты исследования когнитивных искажений показали, что группе инициаторов и группе жертв присуще когнитивное искажение по типу дихотомического мышления ($N_{\text{эмп}} = 35,614$, при $p \leq 0,005$). У личности возникает бинарное восприятие действительности из-за постоянной попытки упростить ситуацию, идёт концептуализация аспектов реальности. Тяжело оценивать происходящее без абсолютных категорий и крайних значений.

Обнаружено, что группе помощников инициаторов присуще когнитивное искажение по типу катастрофизации, также обнаружена тенденция по этому типу у группы жертв ($N_{\text{эмп}} = 13,690$, при $p \leq 0,005$). Это когнитивное искажение представляет собой переоценку вероятности негативного исхода как более вероятного. Такие личности не только составляют логические цепочки с крайне негативным концом, но и убеждают себя в том, что они просто не справятся с возникшей ситуацией.

Таблица 1 / Table 1

Достоверные отличия выраженности когнитивных искажений у участников буллинг-структуры / Significant differences in the severity of cognitive distortions among the participants of the bullying structure

Критерий	Эмпирические значения, $N_{\text{эмп}}$	Уровень статистической значимости, α
Дихотомическое мышление	35,614	0,001
Катастрофизация	13,690	0,005
Эмоциональное обоснование	24,141	0,001
Навешивание ярлыков	33,824	0,001

Источник: составлено автором.

Так, выявлено, что группе жертв присуще когнитивное искажение по типу эмоционального обоснования. Также стоит отметить, что группе инициаторов присуща тенденция по указанному признаку. Существуют достоверные различия по статистическому критерию $H_{эмп} = 24,141$, при $p \leq 0,005$. Эмоциональное обоснование подкрепляется объяснением собственных действий и оценки происходящего на основе эмоциональной составляющей. Для личности собственные эмоции становятся аргументом.

Также выявлены высокие показатели по шкале навешивания ярлыков у группы инициаторов. Тенденции по типу навешивания ярлыков выявлены среди группы помощников инициаторов ($H_{эмп} = 33,824$, при $p \leq 0,005$). Это искажение характеризует склонность создавать умозаключения по субъективной оценке. Личность присваивает себе или окружающим характеристики на основании первого впечатления.

Результаты исследования коммуникативной составляющей следующие. Для диагностики наличия и выраженности коммуникативной установки была использована мето-

дика В. В. Бойко. В результате проведения сравнительного анализа между участниками буллинг-структуры по показателям коммуникативной составляющей с помощью Н-критерия Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные отличия по ряду из них (табл. 2).

Группы инициаторов, помощников и жертв демонстрируют высокие значения по шкале открытой жестокости ($H_{эмп} = 13,585$, при $p \leq 0,005$).

Так, у группы инициаторов и группы жертв отмечается выраженность по показателям обоснованного негативизма. Отмечены достоверные различия по статистическому критерию $H_{эмп} = 14,036$, при $p \leq 0,005$. Обоснованный негативизм выражается в противопоставлении фактов, которые лишены объективных оснований.

Стоит отметить, что у группы жертв отмечаются высокие показатели коммуникативной установки по типу негативного личного опыта общения с окружающими. Группы помощников инициаторов и инициаторов показывают средние значения по указанной шкале ($H_{эмп} = 13,434$, при $p \leq 0,005$). Здесь коммуникативная установка вы-

Таблица 2/ Table 2

Достоверные отличия выраженности коммуникативных установок у участников буллинг-структуры / Significant differences in the severity of communicative attitudes among the participants of the bullying structure

Критерий	Эмпирические значения, $H_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Открытая жестокость	13,585	0,005
Обоснованный негативизм	14,036	0,004
Негативный личный опыт	13,434	0,005

Источник: составлено автором.

ступает в роли конденсатора, который удерживает напряжённость и негативные эмоции при межличностном и групповом общении.

Для диагностики наличия и выраженности суицидального риска был использован «Опросник суицидального риска» в модификации Т. Н. Разуваевой. Результаты исследования аффективной составляющей (табл. 3).

Группы инициаторов и помощников показывают средние значения по шкале демонстративности, в то время как группа жертв показывает низкие значения по указанной шкале. Так, выявлены достоверные различия по статистическому критерию $H_{эмп} = 12,036$, при $p \leq 0,005$. Демонстративность выражается в намеренном и осознанном поведении, которое направлено на создание определённого впечатления. Стремление получить удовольствие от привлечения позитивного внимания к своей личности для поддержания завышенной самооценки.

Наиболее выраженные показатели по шкале уникальности были отмечены у группы жертв ($H_{эмп} = 25,533$,

при $p \leq 0,005$). У групп инициаторов и жертв были выделены средние показатели по указанной шкале. Отличительной чертой уникальности является убеждённость личности в том, что она обладает некими неповторимыми особенностями, не встречающимся в пределах горизонта сравнения.

По шкале «слом культурных барьеров» были обозначены высокие показатели у групп жертв и инициаторов. У группы помощников инициаторов были отмечены низкие показатели по указанной шкале ($H_{эмп} = 46,443$, при $p \leq 0,005$). Слом культурных барьеров характеризуется представлением личности о праве вершить судьбу, в точной убеждённости во враждебности мира, фиксировании внимания только на неудачах и негативных сторонах жизни.

В ходе исследования были выявлены высокие показатели максимализма у групп инициаторов и помощников инициаторов. В остальных группах наблюдаются средние или низкие показатели ($H_{эмп} = 46,443$, при $p \leq 0,005$). Личность, которой свойственен мак-

Таблица 3 / Table 3

Достоверные отличия выраженности суицидальных рисков у участников буллинг-структуры / Significant differences in the severity of suicidal risks among the participants of the bullying structure

Критерий	Эмпирические значения, $H_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Демонстративность	12,036	0,002
Уникальность	23,423	0,001
Слом культурных барьеров	11,108	0,03
Максимализм	46,443	0,001
Антисуицидальный фактор	31,232	0,001

Источник: составлено автором.

символизм, выражает свою позицию в крайних вариантах с чрезмерными завышенными претензиями и требованиями к себе и окружающим.

Так, группы инициаторов и помощников показали высокие значения по шкале антисуицидального фактора. Группы жертв показывают средние значения по указанным шкалам ($H_{\text{эмп}} = 31,232$, при $p \leq 0,005$). Антисуицидальный фактор представляет собой комплекс личностных факторов и психологические особенности человека, которые препятствуют осуществлению суицидальных намерений.

Таким образом, анализ результатов подтвердил, что существуют различия между участниками буллинг-структуры по параметрам когнитивных искажений в ходе общения, коммуникативных установок и суицидальных рисков.

Выводы

Были выделены психологические особенности подростков, вовлечённых в буллинг. Так, выделены отличия по когнитивной составляющей, которая включает в себя когнитивные суждения, в том числе и ошибочные по отношению к общению со сверстниками. Когнитивные искажения представляют собой систематические паттерны отклонений в суждениях, происходящих в определённых ситуациях. Эмпирически выявлены различия: так, у инициаторов отличительной особенностью является бинарное восприятие действительности из-за постоянной попытки упростить ситуацию, у них идёт концептуализация аспектов реальности, тяжело оценивать происходящее без абсолютных ка-

тегорий и крайних значений. У помощников инициатора следует отметить преувеличение негативных событий, последствия кажутся неразрешимыми, отчего может формироваться «тоннельное мышление». У жертв буллинга всё может подкрепляться объяснением собственных действий и оценки происходящего на основе эмоциональной составляющей.

Также выделены отличия по коммуникативной составляющей, которая включает в себя наличие и выраженность коммуникативных установок. Коммуникативные установки представляют собой предрасположенность субъекта к восприятию будущих событий и к действиям в определённом направлении. Так, группе жертв может быть свойственно противопоставление фактов, которые лишены объективных оснований. Также у жертв отмечается тенденция к тому, что коммуникативная установка выступает в роли конденсатора, который удерживает напряжённость и негативные эмоции при межличностном и групповом общении.

Аффективная составляющая включает в себя суицидальные риски. Так, компоненты составляющей способствуют глубокому вовлечению в буллинг-структуру, что может привести к негативным последствиям. Мы отмечаем, что любые негативные психические состояния (агрессивность, ригидность, тревожность, фрустрированность) приводят к переносу потребностей в буллинг. Здесь важно отметить, что отличительной особенностью агрессивных подростков является одиночный, а не групповой характер деятельности. Были выделены различия: у группы инициаторов вы-

явлены демонстративность, что выражается в намеренном и осознанном поведении, которое направлено на создание определённого впечатления. Также инициаторам свойственна точная убеждённость во враждебности мира. Фиксирование внимания только на неудачах и негативных сторонах жизни. У помощников отмечается способность выражать свою позицию в крайних вариантах с чрезмерными завышенными претензиями и требованиями к себе и окружающим. У жертв отличительной чертой является уникальность – убеждённость личности в том, что она обладает некими неповторимыми особенностями, не встречающимся в пределах горизонта сравнения.

Исследования показывают, что позиция в буллинг-структуре зависит от нескольких психологических факто-

ров, таких как когнитивные, коммуникативные и аффективные составляющие. Понимание ролевой позиции подростков, вовлечённых в буллинг-структуру, может помочь в разработке эффективных методов профилактики и решения этой проблемы в дальнейших исследованиях. Например, может быть предложен когнитивно-поведенческий подход, который направлен на изменение искажённых убеждений личности и, следовательно, на изменение её моделей поведения и ролевых позиций. Данный подход помогает расшатывать и перестраивать убеждения, которые могут привести к буллингу, и заменять их на более позитивные и конструктивные мысли. Также важно отметить, что буллинг может иметь серьёзные последствия для жертвы, такие как психологические проблемы, снижение самооценки и даже самоубийство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болтунова А. И. Особенности межличностного общения среди подростков // Молодой учёный. 2014. №1. С. 492–494.
2. Волкова И. В. Подростковый буллинг и стиль общения педагога // Научное мнение. 2018. №5. С. 56–63.
3. Волкова Е. Н., Волкова И. В. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга // Вестник Мининского университета. 2019. №3 (20). С. 17.
4. Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №105. С. 159–165.
5. Глазман О. Л. Буллинг // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №106. С. 111–132.
6. Горлова Я. В. Психологические признаки буллинга в межличностном взаимодействии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №2-2. С. 78–83.
7. Жеребова Н. С. Лидерство в малых группах // Руководство и лидерство. Опыт социально-психологического исследования. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1973. 145 с.
8. Кравцова М. М. Дети-изгои. Психологическая работа с проблемой. М.: Генезис, 2005. 111 с.
9. Кравцова М. М. Дети-изгои. Психолог в школе. М.: Генезис, 2005. 100 с.
10. Лейн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия. СПб.: Питер, 2001. С. 240–274.

11. Лучинкина И. С., Фазилова А. Э. Психологические особенности личности с различными ролевыми позициями в буллинг-структуре // Мир науки. Педагогика и психология. 2021 №4. URL: <https://mir-nauki.com> (дата обращения: 20.10.2024).
12. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. М.: Академия, 2006. 186 с.
13. Назаров В. Л., Авербух Н. В., Буйначева А. В. Буллинг и кибербуллинг в современной школе // Образование и наука. 2022. №2. С. 169–204.
14. Хломов К. Д., Бочарев А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. №3. С. 177–191.
15. Чекина Л. Ф., Оболенская Ю. Н. Предикторы школьного буллинга // Управление образованием: теория и практика. 2021. №3 (43). С. 255–265.
16. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. Проблемы возрастной педагогической психологии / под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 224 с.
17. Boatwright B., Mathis T., Smith-Rex S. Getting equipped to stop bullying: A kid's survival kit for understanding and coping with violence in schools. MN: Educational Media Corporation, 2000. 87 p.
18. Bullying behaviors among U.S. youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment / Nansel T. R., Overpeck M., Pilla R. S., Ruan J. W. // Journal of the American Medical Association. 2008. №6. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2435211> (дата обращения: 12.04.2023). DOI: 10.1177/070674370605100604.
19. Olweus D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: two short-term longitudinal studies of ratings // Child Development. 1977. №48 (4). P. 978–987.
20. Pellegrini A. D., Bartini M. A longitudinal study of bullying, victimization, and peer affiliation during the transition from primary to middle school // American Educational Research Journal. 2000. Vol. 37. №3. P. 699–725. DOI: 10.1348/026151002166442.

REFERENCES

1. Boltunova A. I. [Features of interpersonal communication among adolescents] In: *Molodoy uchyoniy* [Young scientist], 2014, no. 1, pp. 492–494.
2. Volkova I. V. [Teenage bullying and the teacher's interaction style]. In: *Nauchnoe mnenie* [The Scientific opinion], 2018, no. 5, pp. 56–63.
3. Volkova E. N., Volkova I. V. [Cyberbullying as a method of social addressing teenagers on the bullying situation]. In: *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University], 2019, no. 3 (20), p. 17.
4. Glazman O. L. [Psychological features of participants of bullying]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 105, pp. 159–165.
5. Glazman O. L. [Bullying]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 106, pp. 111–132.
6. Gorlova Ya. V. [Psychological signs of interpersonal bullying interaction]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International journal of humanities and natural sciences], 2024, no. 2-2, pp. 78–83.
7. Zherebova N. S. [Leadership in small groups]. In: *Rukovodstvo i liderstvo. Opyt social'no-psihologicheskogo issledovaniya* [Management and leadership. Experience of social and psychological research]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen, 1973. 145 p.

8. Kravtsova M. M. *Deti-izgoi. Psihologicheskaya rabota s problemoj* [Outcast children. Psychological work with the problem]. Moscow, Genezis Publ., 2005. 111 p.
9. Kravtsova M. M. *Deti-izgoi. Psiholog v shkole* [Outcast children. Psychologist at school]. Moscow, Genezis Publ., 2005. 100 p.
10. Lane D. A. [School bullying]. In: *Detskaya i podrostkovaya psihoterapiya* [Child and adolescent psychotherapy]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, pp. 240–274.
11. Luchinkina I. S., Fazilova A. E. [Psychological features of a person with different role-playing police in the bullying structure]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 2021, no. 4. Available at: <https://mir-nauki.com> (accessed: 20.10.2024).
12. Mukhina B. C. *Vozrastnaya psihologiya. Fenomenologiya razvitiya* [Age psychology. Phenomenology of development]. Moscow, Akademiya Publ., 2006. 186 p.
13. Nazarov V. L., Averbuk N. V., Buinacheva A. V. [Bullying and cyberbullying in a modern school]. In: *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2022, no. 2, pp. 169–204.
14. Khlomov K. D., Bocharev A. A. [Cyberbullying: harassment in the space of modern technologies]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, no. 3, pp. 177–191.
15. Chekina L. F., Obolenskaya Yu. N. [Predictors of school bullying]. In: *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika* [Education Management Review], 2021, no. 3 (43), pp. 255–265.
16. Elkonin D. B. *Izbrannye psihologicheskie trudy. Problemy vozrastnoj pedagogicheskoy psihologii* [Selected psychological works. Problems of age-related educational psychology]. Moscow, International Pedagogical Academy, 1995. 224 p.
17. Boatwright B., Mathis T., Smith-Rex S. Getting equipped to stop bullying: A kid's survival kit for understanding and coping with violence in schools. MN, Educational Media Corporation Publ., 2000. 87 p.
18. Nansel T. R., Overpeck M., Pilla R. S., Ruan J. W. Bullying behaviors among U.S. youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment. In: *Journal of the American Medical Association*, 2008, no. 6. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2435211> (accessed: 12.04.2023). DOI: 10.1177/070674370605100604.
19. Olweus D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: two short-term longitudinal studies of ratings. In: *Child Development*, 1977, no. 48 (4), pp. 978–987.
20. Pellegrini A. D., Bartini M. A longitudinal study of bullying, victimization, and peer affiliation during the transition from primary to middle school. In: *American Educational Research Journal*, 2000, vol. 37, no. 3, pp. 699–725. DOI: 10.1348/026151002166442.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лучинкина Ирина Сергеевна (Симферополь) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова;

e-mail: miss_luchinkina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5111-4396

Фазилова Алие Эльдаровна (Симферополь) – аспирант кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова;

e-mail: alie.fazilova@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-5768-1951

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina S. Luchinkina (Simferopol) – Cand. Sci. (Psychological sciences), Assoc. Prof. of the Department of psychology of Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov;

e-mail: miss_luchinkina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5111-4396

Alie E. Fazilova (Simferopol) – Postgraduate student of Department of psychology of Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov;

e-mail: alie.fazilova@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-5768-1951

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-36-48

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ С КРИЗИСНЫМ ПРОФИЛЕМ

Михайлова И. В., Китаев С. А.

Ульяновский государственный университет, 432000, Ульяновская обл., г. Ульяновск,
ул. Льва Толстого, д. 42, Российская Федерация; e-mail: 44kd11@gmail.com

Поступила в редакцию 11.02.2024

После доработки 22.02.2024

Принята к публикации 27.02.2024

Аннотация

Цель. Выявить особенности критического состояния личности с кризисным профилем.

Процедура и методы. В процессе проведения эмпирического исследования использовались следующие методы: общетеоретические методы; эмпирические методы, в которые входят следующие методики: опросник «Переживание психологического кризиса личностью» (С. В. Духновский), методика «Определение состояния фрустрации» (В. В. Бойко), методика «Определение уровня стресса» (Ю. В. Щербатых), методика «Уровень внутриличностной конфликтности» (А. И. Шипилов). Также были использованы математические методы статистической обработки информации: методы описательной статистики; статистический U-критерий – Критерий Манна-Уитни для выявления значимости различий.

Результаты. В результате исследования были получены данные о выраженности критических состояний у испытуемых. На основании результатов, полученных при использовании опросника «Переживание психологического кризиса личностью» (С. В. Духновский), были выявлены две эмпирические группы: испытуемые с ярко выраженным кризисным профилем и субъекты со слабо выраженным кризисным профилем. У лиц с выраженным кризисным профилем было выявлено состояние эмоционального дисбаланса, пессимистическая и демобилизационная реакция, состояние дезорганизации и негативный образ себя. Было установлено, что в группе испытуемых с высокими показателями по кризисному профилю более выражен уровень стрессового состояния и уровень фрустрации. Показатели внутриличностного конфликта у обеих эмпирических групп находятся практически на равном уровне, различия не значимы.

Практическая значимость. Полученные в исследовании результаты расширяют представление о психическом состоянии индивида и могут быть использованы в индивидуальной и групповой консультативной работе с личностями, обладающими кризисным профилем. Результаты эмпирического исследования также могут быть взяты за основу разработки программы по выведению субъекта из психологического кризиса с учётом выраженности его кризисного состояния.

Ключевые слова: критические ситуации, кризисный профиль, переживание, психологический кризис

Для цитирования: Михайлова И. В., Китаев С. А. Психологическое состояние личности с кризисным профилем // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №3. С. 36–48.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-36-48

Original Research Article

THE PSYCHOLOGICAL STATE OF A PERSON WITH A CRISIS PROFILE

I. Mikhailova, S. Kitaev

Ulyanovsk State University

ul. Lva Tolstogo, 42, Ulyanovsk Region, Ulyanovsk, 432000, Russian Federation;

e-mail: 44kd11@gmail.com

Received by the editorial office 11.02.2024

Revised by the author 22.02.2024

Accepted for publication 27.02.2024

Abstract

Aim. To reveal the features of the critical state of a person with a crisis profile.

Methodology. In the course of conducting the empirical research, the following methods were used: general theoretical and empirical methods, including the “Experiencing a Psychological Crisis by a Person” questionnaire by S.V. Dukhnovsky, the methodology “Identifying frustration state” by V. V. Boyko, the stress level test by Y. V. Scherbatykh, and the intra-personal conflict level test by A. I. Shipilov. Mathematical methods of statistical processing of information were used, including methods of descriptive statistics and the Mann-Whitney U-criterion to identify significant differences.

Results. As a result of the study, data were obtained on the severity of critical conditions in the research subjects. Based on the results obtained using the questionnaire “Experiencing a Psychological Crisis by a Person” (S. V. Dukhnovsky), two empirical groups were identified: subjects with a pronounced crisis profile and subjects with a weakly pronounced crisis profile. The subjects with a pronounced crisis profile revealed a state of emotional imbalance, a pessimistic and demobilization reaction, a state of disorganization and a negative self-image. It was established that in the group of subjects with high rates of crisis profile, the levels of stress and frustration were more pronounced. Indicators of intrapersonal conflict in both empirical groups are almost at the same level, the differences are not significant.

Research implications. The results obtained in the study expand the understanding of the mental state of an individual and can be used in individual and group counseling work with individuals with a crisis profile. The results of the empirical study can also be used as a basis for developing a program to remove a subject from a psychological crisis, taking into account the severity of his crisis state.

Keywords: critical situations, crisis profile, experience, psychological crisis

For citation: Mikhailova I. V., Kitaev S. A. The psychological state of a person with a crisis profile. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 3, pp. 36–48.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-36-48

Введение

В психологических исследованиях до сих пор существует не так много работ, направленных на изучение кризисного профиля личности и особенностей индивида, находящегося в кризисной ситуации.

Данная проблема затрагивает психологические аспекты об информации о том, насколько разными могут быть проблемы у людей, обладающих кризисным профилем, и на сколько интенсивно у них выражены другие критические ситуации, которые существенно влияют на состояние человека и ведут к появлению большого количества психологических проблем.

Проблема данной темы заключается в недостаточной изученности критических состояний личности. Необходимо рассмотреть основные виды критических ситуаций, которые включают в себя стресс, фрустрацию, кризис и конфликт, для понимания их влияния на человека, изучения их различий, для правильного понимания каждой критической ситуации. Также с помощью результатов исследования, полученных эмпирическим путём, рассмотреть получившиеся особенности и предположить, чем они могли быть вызваны.

Данное исследование позволяет заполнить пробел в недостаточном эмпирическом исследовании психологических особенностей лиц с кризисным профилем – оно выявляет различия между состояниями человека в кризисе и без него, значимость этих различий и делает попытку объяснить полученные результаты.

Теоретические аспекты исследования особенностей критического состояния личности с кризисным профилем

Существуют разные подходы к исследованию критических состояний и психологического переживания личности [9]. Основной подход в данном исследовании опирается на теорию отечественного учёного Ф. В. Василюка. Фёдор Ефимович внёс большой вклад в изучение критических состояний личности, наиболее наглядно продемонстрировал отличия каждой критической ситуации, что дало возможность изучить особенности каждой из них и применить теоретическую базу в ходе исследования [2].

Необходимо также выделить подход Э. Кюблер-Росс к пониманию отрицательного эмоционального состояния личности. Она представляет собой теорию, содержащую в себе пять стадий принятия: отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие. Данная теория позволяет более глубоко понять критические состояния человека, но она слишком узконаправленна и применима по большей части к смертельно больным людям. Именно поэтому наше исследование опирается на теорию Ф. Е. Василюка.

Критические состояния личности на данный момент являются обширной областью для психологического исследования. Самым тяжёлым критическим состоянием является кризис. Кризис представляет собой ситуацию в жизни, которая обозначает перед человеком определённую проблему, которую он не способен разрешить за короткое время привычным для себя способом [10]. Кризис является наи-

более опасным видом переживания, он способен полностью уничтожить нормальную жизнь человека, а в особенно тяжёлых случаях может привести человека к суициду [11].

Изучение кризисного состояния в настоящее время происходит в самых разных направлениях, для более полного понимания проблемы кризиса были рассмотрены исследования, проведённые различными научными работниками.

Так, С. И. Подтесова и Е. Б. Мамонова делают акцент на рассмотрении роли самоактуализации и когнитивных способностей в личности в период кризиса тридцати лет [8]. Авторы подчёркивают, что с негативными последствиями кризиса индивиду помогает справляться стремление к самореализации через познание себя.

В настоящее время активно изучается вопрос о кризисе идентичности личности субъектов юношеского и молодого возраста, которые по разным причинам сменили страну проживания и обучения. Н. К. Грамотунова [3] в своих исследованиях пришла к выводу, что кризис идентичности актуален практически для всех студентов-мигрантов – некоторые студенты легко переносят данное состояние, другие же получают целый спектр различных психологических проблем. Социальные институты общества, и в частности высшие учебные заведения, предъявляют новые требования к учебной и воспитательной работам, из-за которых студенты-мигранты испытывают переживания, что в итоге может приводить их к дизадаптации, потере ценностных ориентиров и к психологическому кризису.

Важным фактором последствий кризисного состояния является возможное возникновение суицидальных мыслей. Так Я. В. Евсеева рассматривает проявление кризиса у людей пожилого возраста в форме суицидальных наклонностей [5]. Статья Я. В. Евсеевой основывается на обзоре материалов изучения кризисного состояния в ситуации мировой пандемии коронавируса, который погрузил огромное количество людей в состояние переживания. Человек на данном возрастном этапе уже перенёс огромное количество переживаний и утрат, он приспособлялся к этому годами, в какой то момент адаптивные механизмы начинают ослабевать, и в данном случае человек может впасть в депрессивное или кризисное состояние, которое характеризуется беспомощностью, фатальностью и ощущением безнадёжности, а сниженная самооценка способствует возникновению отращения к себе, окружающим и жизни в целом. С возрастом данные состояния усугубляются утратой работы, здоровья или семьи. Автор подчёркивает, что именно долгая самоизоляция и невозможность продолжения привычной жизни способствует развитию психологического кризиса, суицидальных мыслей и намерений.

Преодоление данного критического состояния является серьёзной задачей, которая может вызывать ряд трудностей. Для позитивного преодоления данного состояния необходимо проводить качественно новые исследования в этой сфере, что в дальнейшем поможет выработать строгий алгоритм действий по снижению негативных эффектов от кризиса [15]. Данная кри-

тическая ситуация является центральной в проведённом исследовании.

Кризисный профиль личности – это отражение содержательных характеристик интегральной индивидуальности субъекта, переживающего (не переживающего) переломный момент в жизни, начиная от биохимических особенностей организма и заканчивая социальным статусом личности в обществе. Данный профиль оценивает состояние ряда систем человека, таких как: свойства организма, психические свойства, глубинно-психологические особенности и социально-психологические особенности [4].

На основании данной характеристики кризисного профиля С. В. Духновским была разработана методика «Переживание психологического кризиса личностью». Данная методика является основополагающей в проводимом исследовании. Теория Духновского помогла подробно рассмотреть особенности кризисного состояния личности и выделить факторы, влияющие на образование кризисного профиля.

Стресс – это состояние, в котором человек испытывает чрезмерно сильные и продолжительные по времени переживания. Они возникают у людей, которые испытывают перегруженность нервной системы. Многие авторы отмечают, что большинство людей испытывало стресс, но никто не берётся выяснить, что он из себя представляет. Можно сказать, что факторы стресса, называемые стрессорами, для всех людей являются разными, но они запускают в организме одинаковую биологическую реакцию стресса [7]. Для наиболее эффективного результата преодоления данной ситуации

требуется уметь управляться со своим психическим состоянием, важно осознавать свою ценность и относиться с уважением ко всем составляющим своего организма и беречь его. Важно также обращать особое внимание на переживание данного состояния у студентов: они в наибольшей степени подвержены переживанию стресса, так как на их пути встречается огромное количество препятствий [6].

Фрустрация – это негативное психическое состояние, являющееся следствием того, что человек не в состоянии удовлетворить определённые, необходимые в данный момент потребности. Критическая ситуация фрустрации появляется у человека, который преследует достижение одной единственной, конкретной цели и в процессе её достижения сталкивается с непреодолимой преградой, из-за которой дальнейшее продвижение становится бессмысленным, так как цель уже не будет достигнута. Огромное количество как объективных, так и субъективных факторов способно повлиять на появление фрустрирующих состояний. Комплексность фрустрации делает её изучение более трудным [1]. К основным фрустрирующим состояниям можно отнести раздражимость, депрессию и тревожность, при этом эти состояния могут возникать как отдельно, так и все вместе. Для благоприятного преодоления фрустрации необходимо присутствие устойчивой системы ценностей, оптимальное отношение к жизни, способность корректно управлять своими эмоциями и своевременное решение возникающих проблем. Проблематика данного состояния достаточно обширна, поэтому необходимо дальнейшее изучение и проведение новых исследований [14].

Ситуация конфликта представляет собой столкновение двух различных желаний, мотивов, убеждений во внутреннем мире человека. Данная ситуация приобретает критический характер в момент, когда человек понимает, что не может разрешить внутренний конфликт, прийти к согласию или проигнорировать ситуацию. Ситуация внутриличностного конфликта отличается от всех остальных тем, что она характеризуется как психоэмоциональное переживание: человек либо осознаёт, что попал в критическую ситуацию, либо готов поступить по-другому в ситуации невозможности удовлетворения каких-либо потребностей [12].

Эмпирическое исследование особенностей критического состояния личности с кризисным профилем

Для исследования особенностей критического состояния личности с кризисным профилем было проведено эмпирическое исследование. В результате диагностики кризисного профиля испытуемых при помощи опросника С. В. Духновского «Переживание психологического кризиса личностью» были определены две эмпирические группы: группа испытуемых с ярко выраженным кризисным профилем и группа испытуемых со слабо выраженным кризисным профилем. Далее изучалось состояние фрустрации испытуемых каждой группы по методике «Определение состояния фрустрации» В. В. Бойко, определялся уровень стресса по методике Ю. В. Щербатых и уровень внутриличностной конфликтности по методике А. И. Шипилова. После проведения исследования и обработки результатов испытуемых была

проведена математическая обработка получившихся данных с помощью критерия Манна-Уитни с целью выявления особенностей критического состояния личности с кризисным профилем.

В исследовании приняло участие 38 испытуемых, обучающихся в различных вузах Ульяновской области в возрасте от 18 до 25 лет, обработано всего 152 протокола.

Первоначально были определены две группы испытуемых при помощи опросника С. В. Духновского «Переживание психологического кризиса личностью» и были проанализированы особенности выраженности кризисного профиля в каждой эмпирической группе (табл. 1).

Полученные результаты свидетельствуют, что субъекты с ярко выраженным кризисным профилем имеют значимо более высокие результаты по таким шкалам, как: эмоциональный дисбаланс, пессимистическая реакция, реакция отрицательного баланса, реакция демобилизации, реакция оппозиции, реакция дезорганизации и индекс ситуационного реагирования; у группы испытуемых без выраженного кризисного профиля значимо выше показатель «положительный образ себя».

Анализ полученных данных позволяет констатировать, что у субъектов с кризисным профилем доминируют отрицательные эмоции, о чём свидетельствует значимый эмоциональный дисбаланс – у них наблюдается пониженный эмоциональный фон, тревожность, раздражение, грусть, волнение и другие негативные эмоции, которые испытуемые часто обозначают как «душевная боль». У субъектов без кризисного профиля наблюдается более устойчивое и стабильное эмоциональ-

Таблица 1 / Table 1

Различия выраженности кризисного профиля у испытуемых двух групп / Differences in crisis profile expression between the two groups of subjects

Шкалы	Испытуемые с кризисным профилем	Испытуемые без кризисного профиля	U Эмп
Эмоциональный дисбаланс	59,8	44,1	21**
Пессимистическая реакция	57,1	43,2	25,5 **
Реакция отрицательного баланса	57,6	43,1	34**
Реакция демобилизации	54,4	41,7	40,5**
Реакция оппозиции	51,9	45,8	107*
Реакция дезорганизация	62,3	43,7	11,5**
Психологическая устойчивость	55,6	53,6	141
Положительный образ себя	42,0	51,8	71**
Индекс ситуационного реагирования	55,3	39,9	0**

** – различия при уровне значимости 0,001;

* – различия при уровне значимости 0,05.

Источник: данные авторов.

ное состояние, которое можно связать с конструктивной работой копинг-стратегий.

Полученные результаты исследования показывают, что люди с кризисным профилем придают мрачную окраску своему мироощущению значимо чаще, чем люди без кризисного профиля. Стоит отметить, что люди с кризисным профилем склонны оценивать возникающие ситуации изначально как потенциально неблагоприятные, т. е. у них уже изначально наблюдается перцептивная готовность к восприятию ситуации для себя как сложной и трудно преодолимой.

Субъекты с ярко выраженным кризисным профилем склонны к продолжительному анализу своих действий, к подведению итогов важных для них периодов жизни, готовы к длительному анализу и сравнению положительных и отрицательных моментов, боль-

ше склоняясь к отрицательным, тогда как испытуемые без кризисного профиля, наоборот, отдают предпочтения положительным воспоминаниям и конструктивным итогам анализа жизненных ситуаций.

Результаты проведённого исследования выявили выраженную реакцию демобилизации у испытуемых с кризисным профилем. В критические периоды жизни у таких субъектов возникает реакция избегания, они не стремятся включаться в какую-либо новую деятельность: наоборот, всё их время занимают попытки справиться с нарастающим психологическим напряжением, что отнимает у них ресурсы, и они уходят в негативное эмоциональное состояние.

Результаты исследования показали, что у лиц с выраженным кризисным профилем часто наблюдаются нейросоматическое состояние и психофи-

зиологические нарушения, такие как: нарушение сна, режима питания, различные гипертонические сосудисто-вегетативные проблемы и пр. Все эти нарушения негативно сказываются на восприятие объективной реальности индивидом, вызывают ответную негативную эмоциональную реакцию, что приводит к ещё большим психофизиологическим нарушениям и усугубляет нейросоматическое состояние.

У испытуемых с кризисным профилем наблюдается выраженный негативный образ себя, что логично, так как человек, находящийся в критической ситуации, испытывает ряд негативных эмоций и когний, которые могут исказить сформированную «Я-концепцию» индивида и, вероятно, влиять на её коррекцию.

При анализе полученных результатов исследования было установлено, что испытуемые обеих групп способны проявлять агрессию и даже давать отрицательную оценку людям, кото-

рые их окружают, но субъекты с ярко выраженным кризисным профилем делают это более ярко выражено.

Единственной шкалой, по которой различия не так очевидны, является шкала психологической устойчивости, что объясняется тем, что у субъектов, не переживающих психологический кризис, психологическая устойчивость для сопротивления возникновению кризисного состояния развита на достаточном уровне. Испытуемым, находящимся в состоянии кризиса, недостаточно данного уровня устойчивости, так как для выхода из кризисного состояния нужен более высокий уровень развития психологической устойчивости.

Для выявления особенностей состояния фрустрации у испытуемых с разным уровнем выраженности кризисного профиля была проведена методика «Определение состояния фрустрации» В. В. Бойко. Были получены следующие результаты (рис. 1).

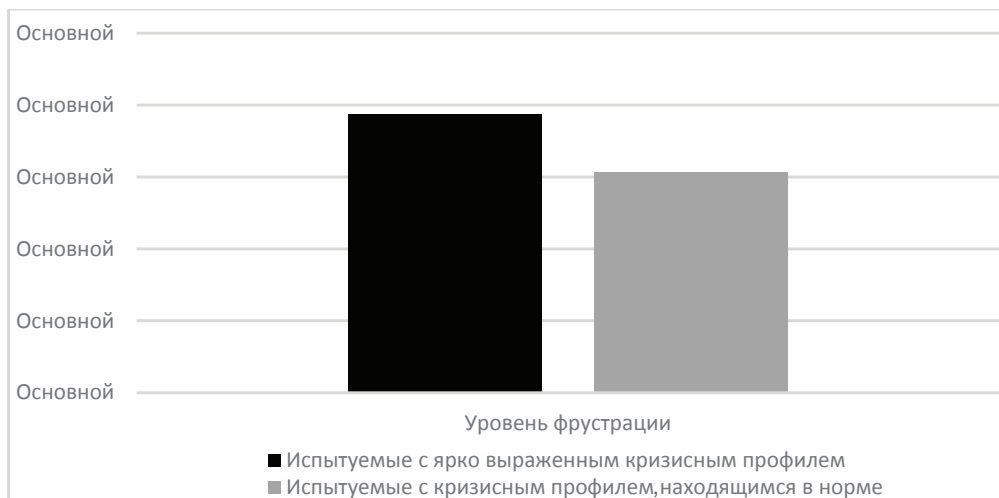

Рис. 1 / Fig. 1. Различия выраженности уровня фрустрации у испытуемых двух групп (в баллах) / The two groups exhibited differences in frustration levels, measured (in points)

Источник: данные авторов.

В процессе анализа результатов исследования было установлено, что уровень фрустрации у лиц с кризисным профилем выше, чем у субъектов без кризисного профиля ($U_{\text{эмп}} = 107$ при $U_{\text{крит}} = 90$ при $p \leq 0.05$), однако результаты оказались не такими значимыми, как ожидалось. Полученные результаты можно объяснить тем, что склонность к фрустрации наблюдается у многих людей – у каждого время от времени возникает реальная или предполагаемая невозможность удовлетворить те или иные потребности. Но всё-таки уровень фрустрации оказался более высоким у испытуемых с кризисным профилем, так как кризис обостряет ощущение невозможности достигнуть какой-либо цели.

Чтобы выявить особенности выраженности состояния стресса у испытуемых с различным кризисным профилем, была проведена методика Ю. В. Щербатых на определение уровня стресса. Уровень состояния стресса по всем шкалам значимо различается между группами (табл. 2).

Интеллектуальные признаки стресса ярче выражены у испытуемых, находящихся в кризисе, они чаще и сильнее подвержены переживанию негативных мыслей, у них могут наблюдаться трудности в сосредоточении, ухудшение показателей памяти. Поведенческие признаки стресса у группы испытуемых с кризисным профилем могут свидетельствовать о чуть более сильной выраженности таких признаков, как: потеря аппетита или переедание, возрастание ошибок при выполнении привычных действий, быстрая или, наоборот, замедленная речь, дрожание голоса, хроническая нехватка времени и т. д. Испытуемые в состоянии кризиса испытывают целую гамму отрицательных эмоций, таких как: беспокойство, депрессия, повышенная тревожность, мрачное настроение, подозрительность, раздражительность. Было установлено, что чем дольше длится психологический кризис, тем сильнее будет увеличиваться уровень стресса, переживаемый человеком [13]. Если у субъектов, не переживаю-

Таблица 2 / Table 2

Различия показателей в уровне стресса у субъектов двух групп / Differences in stress level indicators observed among the subjects in the two groups

Шкалы	Испытуемые с кризисным профилем	Испытуемые без кризисного профиля	U эмп
Интеллектуальные признаки стресса	5	2,6	57**
Поведенческие признаки стресса	4,5	2,4	71,5**
Эмоциональные симптомы стресса	7,9	3,5	44,5**
Физиологические симптомы стресса	8,1	5,4	111*
Итоговые баллы	25,5	13,9	61,5**

** – различия при уровне значимости 0,001;

* – различия при уровне значимости 0,05.

щих психологический кризис, уровень стресса находится в основном на низком уровне, то у людей с продолжающимся психологическим кризисом, уровень стресса находится в основном на среднем или высоком уровне.

Чтобы выявить особенности выраженности внутриличностной конфликтности у испытуемых с разным уровнем кризисного профиля, была проведена методика по выявлению уровня внутриличностной конфликтности (А. И. Шипилов). Результаты представлены на рисунке 2.

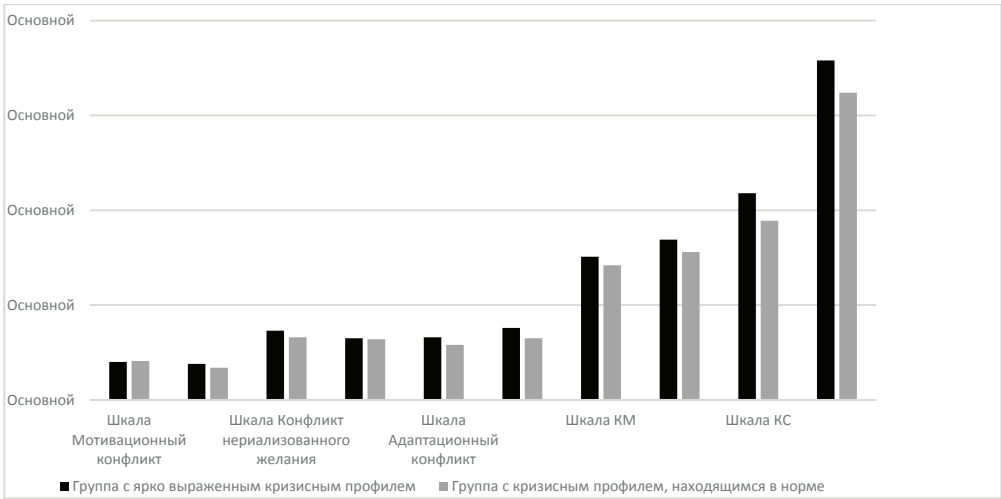

Рис. 2 / Fig. 2. Различия уровня внутриличностной конфликтности у испытуемых двух групп (в баллах) / Differences in the level of intrapersonal conflict between the two groups (in points)

Источник: данные авторов.

По результатам обработки полученных данных не было обнаружено значимых различий в уровне внутриличностной конфликтности у групп лиц с ярко выраженным кризисным профилем и субъектами без кризисного профиля. Испытуемые двух групп в целом продемонстрировали средний уровень выраженности внутриличностного конфликта, что является адекватным реагированием на кризисную ситуацию.

Заклучение

Исходя из проведённого исследования, можно сделать вывод, что испытуемые, обладающие выраженным

кризисным профилем имеют ряд особенностей. Субъекты с кризисным профилем испытывают повышенный уровень стресса, так как кризис становится катализатором возникновения напряжения, что и ведёт к возникновению интеллектуальных, эмоциональных, поведенческих и физиологических признаков стресса, что в конечном итоге и приводит к возникновению стрессорных факторов, плавно перетекающих в критическую ситуацию. Человек в состоянии кризиса испытывает истощение, благодаря чему стресс постепенно растёт, что может приводить к тяжёлым послед-

ствиям для психического здоровья человека.

Характерной особенностью людей в кризисной ситуации является тенденция к большей выраженности состояния фрустрации, чем у лиц без выраженного кризисного профиля. Испытуемые данной группы острее переживают невозможность удовлетворить те или иные потребности, у них возникает состояние эмоционального дисбаланса, мобилизация ресурсов резко снижается, что ведёт к состоянию деорганизации личности. По результатам проведённого исследо-

вания было установлено, что у испытуемых вне зависимости от кризисного профиля уровень внутриличностной конфликтности не различается и не выходит далеко за пределы нормы, что характерно для лиц, адекватно реагирующих на сложные жизненные ситуации.

В дальнейшем планируется расширение выборки исследования и установление структурных особенностей в психическом состоянии индивида в кризисном профиле с целью создания или модификации технологий по работе с клиентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврамова Т. И. Исследование фрустраций у студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-1. С. 274–279.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания: монография. М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
3. Грамотунова Н. К. Кризис идентичности как важная психологическая проблема студентов-мигрантов // Символ науки: международный научный журнал. 2017. Т. 2. №1. С. 218–220.
4. Духновский С. В. Отношение к себе как профессионалу у педагогов с разным «кризисным профилем» личности // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. №3. С. 169–178.
5. Евсеева Я. В. Пожилые люди во время пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2021. №2. С. 75–93. DOI 10.31249/rsoc/2021.02.07.
6. Золотухина Е. Д., Минахметова А. З. Исследование учебного стресса в жизни студентов // NovaUm.Ru. 2019. №17. С. 471–474.
7. Кумар С., Джаячандра С., Кодидала С. Р. Уровни депрессии, тревоги и стресса среди студентов-медиков и стоматологов: перекрёстное исследование // Сибирский научный медицинский журнал. 2022. №42 (2). Р. 39–43.
8. Мамонова Е. Б., Подтесова С. И. Особенности самоактуализации личности в период кризиса тридцати лет // Нижегородский психологический альманах. 2021. №1. С. 90–99.
9. Медведева К. О. Подходы к изучению переживания как психологической категории в отечественной и зарубежной психологии // Вестник науки и творчества. 2022. №9 (81). С. 19–26.
10. Музыченко М. А. Психологическая помощь в кризисных ситуациях // Обществознание и социальная психология. 2023. №10-4 (53). С. 58–61.
11. Османова М. А., Сарипбекова А. Т. Психология кризисных состояний // Вестник науки Южного Казахстана. 2022. №1 (17). С. 217–221.
12. Хрусталева М. Н. Роль конфликта в психическом здоровье человека // Инновационная наука. 2021. №8-1. С. 84–86.

13. Baxşalıyev A. E., Axundova S. M., Isayeva K. K. Stress, onu törədən amillər və mikroorqanizmlər stress şəraitində // Elmi xəbərlər. Təbiət və Texniki Elmlər Bölməsi. 2022. Vol. 22. №2. P. 59–63.
14. Frustration in the life of students / A. K. Namazov, N. A. Ragozina, A. V. Mukhina, L. V. Shamray, N. V. Mejidov // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2022. Т. 17. №3. С. 1320–1325.
15. Schiavone S. R., Vazire S. Reckoning With Our Crisis: An Agenda for the Field of Social and Personality Psychology // Perspectives on Psychological Science. 2023. Vol. 18. №3. P. 710–722.

REFERENCES

1. Avramova T. I. [Study of frustrations in students]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2020, no. 67-1, pp. 274–279.
2. Vasilyuk F. E. *Psixologiya perezhivaniya: monografiya* [Psychology of experience: monograph]. Moscow, Moscow University Publishing House, 1984. 200 p.
3. Gramotunova N. K. [Identity crisis as an important psychological problem of migrant students]. In: *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* [Symbol of science: international scientific journal], 2017, vol. 2, no. 1, pp. 218–220.
4. Dukhnovsky S. V. [The attitude of teachers with different “crisis profiles” to themselves as a professionals]. In: *Gercenovskie chteniya: psixologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen Readings: psychological research in education], 2020, no. 3, pp. 169–178.
5. Evseeva Ya. V. [Older Adults During the COVID-19 Pandemic]. In: *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology], 2021, no. 2, pp. 75–93. DOI 10.31249/rsoc/2021.02.07.
6. Zolotulhina E. D., Minahmetova A. Z. [Study of Academic Stress in the Life of Students]. In: *NovaUm.Ru*, 2019, no. 17, pp. 471–474.
7. Kumar S., Jayachandra S., Kodidala S. R. [Depression, anxiety and stress levels among medical and dental students: a cross sectional study]. In: *Sibirskiy nauchnyy medicinskij zhurnal* [Siberian Scientific Medical Journal], 2022, no. 42 (2), pp. 39–43.
8. Mamonova E. B., Podtesova S. I. [Peculiarities of personal self-actualization during the crisis period of thirty years]. In: *Nizhegorodskiy psixologicheskij al'manah* [Nizhny Novgorod psychological almanac], 2021, no. 1, pp. 90–99.
9. Medvedeva K. O. [Approaches to the study of experience as a psychological category in domestic and foreign psychology]. In: *Vestnik nauki i tvorchestva* [Bulletin of Science and Creativity], 2022, no. 9 (81), pp. 19–26.
10. Muzychenko M. A. [Psychological assistance in crisis situations]. In: *Obshchestvoznaniye i social'naya psixologiya* [Social Science and Social Psychology], 2023, no. 10-4 (53), pp. 58–61.
11. Osmanova M. A., Saripbekova A. T. [Psychology of crisis states]. In: *Vestnik nauki Yuzhnogo Kazakhstana* [South Kazakhstan Science Herald], 2022, no. 1 (17), pp. 217–221.
12. Khrustaleva M. N. [The role of conflict in human mental health]. In: *Innovacionnaya nauka* [Innovative science], 2021, no. 8-1, pp. 84–86.
13. Baxşalıyev A. E., Axundova S. M., Isayeva K. K. Stress, onu törədən amillər və mikroorqanizmlər stress şəraitində. In: *Elmi xəbərlər. Təbiət və Texniki Elmlər Bölməsi*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 59–63.
14. Namazov A. K., Ragozina N. A., Mukhina A. V., Shamray L. V., Mejidov N. B. Frustration in the life of students. In: *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ih*

resheniya [Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them], 2022, vol. 17, no. 3, pp. 1320–1325.

15. Schiavone S. R., Vazire S. Reckoning With Our Crisis: An Agenda for the Field of Social and Personality Psychology. In: *Perspectives on Psychological Science*, 2023, vol. 18, no. 3, pp. 710–722.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайлова Ирина Викторовна (Ульяновск) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета;
e-mail: 44kd11@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4220-6069

Китаев Семен Александрович (Ульяновск) – лаборант кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета;
e-mail: semakitaevtery2@gmail.com; ORCID:0009-0005-5864-8963

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V Mikhailova (Ulyanovsk) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Pedagogy of Ulyanovsk State University;
e-mail: 44kd11@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4220-6069

Semen A. Kitaev (Ulyanovsk) – Laboratory assistant of the Department of Psychology and Pedagogy of Ulyanovsk State University;
e-mail: semakitaevtery2@gmail.com; ORCID:0009-0005-5864-8963

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-49-65

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК И ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНИИ И РОССИИ)

Забелина Е. В.¹, Данилова А. А.¹, Смирнов М. Г.¹, Тошихиро В.²

¹ Челябинский государственный университет, 454001, Челябинская обл., г. Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, д. 129, Российская Федерация; email: katya_k@mail.ru

² Университет Эхиме, 790-8577, г. Мацуяма, Бункуочо, д. 3, Япония

Поступила в редакцию 03.06.2024

После доработки 07.06.2024

Принята к публикации 10.06.2024

Аннотация

Цель исследования заключалась в анализе взаимосвязи экологических установок и ценностей у студентов в разных культурах – Японии и России.

Процедура и методы. Кросскультурное исследование проводилось на базе двух вузов: университета Эхиме (Япония) (n=147) и Челябинского государственного университета (Россия) (n=223). Основным инструментом выступила совокупность стандартизированных опросников.

Результаты. исследования показали отсутствие различий в большинстве ценностей среди японских и российских студентов. При этом факторизация данных позволила обнаружить различия в структуре ценностных систем студентов разных культур как по количеству факторов, так и по их выраженности. Установлено, что молодое поколение в обеих странах испытывает потребность в общении с природой и признаёт себя её частью. Корреляционный анализ выявил взаимосвязь экологических установок и ценностей в обеих культурных группах. На российской выборке в этих связях наблюдается равномерное задействование как материальных, так и нематериальных ценностей, на японской выборке доминируют нематериальные ценности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представление о культурных детерминантах экологических установок и поведения. Это позволяет наметить направления решения экологических проблем с позиции культурно-аксиологического подхода.

Ключевые слова: экологические установки, экологическая угроза, проэкологическое поведение, связь с природой, экологическая идентичность, ценности, Япония, Россия

Для цитирования: Взаимосвязь экологических установок и ценностей у студентов в разных культурах (на примере Японии и России) / Е. В. Забелина, А. А. Данилова, М. Г. Смирнов, В. Тошихиро // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №3. С. 49–65.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-49-65

Original Research Article

THE RELATIONSHIP OF ENVIRONMENTAL ATTITUDES AND VALUES AMONG STUDENTS IN DIFFERENT CULTURES (USING THE EXAMPLE OF JAPAN AND RUSSIA)

E. Zabelina¹, A. Danilova¹, M. Smirnov¹, W. Toshihiro²

¹Chelyabinsk State University, ul. Bratov Kashirinykh, 129, Chelyabinsk, 454001, Chelyabinsk region, Russian Federation; email: katya_k@mail.ru

²Ehime University, 790-8577, Matsuyama city, Bunkyo-cho, 3, Japan

Received by the editorial office 03.06.2024

Revised by the author 07.06.2024

Accepted for publication 10.06.2024

Abstract

Aim. To analyze the relationship between environmental attitudes and values among students in different cultures (using the example of Japan and Russia).

Methodology. A cross-cultural study was conducted at two universities: Ehime University (Japan) (n=147) and Chelyabinsk State University (Russia) (n=223). The main tool was a set of standardized questionnaires.

Results. The results of the study showed that there were no differences in most of values among Japanese and Russian students. At the same time, the factorization of the data revealed differences in the structure of the value systems of students of different cultures both in terms of the number of factors and their severity. It has been established that the younger generation in both countries feels the need to communicate with nature and recognizes itself as a part of it. The correlation analysis revealed the interrelation of ecological attitudes and values in both cultural groups. In the Russian sample, there is a uniform involvement of both tangible and intangible values in these relationships, while in the Japanese sample, intangible values dominate.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the cultural determinants of environmental attitudes and behavior. They allow us to outline the directions for solving environmental problems from the perspective of a cultural and axiological approach.

Keywords: ecological attitudes, environmental threat, pro-ecological behavior, connection with nature, ecological identity, values, Japan, Russia

For citation: Zabelina E., Danilova A., Smirnov M., Toshihiro W. The relationship of environmental attitudes and values among students in different cultures (using the example of Japan and Russia). In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 3, pp. 49–65.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-49-65

Введение

Проблемы экологии уже давно стали частью актуальной повестки многих стран. Решение вопросов изменения в озоновом слое, глобального потепления, загрязнения атмосферы, парникового эффекта, сокращения биологических видов требует установления взаимодействия учёных на межнациональном уровне. Данные вопросы являются актуальными и для Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности для России и Японии.

На фоне достаточного экологического информирования открытым остаётся вопрос о культурных предикторах, трансформирующих экологические установки в проэкологическое поведение, так как экологические установки, имея ценностную основу, инструментально не могут входить в противоречие с культурно обоснованными механизмами поведения, перспективным в контексте данной проблемы видится культурно-аксиологический подход, способный выявить особенности экологических установок с учётом культурных отличий в ценностных системах российской и японской молодёжи.

Мировая экологическая обстановка неизбежно оказывает влияние на формирование мировоззрения, включающего экологические установки. Через призму экологических установок происходит восприятие действительности, взаимодействие с окружающей средой. Ориентируясь на исследова-

ния социальных установок [3; 4], под экологической установкой понимается определённая составляющая сознания, которая выражается в готовности индивида к восприятию и взаимодействию с объектами природной среды и оказывает направляющее влияние на его поведение. В этом смысле экологические установки как таковые охватывают весь спектр восприятия индивидом форматов взаимодействия с окружающей средой: от возможностей способствовать воспроизводству эко-циклов природных объектов до активного преобразования эко-среды для решения насущных вопросов развития социума. При этом формирование и реализация установок выражается не просто в ситуативной реакции на стимулы окружающей среды, но и в процессе поиска способов удовлетворения личных потребностей.

Экологические установки могут сформировать фундамент для реализации проэкологического поведения – «поведения, которое сознательно стремится уменьшить негативное влияние человека на окружающий мир – как природный, так и созданный самим человеком» [5, с. 10]. Они определяют экологические цели индивида, возможные границы и механизмы взаимодействия с окружающей средой. Здесь наблюдается дихотомия: с одной стороны, максимально простое и быстрое удовлетворение потребностей человека, с другой – поддержание эко-

системы той среды, в которой существует человек.

Анализ литературы выявляет неоднозначность подходов отечественных и зарубежных авторов к определению экологических установок и их детерминант. Так, отечественные учёные в большей мере придерживаются концепции экологического сознания (самосознания) с опорой на работы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. И. Менделеева, С. Л. Рубинштейна, Д. Гибсона и др. Зарубежные авторы исследуют экологические установки в рамках теории «ценности-убеждения-нормы», поведенческих теорий, связанных с контекстом (ситуацией), а также в рамках моделей принятия решений в области экологического поведения [23]. В частности, рассматривается соотношение мультикультурной идентичности с проэкологическими установками [19], взаимодействие личных ценностей и теории экологического отношения [20], наличие личной выгоды в альтруистическом экологическом поведении [14] и пр.

Большинство исследователей сходится во мнении, что понимание ценностей играет решающее значение в разработке экологических стратегий [7; 12; 21]. Именно ценности и нормы задают целевые ориентиры и выбор способов действия, выступая мотивационным конструктом. Взаимосвязь ценностей с экологическими поведением неоднократно доказывалась эмпирически, в том числе на межкультурном уровне [1; 6; 9; 20; 21]. В разрезе кросскультурных исследований ценности выступают универсальным индикатором экологической идентичности. В условиях экологической нестабильности ценности предстают в

роли социокультурных феноменов человеческого сознания и общественной динамики, которые могут объяснить различия в экологическом поведении [9, с. 64]. Поиск взаимосвязи экологических установок и ценностей позволит сформировать представление об аксиологических предикторах проэкологического поведения на межкультурном уровне и его социокультурных основаниях.

Актуальность проведения исследования на российско-японской выборке обоснована, во-первых, тесным взаимодействием России и Японии в вопросах экологического регулирования, и во-вторых, отличиями в успешности реализации экологических задач [2]. Так, отмечается, что японцам удалось решить основную часть экологических проблем и найти баланс между экономическим развитием страны и бережным отношением к окружающей среде. В свою очередь Россия, являясь огромным государством с богатыми природными ресурсами, остаётся территорией с экологическими проблемами [11, с. 294]. Согласно исследованиям В. Прохода, россияне гораздо менее готовы к дополнительным материальным тратам и самоограничивающим действиям ради сохранения окружающей среды, проявляют минимальный уровень вовлечённости в практики экологически ответственного поведения. В России, по сравнению с другими государствами, фиксируются низкие показатели экологической ответственности [8].

Оценивая экологическое поведение в России и Японии, следует учитывать разницу географических и исторических факторов его формирования. Экологические проблемы являют-

ся следствием антропогенных воздействий, приводящих к нарушению структуры и функционированию природной среды, вносящие коррективы в ритм и режим её воспроизводства. В условиях России экстенсивный способ природопользования всегда превалировал в силу обширности территории. В Японии же экологическое истощение того или иного пространства представляет серьёзный вызов обществу в силу территориальной ограниченности. В основах японской культуры закрепилось осознание необходимости экономии ресурсов при минимальном воздействии на природную среду.

В данном контексте студенческая молодёжь представляет собой выборку, сензитивную для формирования ценностно-мотивационной сферы в рамках определённой культурной среды. Целью исследования стало изучение взаимосвязи экологических установок и ценностей молодёжи из различных культурных сред – российской и японской. Для достижения цели были сформулированы следующие задачи:

1) выявить особенности выраженности и структуры ценностей студентов Японии и России;

2) определить специфику экологических установок студентов Японии и России;

3) выявить особенности взаимосвязи ценностей и экологических установок у студентов Японии и России.

Процедура и методы исследования

В исследовании приняли участие 370 человек: 147 студентов, обучающихся в Университете Эхиме (Япония) и 223 студента, обучающихся в Челябинском государственном уни-

верситете (Россия) по гуманитарным специальностям. Оценка демографических показателей производилась с помощью анкетирования респондентов. Для реализации поставленных задач использовались различные методики. Потребительское предпочтение экологически чистых продуктов как тенденция выражать ценность защиты окружающей среды через покупки и потребительское поведение оценивалось с помощью методики «**Зелёная шкала**» [15]. По 5-бальной шкале респондентам предлагалось оценить степень проявленности «зелёного потребления»: «Для меня важно, чтобы товары, которые я использую, не вредили окружающей среде», «Я придерживаюсь экологически ответственного поведения, даже если это доставляет мне некоторые неудобства» и пр. «**Шкала связи с природой**» была выбрана для оценки чувства близости с природой [10; 18]. Шкала включает 14 пунктов, позволяющих оценить не просто способность быть тронутым красотой природы, но и сопричастность к природной красоте, единение с ней. «**Шкала экологической идентичности**» в модификации С. Клайтона использована для измерения индивидуальных различий в устойчивом чувстве взаимозависимости с природой [13]. Шкала состоит из 14 утверждений, степень согласия с которыми распределяется от 0 до 5. Из исследования У. Килборн и Г. Пиккет, были взяты две шкалы, ориентированные на оценку экологической озабоченности и экологического поведения [16]. «**Шкала экологической озабоченности**» направлена на анализ степени озабоченности конкретными экологическими угрозами, например: вымирание биологиче-

ских видов, глобальное потепление, истощение озонового слоя и пр. **«Шкала экологического поведения»**, которая включает показатели прямого и непрямого экологического поведения, была использована для выявления активности в области проэкологического поведения. Шкалы методики позволяют оценить, в какой степени респонденты активны в проявлении тех или иных экологических убеждений. **«Шкала расширенной интеграции природы в себя» (EINS)** использовалась для анализа соотношения своего «Я» с природой [17]. Данная методика предполагает выбор графических элементов, что удобно для проведения кросс-культурных исследований. Каждый вариант выбора изображает два круга, представляющих «Я» и «Природу» соответственно. Варианты различаются по степени перекрытия: от отсутствия точек пересечения до полного перекрытия. Респондентам предлагается выбрать, какой вариант лучше всего отражает их отношения с природой. **Методика «Ценностные ориентации»**

О. И. Моткова, Т. А. Огневой легла в основу оценки ценностей¹. Методика направлена на изучение степени значимости и реализации внешних и внутренних ценностных ориентаций личности, их индивидуальной и групповой структуры, конфликтности и атрибуции (приписывания) причин их осуществления. Средние значения, стандартное отклонение и коэффициент надёжности шкал представлены в таблице 1.

Результаты исследования

На первом этапе анализа для решения первой задачи мы сравнили выраженность ценностей и их структуру на японской и российской выборках. В таблице 2 представлены результаты сравнения выраженности диагностируемых ценностей для представителей разных культур.

Сравнение не выявило значимых различий по большинству параметров. Вместе с тем, для российских студентов более значимыми оказались такие ценности, как саморазвитие личности,

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики и надёжность шкал / Descriptive statistics and scale reliability

Шкалы	Россия			Япония		
	М	Б	А	М	Б	α
Зелёное поведение	3,33	,847	0,823	3,04	,736	0,839
Связь с природой	3,18	,723	0,843	3,27	,529	0,768
Экологические убеждения (угрозы)	4,05	,779	0,856	4,28	,578	0,843
Прямое экологическое поведение	3,18	1,064	0,875	3,43	,777	0,792
Непрямое экологическое поведение	2,00	1,017	0,824	1,57	,864	0,881
Экологическая идентичность	3,46	,849	0,924	3,48	,738	0,919
Я и природа	3,78	1,448		3,97	1,397	

¹ Мотков О. И., Огнева Т. А. Методика «Ценностные ориентации», вар. 2. М., 2008. <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1128.html> (дата обращения 08.05.2024).

Таблица 2 / Table 2

**Сравнение выраженности ценностей у российских и японских студентов /
Comparison of the importance of values among Russian and Japanese students**

Ценности	Средний ранг		U	p
	Россия	Япония		
Материальное благополучие	186,84	183,47	16092	,755
Саморазвитие личности	222,75	128,99	8084	,000
Известность, популярность	172,76	204,82	13550	,003
Уважение и помощь людям, отзывчивость	192,02	175,61	14936	,121
Физическая привлекательность, внешность	190,48	177,95	15280	,251
Тёплые, заботливые отношения с людьми	179,09	195,22	14961	,122
Высокое социальное положение, общественное влияние	181,74	191,20	15552	,387
Творчество, поиск нового	194,20	172,30	14450	,043
Роскошная жизнь, отдых, наслаждение	169,95	209,10	12922	,000
Любовь к природе и бережное отношение к ней	188,91	180,33	15630	,429
Здоровье	181,43	191,67	15483	,296
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	180,64	192,88	15306	,262

творчество и поиск нового (ценности индивидуализации и самовыражения). Для японских студентов более важными стали такие ценности как известность, популярность и роскошная жизнь, отдых, наслаждение, то есть гедонистические ценности и ценности, обусловленные внешними (социальными) потребностями.

В этом смысле, в отличие от российского общества, у японской молодёжи наблюдается характерная для этой культурной среды тенденция к инкорпорации в социум через достижение социально-значимого для современного японского общества набора достижений и благополучия. Здесь проявляет себя японский группизм и склонность японского сознания в ориентации на день сегодняшний. У российской же молодёжи преобладают ценности индивидуального развития.

Вместе с тем проявляют себя такие характерные культурные черты, как «склонность к большому» взамен сиюминутного и идея достижения нового через творчество.

Далее для выявления структуры ценностей был проведён факторный анализ по методу главных компонент с варимакс-вращением отдельно в каждой выборке. Результаты для российской выборки представлены в таблице 3.

Факторный анализ позволил выделить три не очень чётких фактора в ценностной структуре россиян, в совокупности объясняющих 62,58% общей дисперсии. Первый, самый объёмный фактор объединил ценности, имеющие социальную и индивидуальную направленность, связанные в большей мере с нематериальными неэгоистичными аспектами: это тёплые,

Таблица 3 / Table 3

Факторная структура ценностей у российских студентов / Factor structure of values among Russian students

Ценности	Факторы		
	1	2	3
Тёплые, заботливые отношения с людьми	,763		
Уважение и помощь людям, отзывчивость	,763		
Любовь к природе и бережное отношение к ней	,717		
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	,713		
Здоровье	,528		,498
Известность, популярность		,884	
Высокое социальное положение, общественное влияние		,778	
Роскошная жизнь, отдых, наслаждение		,663	,434
Физическая привлекательность, внешность		,607	
Материальное благополучие			,869
Саморазвитие личности	,442		,733
Творчество, поиск нового			,490
Доля объяснимой дисперсии, %	38,59	14,77	9,22

заботливые отношения с людьми; уважение и помощь людям, отзывчивость; любовь к природе и бережное отношение к ней; социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе; здоровье и саморазвитие личности.

Во второй фактор вошли ценности признания, доминирования, гедонизма, направленные на внешнюю сторону жизни (демонстрация себя в обществе, эгоистические аспекты): это известность, популярность; высокое социальное положение, общественное влияние; роскошная жизнь, отдых, наслаждение; физическая привлекательность, внешность.

Третий фактор, с наименьшим весом, включил в себя как материальные, так и нематериальные ценности, ориентированные на рост и развитие

личности: материальное благополучие, саморазвитие личности, творчество, поиск нового, здоровье и роскошная жизнь, отдых, наслаждение. Интересно, что в нём соединились материальные ценности, ценности самовыражения и гедонизма, что, вероятно, можно считать особенностью части молодого поколения в России.

В таблице 4 отображена факторная структура ценностей японских студентов.

Факторный анализ ценностей, выполненный на японской выборке, показал результаты, отличные от данных, полученных в российской группе. Было выделено два более чётких и легко интерпретируемых фактора, в совокупности объясняющих 53,87% дисперсии. Первый фактор объединил нематериальные ценности, связанные

Таблица 4 / Table 4

Факторная структура ценностей у японских студентов / Factor structure of values among Japanese students

Ценности	Факторы	
	1	2
Тёплые, заботливые отношения с людьми	,783	
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	,736	
Здоровье	,711	
Уважение и помощь людям, отзывчивость	,668	,466
Любовь к природе и бережное отношение к ней	,663	
Творчество, поиск нового	,631	
Саморазвитие личности	,521	
Физическая привлекательность, внешность		,840
Известность, популярность		,790
Высокое социальное положение, общественное влияние		,738
Материальное благополучие		,491
Роскошная жизнь, отдых, наслаждение		,490
Доля объяснимой дисперсии, %	42,27	11,46

с отношениями, общественным благом и саморазвитием (ценности созидания и альтруизма): это тёплые, заботливые отношения с людьми; социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе; здоровье; уважение и помощь людям, отзывчивость; любовь к природе и бережное отношение к ней; творчество, поиск нового; саморазвитие личности.

Во второй фактор, с меньшей нагрузкой, вошли материальные и гедонистические ценности, ориентированные на внешнюю сторону жизни (ценности эгоизма и потребления): это физическая привлекательность, внешность; известность, популярность; высокое социальное положение, общественное влияние; материальное благополучие; роскошная жизнь, отдых, наслаждение. Сюда же, хотя и с меньшим весом,

присоединилась ценность уважения и помощи людям, отзывчивость. Здесь прослеживается доминирование всё тех же ценностей японского группизма как показателей возвышения коллективного блага над индивидуальным. Ценности общественного спокойствия и благополучия выступают гарантами устойчивости японского общества.

На втором этапе анализа данных для решения второй задачи были сопоставлены показатели экологических установок в исследуемых выборках (табл. 5).

Как видно из таблицы, различия между двумя выборками зафиксированы в показателях экологического поведения и восприятия экологических угроз. При этом в показателях экологической идентичности (связи и отождествления себя с природой) различий

Таблица 5 / Table 5

Результаты сравнительного анализа экологических установок у японских и российских студентов / Results of a comparative analysis of environmental attitudes among Japanese and Russian students

Показатели	Средний ранг		U	P
	Япония	Россия		
Зелёное поведение	163,66	199,89	13180,500	,001
Связь с природой	194,43	179,61	15077,500	,192
Экологические убеждения (угрозы)	202,68	174,17	13865,000	,012
Прямое экологическое поведение	202,41	174,35	13904,000	,013
Непрямое экологическое поведение	155,40	205,34	11966,500	,000
Экологическая идентичность	184,98	185,84	16314,000	,939
Я и природа	194,80	178,51	14876,000	,140

не обнаружено. Можно предположить, что несмотря на принадлежность к разным культурам, молодое поколение в обеих странах испытывает потребность в общении с природой и признаёт себя её частью. Культурные различия «включаются» на уровне норм поведения, принятых в обществе, а также транслируемой в фоне информации о силе экологических угроз и рисков.

Согласно полученным данным, российские студенты в большей степени считают себя экологически ответственными людьми, осуществляющими не прямое экологическое поведение (например, участие в экологических мероприятиях, спонсорская помощь им и т. д.). При этом японские студенты более серьёзно воспринимают экологические угрозы и в большей мере реализуют прямое экологическое поведение (например, покупают экологически чистые товары, сокращают количество бытовых отходов, пользуются продуктами из переработанных материалов). Этому способствует характерное для японской культуры дея-

тельное отношение к любым формам нарушения социальной гармонии и культурно закреплённый опыт системного экологического кризиса, который пережила японская нация.

Для решения третьей задачи исследования выявлялись взаимосвязи ценностей и экологических установок в различных культурных группах. Результаты корреляционного анализа выявили большее количество связей на российской выборке, а также их специфичный характер.

Обнаружены закономерные сильные положительные связи практически всех показателей экологических установок с ценностью «любовь к природе и бережное отношение к ней», причём как в японской, так и в российской выборке. Чем более выражена ценность сохранения окружающей среды с системе ценностей респондентов, тем в большей степени они осознают свою связь с природой (японцы $r = ,474$ при $p = ,000$; россияне $r = ,586$ при $p = ,000$), ощущают себя её частью (японцы $r = ,605$ при $p = ,000$; россияне $r = ,608$ при $p = ,000$), тем более от-

ветственны они в своём бытовом поведении (японцы $r = ,349$ при $p = ,000$; россияне $r = ,475$ при $p = ,000$), в большей мере озабочены экологическими угрозами (японцы $r = ,456$ при $p = ,000$; россияне $r = ,384$ при $p = ,000$) и более склонны реализовывать проэкологическое поведение, напрямую (японцы $r = ,349$ при $p = ,000$; россияне $r = ,456$ при $p = ,000$) и опосредовано (россияне $r = ,302$ при $p = ,000$).

Аналогичная ситуация наблюдается с ценностью «социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе». Здесь также обнаружены сильные положительные связи по большинству экологических переменных в обеих группах: связь с природой (японцы $r = ,224$ при $p = ,000$; россияне $r = ,372$ при $p = ,000$), экологическая идентичность (японцы $r = ,377$ при $p = ,000$; россияне $r = ,442$ при $p = ,000$), озабоченность экологическими угрозами (японцы $r = ,306$ при $p = ,000$; россияне $r = ,373$ при $p = ,000$), экологическая ответственность в бытовом поведении (японцы $r = ,323$ при $p = ,000$; россияне $r = ,346$ при $p = ,000$), склонность к проэкологическому поведению, прямому (японцы $r = ,236$ при $p = ,000$; россияне $r = ,329$ при $p = ,000$) и непрямому (россияне $r = ,264$ при $p = ,000$). Эти связи могут указывать на тот факт, что в обоих обществах забота об окружающей среде ассоциируется с необходимостью активных действий людей для достижения позитивных изменений в обществе, т. е. студенты, более убеждённые в необходимости активных просоциальных действий, в большей степени разделяют экологические установки и более склонны к экологически ответственному поведению, независимо от культурной при-

надлежности. Однако само понимание и характер активных просоциальных действий у российских и японских студентов разный. Если у японцев экологическая просоциальная активность носит необходимый и кодифицированный самим обществом характер, где альтернатива лишь уклонение от подобной деятельности, то для российской молодёжи это либо протестная и общественная деятельность, призванная заявить о проблеме, либо деятельность властей по решению экологических вопросов.

Примечательно, что у российских студентов экологические установки положительно связаны с ценностью высокого социального положения и общественного влияния, в то время как у японских студентов таких связей не обнаружено совсем. Вероятно, в российском контексте высокое социальное положение и власть ассоциируется с возможностью сделать что-то значимое для окружающей среды.

Ценность здоровья положительно связана практически со всеми экологическими переменными у российских студентов: связь с природой ($r = ,207$ при $p = ,002$), экологическая идентичность ($r = ,346$ при $p = ,000$), озабоченность экологическими угрозами ($r = ,332$ при $p = ,000$), экологическая ответственность в бытовом поведении ($r = ,197$ при $p = ,003$), прямое проэкологическое поведение ($r = ,180$ при $p = ,007$). При этом в японской выборке зафиксированы лишь две связи – с экологическими угрозами ($r = ,320$ при $p = ,000$) и экологической идентичностью ($r = ,263$ при $p = ,000$). Вероятно, в российских реалиях ценность здоровья в большей мере способствует формированию экологических установок

и поведения, а связь экологии и здоровья ощущается субъективно более сильно. При этом прослеживается неразделённость в японском сознании природного и социального. Последнее представляет собой преломление всех процессов, в том числе и экологических. В этом смысле экологические угрозы приравняются к социальным угрозам и не рассматриваются как нечто отдельное. А ценность здоровья, в свою очередь, – социальная ценность, понимаемая в мере, необходимой для общественного воспроизводства, и регулируемая контекстуально через устойчивый набор личностных идентичностей.

Ценность творчества и новизны в значительной мере подпитывают экологические установки у россиян и чуть менее – у японцев. Это можно объяснить тем, что молодые люди в обеих культурах, мыслящие нешаблонно, стремящиеся внести разнообразие в свою жизнь, довольно чутко реагируют на угрозы окружающей среды (японцы $r = ,249$ при $p = ,002$; россияне $r = ,321$ при $p = ,000$), явственнее ощущают единение с природой (японцы $r = ,316$ при $p = ,000$; россияне $r = ,311$ при $p = ,000$), и, следовательно, стремятся осуществлять полезное для окружающей среды поведение (японцы $r = ,165$ при $p = ,046$; россияне $r = ,227$ при $p = ,001$).

Сопоставимая по направленности ценность саморазвития личности достаточно сильно коррелирует с большинством показателей экологических установок в выборке российских студентов и слабее – в выборке японских. Вероятно, студенты, заботящиеся о собственном развитии, рассматривают природу и заботу о ней в качестве одного из путей такого развития.

Стремление строить тёплые, заботливые отношения с людьми и ценность уважения и помощи другим людям усиливает экологические установки, как у россиян, так и у японцев. Это справедливо в отношении связи с природой (японцы $r = ,205$ при $p = ,013$; россияне $r = ,205$ при $p = ,002$), экологической идентичности (японцы $r = ,404$ при $p = ,000$; россияне $r = ,335$ при $p = ,000$), озабоченности экологическими угрозами (японцы $r = ,381$ при $p = ,000$; россияне $r = ,365$ при $p = ,000$), экологической ответственностью в бытовом поведении (россияне $r = ,201$ при $p = ,003$), осуществлению прямых форм проэкологического поведения (японцы $r = ,164$ при $p = ,047$; россияне $r = ,219$ при $p = ,001$). Вероятно, молодые люди, которым важны отношения с другими людьми, независимо от культурной принадлежности, понимают необходимость сохранения экологии для развития общественной системы. Также это может быть связано с доброжелательностью и ориентацией на просоциальные ценности, готовность отдавать, а не приобретать, т. е. тем, что можно распространить не только на людей, но и на объекты окружающей среды.

С другой стороны, такие ценности, как известность, популярность, физическая привлекательность, внешность, роскошная жизнь, отдых, наслаждение не проявляют связей с экологическими установками на японской выборке и показывают слабые связи на выборке россиян. Можно сделать вывод, что забота о природе, бережное обращение с ней и готовность брать ответственность за своё экологическое поведение подпитывается в большей степени внутренними потребностями, связан-

ными с саморазвитием, готовностью отдавать, приносить пользу, с установлением хороших отношений и заботой о себе и других людях. Внешние ценности (мода, престиж, власть, удовольствия и др.) слабо связаны с экологической ответственностью и готовностью поддерживать окружающую среду.

Если говорить о культурной специфике выявленных взаимосвязей, то можно отметить, что в российском обществе в этих связях более равномерно задействованы как материальные, так и нематериальные ценности. Деньги и статус могут рассматриваться как ресурс для улучшения окружающей среды. В японской выборке обнаружено относительно меньше связей, и они касаются в основном нематериальных ценностей – непосредственно экологических, социальных и ценностей личностного развития.

Заключение

Решение экологических проблем остаётся важной межкультурной задачей. Результаты эмпирического исследования на студентах России и Японии позволили констатировать следующее. *Во-первых*, выявлены различия в ценностных структурах российских и японских студентов: в ценностной структуре россиян выявлено три слабо дифференцируемых фактора, ориентированных на социальную и индивидуальную направленность, внешнюю сторону жизни, личностный рост и развитие. Ценностная структура японских студентов образовала два

чётких фактора: первый ориентирован на ценности созидания и отдачи, второй фактор включил материальные и гедонистические ценности, ориентированные на внешнюю сторону жизни. *Во-вторых*, сравнение экологических установок показало, что в обеих культурах студенты отмечают потребность общения с природой и признают себя её частью. При этом японские студенты на фоне большей обеспокоенности экологическими угрозами в большей мере склонны проявлять прямое экологическое поведение. В то же время российские студенты более склонны к непрямым формам экологического поведения (участие в экологических мероприятиях, спонсорская помощь им и т. д.). *В-третьих*, корреляционный анализ обнаружил положительные связи показателей экологических установок с ценностями в обеих культурах. Однако культурная специфика проявилась в различной степени доминирования материальных и нематериальных ценностей в формировании взаимосвязей. На российской выборке в этих связях наблюдается равномерное задействование как материальных, так и нематериальных ценностей, на японской выборке доминируют нематериальные ценности. Таким образом, проведённое исследование вносит вклад в выявление культурной специфики предикторов проэкологического поведения посредством установления взаимосвязи экологических установок и ценностей у студентов России и Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Е. С. Взаимосвязь проэкологического поведения и личностных ценностей индивида: гендерный аспект // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. Т. 14. №4. С. 13–19.
2. Ахметеева А. Д., Каменев Н. О., Герасимова Л. А. Экологизация общественного сознания на примере России и Японии // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2013. №9. С. 261–262.
3. Гордеева С. С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Т. 27. №3. С. 135–140. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140.
4. Ефимова И. А. Возрастно-половые особенности экологических установок подростков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2015. №178. С. 63–68.
5. Мдивани М. О., Александрова Е. С., Сорокина С. С. Взаимосвязь экологического сознания и экологического поведения: особенности оценки взаимовлияний природы и человека // Акмеология. 2018. Т. 65. №1. С. 9–14.
6. Мдивани М. О., Хисамбеев Ш. Р. Экологическое самосознание как основа проэкологического поведения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 21. №4. С. 346–348.
7. Панюкова Ю. Г. Межпоколенные различия в проэкологических ценностях: контент современных зарубежных психологических исследований // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. №1. С. 92–94.
8. Прохода В. А. Экологическая ответственность населения: опыт социологического измерения // Человек. 2022. Т. 34. №3. С. 146–164. DOI: 10.31857/s023620070026110-8.
9. Хмеленок Е. А. К проблеме определения понятия «экологическая ценность» // Философские науки. 2010. №2. С. 63–68.
10. Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л. Связь с природой: вклад в душевное благополучие // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. РГУ им. А. Н. Косыгина / 16 июня 2017 года / под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, И. В. Антоненко, И. Н. Карицкого. М.: Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, 2017. С. 764–767.
11. Юрова К. О., Фомина Н. Б. Экологические проблемы и пути их решения на примере Японии и России // Природноресурсный потенциал, экология и устойчивое развитие регионов России: сборник статей XXI Международной научно-практической конференции / Пенза, 23–24 января 2023 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. С. 292–296.
12. Bolderdijk J. W., Gorsira M., Keizer K. Values determine the (in)effectiveness of informational interventions in promoting pro-environmental behavior // PLoS One. 2013. Vol. 12. №8. URL: <https://journals.plos.org/plosone/> (дата обращения: 10.04.2023). DOI: 10.1371/journal.pone.0083911.
13. Clayton S., Czellar S., Nartova-Bochaver S. Cross-cultural validation of a revised environmental identity scale // Sustainability. 2021. Vol. 4. №13. P. 1–12.
14. De Dominicis S., Schultz P. W., Bonaiuto M. Protecting the Environment for Self-interested Reasons: Altruism Is Not the Only Pathway to Sustainability // Frontiers in Psychology. 2017. №8. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles> (дата обращения: 14.10.2023). DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01065.

15. Haws K. L., Winterich K. P., Naylor R. W. Seeing the world through GREEN-tinted glasses: Green consumption values and responses to environmentally friendly products // *Journal of Consumer Psychology*. 2014. Vol. 3. №24. P. 336–354. DOI: 10.1016/j.jcps.2013.11.002.
16. Kilbourne W., Pickett G. How materialism affects environmental beliefs, concern, and environmentally responsible behavior // *Journal of Business Research*. 2008. Vol. 9. №61. P. 885–893. DOI: 10.1016/j.jbusres.2007.09.016.
17. Martin C., Czellar S. The extended Inclusion of Nature in Self scale // *Journal of Environmental Psychology*. 2016. №47. P. 181–194. DOI: 10.1016/j.jenvp.2016.05.006.
18. Mayer F. S., Frantz C. M. The connectedness to nature scale: A measure of individuals' feelings in community with nature // *Journal of Environmental Psychology*. 2004. №24. P. 504–515.
19. Mosanya M., Kwiatkowska A. New Ecological Paradigm and third culture kids: Multicultural identity configurations, global mindset and values as predictors of environmental world-views // *International Journal of Psychology*. 2023. Vol. 58. №2. P. 103–115. DOI: 10.1002/ijop.12887.
20. Nkaizirwa J. P., Nsanganwimana F., Aurah C. M. On the predictors of pro-environmental behaviors: integrating personal values and the 2-MEV among secondary school students in Tanzania // *Heliyon*. 2022. Vol. 8. №3. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 14.10.2023). DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e09064.
21. Song Y., Bao H., Shen S. Understanding the Influence of Initial Values of College Students in Shaping Pro-Environmental Behavioral Intention // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 15. №19. URL: <https://www.mdpi.com> (дата обращения: 14.10.2023). DOI:10.3390/ijerph19159730.
22. Tian H., Liu X. Pro-Environmental Behavior Research: Theoretical Progress and Future Directions // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 11. №19. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 13.10.2023). DOI: 10.3390/ijerph19116721.

REFERENCES

1. Aleksandrova E. S. [Relationship of proecological behavior and personal values of the individual: gender aspect]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2021, vol. 14, no. 4, pp. 13–19.
2. Akhmameteva A. D., Kamenev N. O., Gerasimova L. A. [Greening of public consciousness on the example of Russia and Japan]. In: *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Actual problems of aviation and cosmonautics], 2013, no. 9, pp. 261–262.
3. Gordeeva S. S. [Essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2016, vol. 27, no. 3, pp. 135–140. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140.
4. Efimova I. A. [Age-sex features of ecological attitudes of teenagers]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2015, no. 178, pp. 63–68.
5. Mdivani M. O., Aleksandrova E. S., Sorokina S. S. [The interrelation of environmental consciousness and environmental behavior: peculiarities of evaluating the mutual influence of nature and man]. In: *Akmeologiya* [Acmeology], 2018, vol. 65, no. 1, pp. 9–14.
6. Mdivani M. O., Khisambiev Sh. R. [Environmental self-consciousness as a basis of proecological behavior]. In: *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2017, vol. 21, no. 4, pp. 346–348.

7. Panyukova Yu. G. [Intergenerational differences in proecological values: the content of modern foreign psychological research]. In: *Mezhpokolencheskie otnosheniya: sovremennyy diskurs i strategicheskie vybory v psihologo-pedagogicheskoy nauke i praktike* [Intergenerational relations: modern discourse and strategic choices in psychological and pedagogical science and practice], 2020, no. 1, pp. 92–94.
8. Prokhoda V. A. [Environmental responsibility of the population: experience of sociological measurement]. In: *Chelovek* [Chelovek], 2022, vol. 34, no. 3, pp. 146–164. DOI: 10.31857/s023620070026110-8.
9. Khmelenok E. A. [The problem of definition of “environmental values”]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 2010, no. 2, pp. 63–68.
10. Chistopolskaya K. A., Enikolopov S. N., Nikolaev E. L., Semikin G. I. [Nature connectedness and its contribution to mental health]. In: Belgorodskiy V. S., Kasheev O. V., Antonenko I. V., Karickiy I. N., ed. *Perspektivy psihologicheskoy nauki i praktiki: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. RGU im. A. N. Kosygina / 16 iyunya 2017 goda* [Prospects of psychological science and practice: collected articles of the International scientific and practical conference]. Moscow, Russian State University named after A. N. Kosygin, 2017, pp. 764–767.
11. Yurova K. O., Fomina N. B. [Environmental problems and ways to solve them on the example of Japan and Russia]. In: *Prirodnouresursnyy potencial, ekologiya i ustojchivoe razvitie regionov Rossii: sbornik statej XXI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Penza, 23–24 yanvarya 2023 goda* [Natural resource potential, ecology and sustainable development of Russian regions: collected articles of the XXI International scientific and practical conference / Penza, January 23–24, 2023]. Penza, Penza State Agrarian University Publ., 2023, pp. 292–296.
12. Bolderdijk J. W., Gorsira M., Keizer K. Values determine the (in)effectiveness of informational interventions in promoting pro-environmental behavior. In: *PLoS One*, 2013, vol. 12, no. 8. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/> (accessed: 10.04.2023). DOI: 10.1371/journal.pone.0083911.
13. Clayton S., Czellar S., Nartova-Bochaver S. Cross-cultural validation of a revised environmental identity scale. In: *Sustainability*, 2021, vol. 4, no. 13, pp. 1–12.
14. De Dominicis S., Schultz P. W., Bonaiuto M. Protecting the Environment for Self-interested Reasons: Altruism Is Not the Only Pathway to Sustainability. In: *Frontiers in Psychology*, 2017, no. 8. Available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles> (available at: 14.10.2023). DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01065.
15. Haws K. L., Winterich K. P., Naylor R. W. Seeing the world through GREEN-tinted glasses: Green consumption values and responses to environmentally friendly products. In: *Journal of Consumer Psychology*, 2014, vol. 3, no. 24, pp. 336–354. DOI: 10.1016/j.jcps.2013.11.002.
16. Kilbourne W., Pickett G. How materialism affects environmental beliefs, concern, and environmentally responsible behavior. In: *Journal of Business Research*, 2008, vol. 9, no. 61, pp. 885–893. DOI: 10.1016/j.jbusres.2007.09.016.
17. Martin C., Czellar S. The extended Inclusion of Nature in Self scale. In: *Journal of Environmental Psychology*, 2016, no. 47, pp. 181–194. DOI: 10.1016/j.jenvp.2016.05.006.
18. Mayer F. S., Frantz C. M. The connectedness to nature scale: A measure of individuals’ feelings in community with nature. In: *Journal of Environmental Psychology*, 2004, no. 24, pp. 504–515.
19. Mosanya M., Kwiatkowska A. New Ecological Paradigm and third culture kids: Multicultural identity configurations, global mindset and values as predictors of environmental worldviews. In: *International Journal of Psychology*, 2023, vol. 58, no. 2, pp. 103–115. DOI: 10.1002/ijop.12887.

20. Nkaizirwa J. P., Nsanganwimana F., Aurah C. M. On the predictors of pro-environmental behaviors: integrating personal values and the 2-MEV among secondary school students in Tanzania. In: *Heliyon*, 2022, vol. 8, no. 3. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 14.10.2023). DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e09064.
21. Song Y., Bao H., Shen S. Understanding the Influence of Initial Values of College Students in Shaping Pro-Environmental Behavioral Intention. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, vol. 15, no. 19. Available at: <https://www.mdpi.com> (accessed: 14.10.2023). DOI:10.3390/ijerph19159730.
22. Tian H., Liu X. Pro-Environmental Behavior Research: Theoretical Progress and Future Directions. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, vol. 11, no. 19. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 13.10.2023). DOI: 10.3390/ijerph19116721.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забелина Екатерина Вячеславовна (Челябинск) – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Челябинского государственного университета;
email: katya_k@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2365-6016

Данилова Анастасия Анатольевна (Челябинск) – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии Челябинского государственного университета;
email: ensti1988@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6701-1941

Смирнов Максим Георгиевич (Челябинск) – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии Челябинского государственного университета;
email: smirnov771977@mail.ru; ORCID: 0009-0001-9160-754X

Тошихиро Вада (Яхимае) – профессор, университет Эхимае, Япония;
email: wada.toshihiro.mx@ehime-u.ac.jp

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Zabelina (Chelyabinsk) – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Psychology of Chelyabinsk State University;
email: katya_k@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2365-6016

Anastasia A. Danilova (Chelyabinsk) – Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Lecturer at the Department of Psychology of Chelyabinsk State University;
email: ensti1988@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6701-1941

Maxim G. Smirnov (Chelyabinsk) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Head of the Department of Foreign Regional Studies, Political Science and Eastern Philosophy of Chelyabinsk State University;
email: smirnov771977@mail.ru; ORCID: 0009-0001-9160-754X

Wada Toshihiro (Ehime) – Professor of Ehime University;
email: wada.toshihiro.mx@ehime-u.ac.jp

Научная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-66-81

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООТНОШЕНИЯ И СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА У МОЛОДЁЖИ

Камзина О. А.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва,
443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, Российская Федерация; e-mail: kotoa@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.04.2024

После доработки 04.05.2024

Принята к публикации 06.05.2024

Аннотация

Цель – изучение взаимосвязи суверенного психологического пространства и самоотношения у молодёжи.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стали анкетирование, методика М. Куна и Т. Макпартленда – тест «Кто я?», опросник самоотношения В. В. Столина и С. Р. Пантилеева; опросник «Суверенность психологического пространства личности» С. К. Нартова-Бочавер. Математическая обработка производилась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. По результатам эмпирического исследования обнаружены особенности самоотношения у молодёжи, которые различаются в зависимости от сформированности суверенного психологического пространства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы с целью индивидуального исследования у молодёжи аспекта субъективных представлений для разработки тренингов и коррекционных программ по самоотношению в рамках суверенного психологического пространства.

Ключевые слова: самоотношение, суверенность психологического пространства, молодёжь, саморуководство, идентичность

Для цитирования: Камзина О. А. Взаимосвязь самоотношения и суверенности психологического пространства у молодёжи // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №3. С. 66–81.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-66-81

Original Research Article

CORRELATION BETWEEN SELF-ATTITUDE AND SOVEREIGNTY OF PSYCHOLOGICAL SPACE AMONG YOUNG PEOPLE

O. Kamzina

Samara National Research University, ul. Academica Pavlova, 1, Samara, 443011, Russian Federation; e-mail: komoa@mail.ru

Received by the editorial office 02.04.2024

Revised by the author 04.05.2024

Accepted for publication 06.05.2024

Abstract

Alm. To study the connection of sovereign psychological space and self-attitude among young people.

Methodology. The key research method was a questionnaire, the method of M. Kuhn and T. McPartland – the “Who am I?” test, the self-attitude questionnaire of V.V. Stolin and S.R. Pantileev; the questionnaire “Sovereignty of the psychological space of personality” by S.K. Nartov-Bochaver. Mathematical processing was performed using Spearman’s rank correlation coefficient.

Results. According to the results of the empirical study, the peculiarities of self-attitude among young people have been found, which differ depending on the formation of the sovereign psychological space.

The theoretical and/ or practical significance. The obtained results can be used for the purpose of an individual study of the aspect of subjective perceptions among young people for the development of trainings and correctional programs on self-attitude within the framework of a sovereign psychological space.

Keywords: self-attitude, sovereignty of psychological space, youth, manual, identity

For citation: Kamzina O. A. Correlation between self-attitude and sovereignty of psychological space among young people. In: Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no. 3, pp. 66–81.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-66-81

Введение

Проблема осознания и восприятия себя как личности всегда была актуальна для человека. Отношение к себе составляет эмоционально-ценностный компонент сознания и предполагает элементы из различных эмоциональных переживаний личности относительно себя в процессе развития. В контакте с собой и с Другими расширяется эмоциональный опыт личности в социальном взаимодействии и общении.

Взаимодействие с окружающим миром формирует суверенное психологическое пространство личности. Навык оценки суверенного психологического пространства своего и Других помогает быть максимально уверенным и успешным в социальной жизни, формируя ресурс для личности.

Суверенное психологическое пространство, развиваясь и изменяясь на протяжении всей жизни, «выстраивается» до субъектной конфигурации границ, обеспечивая адаптивное вза-

имодействие с миром. Умение конгруэнтно оценивать суверенное психологическое пространство как своё, так и других помогает быть в контакте с реальностью в социальном мире, что определяет актуальность изучения феноменов – самоотношения и суверенного психологического пространства. Выборку исследования составляют респонденты одного возрастного периода по периодизации Э. Эриксона – ранней взрослости или молодости в возрасте 25–35 лет (92 респондента, из них – 34 мужчины и 58 женщин). Далее в работе используется термин «молодёжь».

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

История психологии хранит фундаментальные идеи отечественных и зарубежных авторов в данном аспекте: учения о самоотношении (С. Р. Пантелеев, Н. И. Сарджвеладзе, В. В. Столин, Р. Бёрнс, Р. Стренг); теория «Я-концепции» (К. Роджерс, М. Розенберг, С. Куперсмит, Л. Уэлс, Дж. Марвел, Р. Бернс, Л. С. Выготский, И. И. Чеснокова, В. Н. Мясисев, А.А. Бодалев и др.); эпигенетическая концепция Э. Эриксона; теории по осознанию телесности как условия гармоничного развития Э. Гуссерля, В. Райха, А. Лоуэна, Дж. Боулби, М. Малер, А. Валлона, А.Ш. Тхостова, А.И. Захарова; теория приватности И. Альтмана, концепция персонализации В. А. Петровского, М. Хейдметса, концепция «образ мира» И. Хофмана, Дж. Гибсона, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и «репрезентативного мира» Дж. Сандлера; концепция «поля» К. Левина; концепция границ и кон-

такта Ф. Перлза; концепция суверенности психологического пространства С. К. Нартова-Бочавер [2; 3; 5; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 19].

Необходимый компонент развитого самосознания – это полноценный образ себя в многообразии личностного потенциала, отношения к окружающему миру, к другим людям [5; 16]. Повышение осознанности является одной из сторон развития мотивационного поведения и проявляется в самоотношении. Имея набор образов себя, возможно сконструировать «Я-концепцию» как итоговый продукт сознания, самосознания и бессознательного, что выражено в описательном характере личности. Так, самоотношение проявляется как психологическая особенность и выражена в требованиях (личностных, профессиональных, социальных, моральных, материальных, эстетических и др.), предъявляемых личностью к самому себе. Эмоционально-ценностное отношение к себе обуславливает тенденцию к завышению или занижению некоторых личностных способностей. Повышенные требования стратегически ведут к достижениям успеха в отличие от невысоких требований к себе [1; 2; 12]. В этом аспекте В. В. Столин подчёркивает, что эмоционально-ценностное отношение к себе и другим неоднородно и состоит из трёх факторов: симпатия/антипатия, уважение/неуважение, близость/отдалённость [12; 16].

Таким образом, самоотношение представляется как психологическое образование, связанное с самопознанием, саморегуляцией и самоконтролем, обеспечивая психологическую эмоциональную устойчивость личности. Соответствие самоотношения

объективным возможностям личности позволяет достичь внутренней гармонии с собой и самоуважения [3; 6; 15; 18]. Так роль самоотношения в трансформации своих потребностей, желаний, влечений, устремлений в осознанные мотивы значима, поскольку становится осознанием приватного пространства и специфических мотивов жизнедеятельности личности [1; 12; 13].

Понятие «приватность» определяет механизм регулирования границ между миром и личностью как способ создавать и защищать собственное «Я» (Self), как переживание собственной личности: то, где «Я» заканчивается, и то, где «не Я» (Другой) начинается. По сути, психологическое пространство маркирует пределы собственного «Я» и факт внедрения в пространство других людей.

Понятие «приватность» раскрывается в рамках экологического подхода в концепции приватности И. Альтмана и концепции персонализации М. Хейдметса, где окружающая среда объективно существует и обеспечивает удовлетворение субъективных потребностей человека путём присвоения, т. е. персонализации [8; 9; 13]. Понятие персонализации как «вынесение» себя вовне вводит В. А. Петровский, т. е. «расширение» субъекта в среду, превращение элементов среды в органы функционирования личности [13; 14].

Д. Н. Узнадзе утверждал, что развитие личности происходит в зоне между человеком и миром, отмечая, что человек – это система, которая находится в постоянном обмене информационными, ментальными образованиями с окружающей средой и

отчуждает какие-то части внутреннего мира, а какие-то другие части присваивает [17].

Понятие «личных границ» ввёл ученик З. Фрейда Пауль Федерн. Он определял феноменологию понятия «психологические границы» как феномен индивидуации. К. Г. Юнг описывает это понятие как процесс становления и обособления психологического индивида; Э. Эриксон как устойчивый «Образ Я, идентичность “и систему способов поведения личности”»; гуманистическая психология и психоанализ – через категорию личной автономии–независимости, способности самовыражения, с внутренней опорой и как «переходный объект» [20; 21; 22].

Субъективное восприятие окружающей реальности входит в понятие «образ мира» и отражается понятиями «репрезентативный мир», «репрезентация себя», «картина мира», «когнитивная карта», «интегративный образ реальности», включая неосознанное знание о себе, определяя текущее поведение в контексте ощущения границ собственного тела и границ собственного «Я» [6; 9; 17].

Становлением субъектности человека и нормального развития является наличие Другого и отношений с миром в целом, по мнению В. И. Слободчикова [16]. А. Фрейд утверждает, что личность в процессе социализации (в контакте с Другим) проходит линии развития «от полной зависимости к эмоциональной самостоятельности и взрослым объектным отношениям» [9; 22]. По сути, формируются значимые репрезентативные факторы линии развития субъективной картины мира возрастных групп: от репрезентации родительской под-

системы семьи через репрезентацию телесного «Я» до репрезентации пространственно-временных аспектов мира [6; 16].

В. П. Серкин, Е. Ю. Артемьева, В. В. Столин, Ю. К. Стрелков, М. С. Яницкий и др., продолжая идеи «репрезентации» и «образа мира» А. Н. Леонтьева, выявили, что контакт человека с миром формирует собственную психологическую реальность – субъективный образ мира [3; 6; 16].

Также введённое понятие «поля» (К. Левин) представляет собой «жизненное пространство», «жизненный мир» и «психологическое время и пространство», «пограничную» зону жизненного пространства личности. Повседневное жизненное пространство является синонимом слова личность в теории К. Левина. К. Левин считает, что «жизненное пространство личности состоит из психологических явлений (потребности, мотивы, когнитивные схемы, цели ...) и определённых частей физического и социального мира, оказывающих и не оказывающих воздействия на личность» [4, с. 56].

Концепт гештальтпсихологии Ф. Перлза подчёркивает психологическое здоровье личности в наличии прочных личностных границ. Граница контакта (организм/окружающая среда) становится контекстом психологических событий, поскольку внутренняя активность (мысли, чувства ...) и внешняя активность (действия, поведение) личности обнаруживаются только на границе контакта. Развитие контактов ведёт личность к независимости от окружающей среды [9].

В рамках Эго-психологии Э. Эриксона выделено переживание

цельности, непрерывности и тождества, сводящего воедино внутренний и внешний мир, и их соотношение представляет категория идентичности как переживание себя «вовне» и «внутри». Чувство идентичности создаёт условие психической стабильности, осознавая индивидуальное пространство личности [11; 20, с. 10]. Приватное пространство обеспечивает защиту границ личностной идентичности. Личность использует стихийные способы самоподдержки, но также формулирует средовые послания, которые могут обидеть, унижить или поощрить, выразить симпатию, при этом не обращаясь к сознанию.

Термин «суверенность» ввела С. К. Нартова-Бачавер (1990), опираясь на эмпирические теории личности, изучающие феномены и ментальные составляющие личности, контекст и прагматическое окружение личности, идеи территориальности и границ, которые переживаются, принимаются, подразумеваются, учитываются, но не всегда наблюдаются. Создавая свою концепцию, она опирается на методологические основы воззрений У. Джеймса, К. Левина, Ф. Перлса, Д. Н. Узнадзе, И. Альтмана, Э. Хартманна, М. Хейдметса, Е. Гоффмана, Л. Марчер [10].

Функции суверенного психологического пространства определяют:

а) регулирование контактов (Я – внешний мир);

б) осуществление взаимодействия (Я – внешний мир);

в) самоопределение и поддержание признаков личной идентичности, что предполагает тенденцию их динамики.

В связи с этим психологическое пространство личности ощущается и ре-

гламентируется при опоре на уровень индивидуальности личности, которое представляет:

1) ценность как присвоенное или созданное им самим;

2) авторство, оно формирует ответственность, контроль и защиту пространства;

3) «прозрачность», оно рефлексруется при возникновении проблемных ситуаций, не дифференцируется;

4) постоянство, устойчивость и сохранность [9; 11].

С. К. Нартова-Бочавер выделила шесть сфер суверенности психологического пространства как разные онтологические языки формирования личности, посредством которых осуществляется саморегуляция в социальном пространстве и определяется подлинность личности:

1) суверенность физического тела (СФТ); определяет контакт с потребностями, проявляется в контакте с окружающей средой, формирует субъектность и независимость от среды, создаёт исследовательскую деятельность, освоение территории и ощущение комфорта в ней, установление надёжной привязанности, пищевое насилие, понятие о здоровой диете и комфортной одежде. Феноменология аспекта суверенности физического тела характеризуется нарушениями в тактильности как последствий материнской депривации в детстве, что проявляется в фиксации на собственном теле, снижении в дальнейшем инициативности, склонности к стереотипным действиям и выборе знакомых предметов и людей в угоду не знакомых, также к сильной зависимости от окружения;

2) суверенность территории (СТ) определяет притязание личности на приватность, выраженную в потребности иметь свою интимную территорию, она обусловлена защитой от вторжения. Потребность возможности личной деятельности и психологической реабилитации. Уважение к приватности определяет самооценку. Территория связывает и роднит поколения, обеспечивает идентичность;

3) суверенность мира вещей (СВ) и денег как её эквивалента позволяют обрести свободу выбора приобретений. Коммуникативные послания, где через подарок мы выражаем мощный терапевтический смысл. Средство самопрезентации через статусные вещи. Поддержание идентичности и установление контакта с реальностью. Замещение социальных объектов и контактов с ними через дорогие сердцу предметы. Маркёр личной территории: при разбрасывании личных вещей обозначается суверенное пространство;

4) суверенность привычек (СП) выражена в ощущении предсказуемости среды, она создаёт чувство порядка и контроля. Предсказуемость как привычная форма поведения становится фактором спокойствия и узнаваемости, приятная неожиданность может быть воспринята тревожно, особенно это относится к детям и старикам. Разграничение территориального влияния в режиме времени. Защита от фрустрации, обозначение социального статуса: очерёдность в семейной или групповой системе демонстрирует доминирование и подчинение;

5) суверенность социальных связей (СС) определяется системой и кругом знакомых, замещение привлекатель-

ных и предпочитаемых знакомых менее предпочитаемыми знакомыми, получением обратной связи, обретением социальной идентичности и обретением ответственности. Доверие и недоверие к представителям социального мира;

б) уверенность ценностей (СЦ) представляет ценности, субкультуру, экзистенциальную уверенность, чувство бытия, устойчивость к манипуляциям, ощущение личной ответственности [9].

С. К. Нартова-Бочавер определяет психологическую суверенность как черту личности второго уровня, которая формируется в детстве, укрепляется к юношескому возрасту. Включает аспект физических, социальных и психологических явлений как грани идентичностей личности (территорию, личные предметы, социальные привязанности, установки), проявляется в способности сохранять и защищать своё пространство. Психологическая суверенность становится ресурсом, представляя собой баланс между потребностями личности и окружающей её реальностью. Депривированность психологической суверенности проявляется как фрагментарность жизни личности, обуславливая поиск себя и своего предназначения.

Феномен суверенного пространства личности является опорной точкой в сфере психического, переживается как сохранное или нарушенное, что выражается в ощущениях статики или напряжения, проявляется на уровне осознания или не осознаётся, включает комплекс идентичностей, которые защищает и проявляется в поведении, направленном на объекты, значимые для внутреннего мира.

Методы и процедура исследования

С целью изучения особенностей самоотношения у молодёжи с различным уровнем суверенности психологического пространства было проведено исследование. В исследовании принимали участие респонденты периода ранней зрелости или молодости (по периодизации Э. Эриксона) в возрасте 25–35 лет. Далее в работе используется термин «молодёжь». Данный возраст является сензитивным для интеграции молодёжи в общественную жизнь путём самоопределения – личностного и профессионального.

Экспериментальную выборку составили 92 респондента, из них – 34 мужчины и 58 женщин, все относят себя к русским, состоят в браке или в отношениях, трудоустроены, несут социальную ответственность за себя и своих близких, 83% респондентов имеют высшее образование, 17% – среднее специальное. Для определения данных показателей использовалось анкетирование.

С целью изучения взаимосвязи самоотношения и суверенности психологического пространства были использованы следующие методики:

1) методика М. Куна и Т. Макпартленда – тест «Кто я?»;

2) опросник «Суверенность психологического пространства личности» С. К. Нартова-Бочавер;

3) опросник самоотношения В. В. Столина и С. Р. Пантилеева.

Перед началом статистической обработки было установлено, что эмпирическое распределение изучаемых параметров соответствует нормальному распределению (проверка осуществлялась с использованием коэффици-

ента ранговой корреляции Спирмена). Математическая обработка производилась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics Version 23.

Результаты исследования и их анализ

При наличии эмоциональных, индивидуальных и социальных способностей личность реализует потребность в самопознании, саморазвитии и в создании межличностных отношений, адекватно определяя и распознавая эмоциональное самоотношение и отношение к себе Других. Определяя свои возможности и требования (личностные, профессиональные, социальные, моральные, материальные, эстетические и др.), личность стремится выстраивать свои суверенные психологические границы, обеспечивая личностную автономию, что обуславливает развитие личностной зрелости и уважительное отношение к границам Других.

Способность защищать своё пространство позволяет быть устойчивыми к манипуляциям и своевременно решать возрастные задачи, что становится фундаментальной позицией для

дальнейшего становления личности у молодёжи. Депривированность частных границ проявляется в крайне неустойчивом поведении и эмоциональной нестабильности. Зависимость от внешнего мнения и влияния усиливает сомнения, личностную неуверенность, самокритику.

При изучении суверенности психологического пространства личности выявлены структурные показатели, которые определили выраженность и относительную сформированность одних компонентов и дефицитарную способность других компонентов. Под уровнем сформированности компонентов самоотношения и суверенности психологического пространства мы понимаем выраженность относительно нормативных показателей: «высокий», «средний», «низкий». Средние значения выборки по методике С. К. Нартовой-Бочавер «Суверенность психологического пространства личности» проиллюстрированы в таблице 1.

На основании средних показателей шкал построена диаграмма, где представлены диагностические компоненты методики: суверенность мира вещей (1), суверенность физического

Таблица 1 / Table 1

**Средние значения шкал суверенности психологического пространства по выборке /
The average values of the scales of sovereignty of the psychological space in the sample**

№	Шкалы	Среднее значение, %
1	Суверенность мира вещей	-0,31
2	Суверенность физического тела	0,17
3	Суверенность территории	0,19
4	Суверенность ценностей	0,18
5	Суверенность привычек	0,31
6	Суверенность социальных связей	0,16

тела (2), суверенность территории (3), суверенность ценностей (4), суверенность привычек (5), суверенность социальных связей (6) (рис. 1).

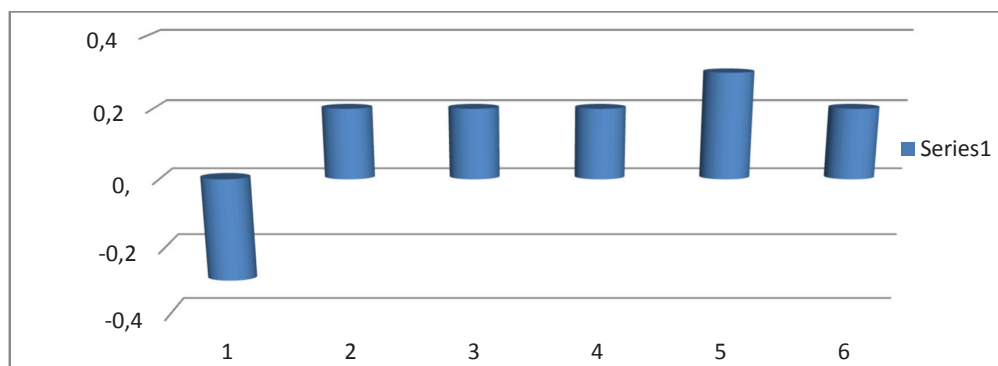

Рис. 1 / Fig. 1. Диаграмма шкал суверенности психологического пространства выборки / Chart of scales of sovereignty of the psychological space by sample

Положительные значения шкал суверенного психологического пространства респондентов: суверенность физического тела (2), суверенность территории (3), суверенность ценностей (4), суверенность привычек (5), суверенность социальных связей (6) демонстрируют осмысленность и позитивную коннотацию удовлетворённости жизнью. Высокий показатель шкалы суверенность привычек (5) демонстрирует привычную форму поведения, которая становится фактором спокойствия и узнаваемости. Привычки являются защитой от фрустрации, подтверждением социальной идентичности.

Показатель шкалы суверенность мира вещей (1) находится в зоне отрицательного значения, иллюстрируя конфликтное личностное переживание при недостатке ресурсов. Личные вещи создают средства и способы самоподдержки и социальный ресурс. Пространство мира вещей и деньги как его эквивалент позволяют обрести свободу выбора в личных приобре-

тениях, позволяют осуществить разумную психотерапию в виде шопинга или путешествий и обеспечивают социальную стабильность.

Результаты изучения самоотношения (методика В. В. Столина, С. Р. Пантелеева) позволили выявить средние значения выборки (табл. 2)

Среднее значение интегрального показателя чувства «за» и «против» собственного Образа «Я» по выборке составляет 0,23.

Показатели самоотношения по выборке неоднородно выражены: преобладают шкалы – «отношение других» (1,14) и «ожидаемое отношение от других» (1,05), ярко выражено отрицательное значение «самообвинение» (-1).

На диаграмме представлены компоненты самоотношения: «самоинтересы» (1), «самоуважение» (2), «самоуверенность» (3), «отношение других» (4), «ожидаемое отношение от других» (5), «самопринятие» (6), «самопоследовательность и саморуководство» (7), «аутосимпатия» (8), «самообвинение» (9), «самопонимание» (10) (рис. 3)

Таблица 2 / Table 2

Средние значения самооотношения по выборке / The average values of the scales of self-attitude in the sample

№	Шкалы	Среднее значение, %
1	Самоинтерес	0,4
2	Самоуважение	0,09
3	Самоуверенность	0,16
4	Отношение других	1,14
5	Ожидания от других	1,05
6	Самопринятие	0,42
7	Саморуководство	0,27
8	Аутосимпатия	0,07
9	Самообвинение	-1
10	Самопонимание	0,14

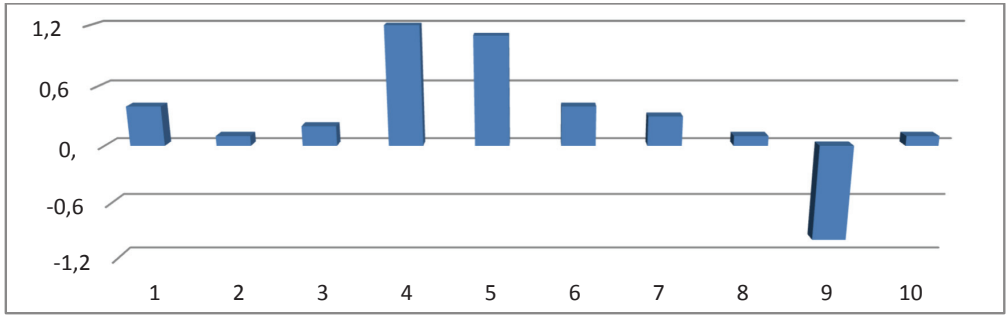

Рис. 2 / Fig. 2. Диаграмма средних значений самооотношения по выборке / A diagram of the average values of the self-attitude in the sample

Максимальные значения показателей «отношение других» (4) и «ожидаемое отношение от других» (5) позволяют утверждать, что преобладает зависимость от общественного мнения и ожидания одобрения других. Низкие показатели «самоуважение» (2), «аутосимпатия» (8) и «самопонимание» (10) демонстрируют диффузное, расплывчатое знание о своих сильных сторонах и заключают в себе нетерпимость негативных сторон собственной личности и тенденцию к «самообвинению» (9),

к шкале, которая выражена в максимально отрицательном значении. Чем сильнее ориентация на других, ожидание одобрения или порицания референтной группой или людей, тем больше эмоциональных реакций на себя в виде раздражения, презрения, издёвок, определяющих «самообвинение» (9). В результате проверки статистической значимости исследования с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена были установлены значимые корреляции (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Описательная статистика и результаты двухсторонней корреляции / Descriptive statistics and two-way correlation results

Компоненты Суверенности			Компоненты самооотношения								
№	СП	СС	Самопонимание	Самоуверенность	Отношение к другим	Ожидание отношений от других	Самопринятие	Саморуководство	Аутосимпатия	Самообвинение	Самоинтерес
СВ	-	-	,631	-,631	-	-	,847*	-	-	-	-
СФТ	,574*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
СТ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-,786*	-
СЦ	-	-,582		-	-	-	-	-	-	,643	-
СП	-	,691	-,679	-	-	-	-	-	-,548	-	-
СС	-	-	-	-,600	-	-	-	,600	-	-	-
Самоува- жение	-	-	-,571	,679	-	-	-	-	-	-	,846**
Самоуве- ренность	-	-	-,500	-	,500	,500	-	-,857*	-	-	,802*
Отн-ние к другим	-	-	-	-	-	-	-	-,786*	-,881**	-	-
Ожидания отно-ний от других	-	-	-	-	-	-	-	-,786*	-,881**	-	-
Самопри- нятия	-	-	,607	-	-	-	-	-	-	-	-
Саморуко- водство	-	-	-	-	-	-	-	-	,429	-	-,535
Самооб- винение	-	-	-,429	-	-	-	-	-	-	-	-
**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).											
*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).											

Наблюдается высокий уровень корреляционной значимости суверенности вещей – «самопринятие» (,847*): демонстрируется актуальность самопрезентации и подтверждение своей идентичности через статусные вещи,

обеспечивая высокий уровень суверенности.

Состояние внутренней рефлексии принятия связаны с представлением положительного внимания («самопонимание» – суверенность вещей

(,631)), внутренней оценки через материальное благополучие, что определяет отношение к себе как к достойному, самодостаточному человеку и связано с ощущением внутреннего самоуважения, отражая субъективные потребности. Суверенность мира вещей, поддерживая идентичность, устанавливает адаптивность и гармонию контакта с реальностью. Депривация суверенности мира вещей нивелирует веру в свои возможности, усложняя самостоятельность и согласованность в своих действиях: «самоуверенность» – суверенность вещей (-,631). Дорогие сердцу предметы замещают значимые социальные связи и объекты, обеспечивая психологическое спокойствие.

Тенденция к исследованию своих способностей, интерес к своим мыслям и чувствам определяет личностную ценность, что отражает корреляции: «самоинтерес» – «самоуверенность» (,802⁺) и «самоинтерес» – «самоуважение» (,846^{**}): они обеспечивают социальную активность и самореализацию и укрепляют устойчивый, позитивный образ себя. Взаимосвязь «самоуважение – самоуверенность» (,679) отражает положительное самовосприятие, инициируя социальную активность. Рефлексивные процессы расширяют представления о себе и об отношениях с миром, запускают процесс поиска себя, что становится фактором личностного развития у молодёжи.

Обратная корреляция «саморуководство – отношение к другим» (-,786⁺) и «саморуководство – ожидание отношений от других» (-,786⁺) демонстрирует зависимое поведение, минимизацию управления своим поведением и самоутверждение: скорее, молодёжь ориентируются на социальные и груп-

повые нормы, ожидая внешнего принятия. Это свидетельствует о склонности к конформному поведению, что нивелирует субъективные ценности и последовательность в своих действиях.

Тенденция аутоантипатии растёт при минимизации внешнего принятия, что подтверждается обратной корреляцией: «аутосимпатия – ожидание отношений от других» (-,881^{**}) и «аутосимпатия – отношение к другим» (-,881^{**}), и объясняет ориентацию в самовыражении, самовосприятии и регуляции собственного поведения на внешние оценки и требования. Причём значения показателя «самоуверенность – саморуководство» (-,857⁺) подтверждают переменчивость в оценке себя: самоуверенность, выраженная в переживании эмоционального подъёма и прогнозировании наилучшего исхода, подкрепляется поддержкой внешнего окружения, но при этом ингибируется внутренняя инициатива управления поведением, опираясь на внешнюю норму и лояльность к социальной среде.

В социальном пространстве суверенность территории закрывает потребность в безопасности, обеспечивает территориальную самодостаточность, используя ресурс пространства. Обратная корреляция «суверенность территории – самообвинения» (-,786⁺) указывает на внутренний конфликт при слабости и проницаемости суверенного личного пространства. Неустойчивость ценностной системы обуславливает склонность к самокритике, где фокус восприятия мешает инициативности, самовыражению и социальной самореализации: «самообвинение – суверенность ценностей» (,643).

Поскольку поиск единомышленников и групповая идентичность являются референтными социальными значениями у молодёжи, лояльность к окружению возрастает, определяя депривацию субъективных ценностей. Сохранность внутреннего мира и его непроницаемость размывает ценность социальных контактов, что демонстрирует обратная корреляция показателей: «суверенность ценностей – суверенность социальных связей» (-,582).

Лояльность своим привычкам, проявление устойчивых взглядов и способов взаимодействия увеличивают социальную надёжность, что обеспечивает предпочитаемые социальные отношения: «суверенность социальных связей – суверенность привычек» (.691).

Выработанные привычки питания и уклад жизни важны для целостного физического самоощущения и принятия себя через внешность и тело. Так наличие достаточной свободы у молодёжи определять вкусы и предпочтения укрепляет социальную устойчивость самопрезентации: «суверенность привычек – суверенность физического тела» (.574*). Вероятно, устойчивые схемы привычного поведения мешают личностным изменениям, вызывая внутренние противоречия: «суверенность привычек – самопонимание» (-,679), и увеличивают фрустрацию и самопорицание: «суверенность привычек – аутосимпатия» (-,548).

В исследовании не изучались половые различия самоотношения у молодёжи. Значимые корреляции исследования подтверждают тенденцию формирования самоотношения через значимые социальные связи и различаются в зависимости от сформиро-

ванности суверенности психологического пространства.

Заключение

По результатам проведённого исследования можно сделать вывод, что психологическое пространство личности как фрагмент реальности обладает значимостью субъективного мира. Все аспекты приватности отражают комплекс идентичностей, определяющих актуальные потребности молодёжи и требующих защиты.

Прочность границ поддерживает личностную автономию и определяет жизненную стратегию. Психологическое пространство с нарушенными границами депривирует человека от источников актуальных потребностей, нарушая баланс потребностей личности и мира.

Наибольшая значимость суверенности мира вещей по выборке обеспечивает состояние силы, самопринятия и понимание субъективных страстей к дорогим сердцу объектам. Однако депривация мира вещей может усилить самоуверенность у молодёжи, проявляя демонстративное поведение как защиту приватности пространства вещей. Самопознание укрепляет устойчивый позитивный образ себя и определяет рост личностной уверенности и самоуважения, необходимых для социальной самореализации.

Вывод об авторитетности мнения окружающих и отношении к другим создаёт напряжение по отношению к себе, определяя низкую способность управления своим эмоциональным состоянием, где присутствует и самообвинение, и аутосимпатия. Чем больше лояльность общественному мнению у молодёжи, тем меньше опора на субъек-

ективное мнение и последовательность в своих действиях, что определяет размытость суверенности психологического пространства.

Суверенность физического тела и привычек демонстрируют наличие достаточной свободы у молодёжи определять вкусы и образ жизни, укрепляя самопрезентацию. Диффузность своих целей и минимизация суверенности территории запускает самообвинение,

определяя значимость контактов с ближним кругом и усиливая ориентир на общественное мнение.

Выявленные корреляции демонстрируют актуальные взаимосвязи показателей суверенности психологического пространства и самоотношения, определяющих субъективное переживание эмоциональной депривации во взаимоотношениях с миром и другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альперович В. Д. Представления личности о других людях в связи с её «Образом мира» и «картиной мира» // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. №3 (51). С. 334–343. DOI: 10.15507/2078-9823.051.020.202003.334-346.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 422 с.
3. Брушлинский А. В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психологический журнал. 1997. Т. 18. №2. С. 18–32.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
5. Леонова Т. И. Особенности самоотношения девушек // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. №1-2. С. 298–306. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-297-304.
6. Леонтьев Д. А., Моспан А. Н. Картина мира, мировоззрение и определение неопределённого // Мир психологии. 2017. №2 (90). С. 12–19.
7. Мамедова В. Ф. Особенности самоотношения и копинг-стратегий у юношей и девушек // Социально-психологические вызовы современного общества. Проблемы. Перспективы. Пути развития: материалы VI Международной научно-практической конференции. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2021. С. 62–65.
8. Мартыненко Е. А. Психологическая суверенность личности как состояние границ субъекта // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. №3 (28). С. 349–353. DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0090.
9. Нартова-Бочавер С. К. Психология суверенности: десять лет спустя // М.: Смысл, 2017. 200 с.
10. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии: монография. М.: Флинта, 2021. 449 с.
11. Нартова-Бочавер С. К., Резниченко С. И., Ковалева А. И. Роль образа дома в адаптации подростков к замещающей семье // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. №4. С. 75–89.
12. Нартова-Бочавер С. К., Мухортова Е. А., Ирхин Б. Д. Взаимодействие с миром растений как источник позитивного функционирования человека // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. №2. С. 151–169. DOI: 10.17759/cpp.2020280209.
13. Пантеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Издательство Московского университета, 1991. 100 с.
14. Петровский В. А. Субъектность Я в персонологической ретроспективе // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2021. Т. 105. № 1-2. С. 174–194.

15. Петровский В. А. «Мотив границы»: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008. №3. С. 10–26.
16. Слободчиков В. И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. 1986. №6. С. 14–22.
17. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Издательство Московского государственного университета, 1983. 284 с.
18. Ткаченко Н. И. Теория установки Д. Н. Узнадзе как система познания закономерностей психической активности человека, его сознания и действий // Прикладная юридическая психология. 2022. №2 (59). С. 121–126.
19. Черкашина А. Г. Особенности самоотношения к образу физического я в зависимости от реальности телесного самовосприятия // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2012. №1 (11). С. 75–91.
20. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
21. Юнг К. Г. Синхронистичность / пер. с нем. М.: Ваклер, 1997. 315 с.
22. Freud A. Child analysis as a sub-speciality of psychoanalysis // The Writings of Anna Freud. NY: International Universities Press. 1971. №7. P. 204–219.

REFERENCES

1. Alperovich V. D. [Personality's perceptions of other people in connection with the "World Image" and the "World Picture"]. In: *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* [Russian Journal of the Humanities], 2020, no. 3 (51), pp. 334–343. DOI: 10.15507/2078-9823.051.020.202003.334-346.
2. Burns R. Self-concept development and education (Rus. ed., transl.; Razvitie Ya-koncepcii i vospitanie. Moscow, Progress Publ., 1986. 422 p.).
3. Brushlinsky A. V. [Psychology of the subject in a changing society]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 1997, vol. 18, no. 2, pp. 18–32.
4. Levin K. Field theory in the social sciences (Rus. ed., transl.; Teoriya polya v social'nyh naukah. St. Petersburg: Rech Publ., 2000. 368 p.
5. Leonova T. I. [Features of self-attitude of girls]. In: *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»* [RSUH/ RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies"], 2022, no. 1-2, pp. 298–306. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-297-304.
6. Leontev D. A., Mospan A. N. [Picture of the world, worldview and definition of the indefinite]. In: *Mir psihologii* [The World of Psychology], 2017, no. 2 (90), pp. 12–19.
7. Mamadova V. F. [Features of self-attitude and coping strategies in boys and girls]. In: *Socialno-psihologicheskie vyzovy sovremennogo obshchestva. Problemy. Perspektivy. Puti razvitiya: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Social and psychological challenges of modern society. Problems. Prospects. Paths of Development: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference]. Bryansk, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 2021, pp. 62–65.
8. Martynenko E. A. [Psychological Sovereignty of the Individual as a Condition of the Person's Boundaries]. In: *Azimuth nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology], 2019, no. 3 (28), pp. 349–353. DOI: 10.26140/anip-2019-0803-0090.
9. Nartova-Bochaver S. K. [Psychology of Sovereignty: Ten Years Later]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 200 p.

10. Nartova-Bochaver S. K. *Chelovek suverennyj: psihologicheskoe issledovanie sub'ekta v ego bytii: monografiya* [Sovereign Man: Psychological Study of the Subject in His Being: Monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 449 p.
11. Nartova-Bochaver S. K., Reznichenko S. I., Kovaleva A. I. [The Home Representation Impact on the Adopted Adolescents' Adaptation to the Foster Families]. In: *Klinicheskaya i special'naya psihologiya* [Clinical Psychology and Special Education], 2017, vol. 6, no. 4, pp. 75–89.
12. Nartova-Bochaver S. K., Mukhortova E. A., Irkhin B. D. [Interaction with the Plant World as a Source of Positive Human Functioning]. In: *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2020, vol. 28, no. 2, pp. 151–169. DOI: 10.17759/cpp.2020280209.
13. Pantileev S. R. *Samootnoshenie kak emocional'no-ocenchnaya sistema* [Self-attitude as an emotional-evaluative system]. Moscow, Moscow University Publishing House, 1991. 100 p.
14. Petrovskiy V. A. [Subjectivity of the Self in Personological Retrospect]. In: *Mir psihologii. Nauchno-metodicheskij zhurnal* [World of Psychology], 2021, vol. 105, no. 1-2, pp. 174–194.
15. Petrovskiy V. A. [“The Border Motive”: The Sign Nature of Attraction]. In: *Mir psihologii* [World of Psychology], 2008, no. 3, pp. 10–26.
16. Slobodchikov V. I. [Psychological Problems of the Formation of a Person's Inner World]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 1986, no. 6, pp. 14–22.
17. Stolin V. V. *Samoznaniye lichnosti* [Self-Awareness of the Personality]. Moscow, Moscow State University Publishing House, 1983. 284 p.
18. Tkachenko N. I. [D.N. Uznadze's theory of attitude as a system of cognition of the laws of a person's mental activity, his consciousness and actions]. In: *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied Legal Psychology], 2022, no. 2 (59), pp. 121–126.
19. Cherkashina A. G. [Features self-relation to the image of the physical I depending on the reality of bodily self-perception]. In: *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya «Psihologiya»* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series “Psychology”], 2012, no. 1 (11), pp. 75–91.
20. Erikson E. *Identity: Youth and Crisis* (Rus. ed., transl.; Identichnost': yunost' i krizis. Moscow, Progress Publ., 1996. 344 p.).
21. Jung K. G. *Grundwerk* (Rus. ed., transl.; Sinhronistichnost. Moscow, Vakler Publ., 1997. 315 p.).
22. Freud A. Child analysis as a sub-speciality of psychoanalysis. In: *The Writings of Anna Freud*. NY, International Universities Press, 1971, no. 7. pp. 204–219.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Камзина Оксана Анатольевна (Самара) – старший преподаватель кафедры социальной психологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва;

e-mail: komoa@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0871-9194

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana A. Kamzina (Samara) – Senior Lecturer at the Department of Social psychology of Samara National Research University;

e-mail: komoa@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0871-9194

Научная статья

УДК 316.624

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-82-98

ИССЛЕДОВАНИЕ КОРРУПЦИОФОБИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

**Максименко А. А.¹, Крылова Д. В.¹, Дейнека О. С.², Зябликов А. В.³,
Вахрушева А. В.³**

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11, Российская Федерация; e-mail: Maximenko.AI@gmail.com

² Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, Российская Федерация

³ Костромской государственный университет, 156005, Костромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11, Российская Федерация

Поступила в редакцию 16.02.2024

После доработки 28.02.2024

Принята к публикации 29.02.2024

Аннотация

Цель. Статья посвящена изучению феномена коррупциophobia в среде государственных и муниципальных служащих в контексте взаимоотношений государства и общества. Методическая цель исследования состояла в первичной валидизации (проверка надёжности, а также конструктивной и конвергентной валидности) и адаптации авторского опросника коррупциophobia на выборке государственных служащих, занятых противодействием коррупции.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 83 действующих государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти (средний возраст – 45,65 лет; 77,1 % мужчин и 22,9 % женщин). В качестве основного инструмента для исследования коррупциophobia использовался авторский опросник, содержащий 23 утверждения, с которыми респондента просили выразить степень согласия по шкале Р. Лайкерта. Для проверки конвергентной валидности опросника коррупциophobia использовался 5-пунктный опросник осведомлённости о коррупции. В поиске личностных детерминант коррупциophobia в инструментарий исследования также были включены 16-пунктный опросник «Отношение к социальному доминированию» (ОСД), прошедший первичную адаптацию, и короткая версия опросника тёмной триады в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситникова и О. В. Паршиковой.

Результаты. Результаты эксплораторного факторного анализа данных исследования коррупциophobia позволили выделить 5 факторов: 1) гуманитарных издержек борьбы с коррупцией; 2) коррупциооптимизма; 3) снижения инициативности у чиновников; 4) веры в силу законов в борьбе с коррупцией и 5) симуляции деятельности и осторожности. Все факторы-шкалы показали приемлемый уровень надёжности по внутренней согласованности. В ходе проверки конвергентной валидности были обнаружены объяснимые взаимосвязи шкал опросника коррупциophobia и показателей опросника ориентации на социальное

© СС ВУ Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С., Зябликов А. В., Вахрушева А. В., 2024.

доминирование, а также были выявлены корреляции коррупциофобии с проявлениями двух параметров тёмной триады (макиавеллизма и психопатии). Население России более пессимистично, чем государственные служащие, оценивает распространённость коррупции в обществе и степень антикоррупционной устойчивости природы человека в его искушении коррупционной средой. Чиновники, которые проживают в провинции, больше уверены, что борьба с коррупцией в России носит системный характер, чем те, кто живёт в мегаполисах. Более молодые респонденты (вероятно, менее опытные) больше уверены, что большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание. Государственные служащие более старшего возраста считают, что борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы и часто делает их бездушными и чёрствыми по отношению к проблемам людей. Атеистично настроенные чиновники больше уверены в том, что борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми, а также в том, что борьба с коррупцией в России ведёт к ослаблению инициативы у государственных служащих. Респонденты с низким субъективным уровнем дохода больше уверены в том, что противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно, а также в том, что борьба с коррупцией в России носит системный характер.

Анализ корреляционных связей коррупциофобии и отношения к социальному доминированию показал, что респонденты, считающие, что противодействие коррупции в России ведётся эффективно, значимо чаще выступают за эгалитаризм, а поддержка обвинения чиновников в том, что на фоне борьбы с коррупцией они стремятся отказывать нестандартным запросам населения, значимо связана с идеей соперничества (параметром конкуренции). Макиавелизм и субклиническая психопатия проявились в положительных взаимосвязях с признаками «фактора гуманитарных издержек коррупциофобии», которые приводят чиновников к игнорированию запросов населения (могут делать их закрытыми, бездушными и чёрствыми по отношению к проблемам людей; зачастую превращают их деятельность в кампанейщину, мешающую осуществлению реальной помощи населению; маскируют борьбой с коррупцией интересы отдельных чиновников или их ведомств). Нарциссизм оказался не связан с проявлениями коррупциофобии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшей разработке понятия «коррупциофобия» с опорой на полученный эмпирический материал и взаимосвязи феномена с социальным доминированием и компонентами тёмной триады личности. Практическая значимость исследования заключается прежде всего в том, что «Опросник коррупциофобии» может быть полезным инструментом в диагностическом арсенале для исследования чиновников такими специалистами как дипломированные психологи, HR-менеджеры с психологическим образованием и выпускники образовательных программ «Психология служебной деятельности».

Ключевые слова: психология коррупции, диалог власти и общества, коррупциофобия, противодействие коррупции, опросник коррупциофобии, государственные служащие, управленческая инициативность

Благодарности: публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: проект №FZEW-2023-0007.

Для цитирования: Исследование коррупциофобии в контексте диалога власти и общества: эмпирические результаты / А. А. Максименко, Д. В. Крылова, О. С. Дейнека, А. В. Зябликов, А. В. Вахрушева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 3. С. 82–98.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-82-98

Original Research Article

THE STUDY OF CORRUPTION PHOBIA IN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY: EMPIRICAL RESULTS

A. Maksimenko¹, D. Krylova¹, O. Deyneka², A. Zyablikov³, A. Vakhrusheva³

¹ National Research University Higher School of Economics, Pokrovsky Bulvar, 11, 109028, Moscow, Russian Federation; e-mail: Maximenko.AI@gmail.com

² Saint-Petersburg State University, Universitetskaya Embankment, 7-9, 199034, St Petersburg, Russian Federation

³ Kostroma State University, ul. Dzerzhinskogo, 17/11, Kostroma156005, Kostroma region, Russian Federation

Received by the editorial office 16.02.2024

Revised by the author 28.02.2024

Accepted for publication 29.02.2024

Abstract

Aim. The article is devoted to the study of the phenomenon of corruption phobia among state and municipal employees in the context of the relationship between the state and society. The methodological purpose of the study was the primary validation and (verification of reliability, as well as constructive and convergent validity) and adaptation of an original questionnaire of corruption phobia on a sample of civil servants engaged in combating corruption.

Methodology. The study involved 83 active civil servants engaged in combating corruption in executive authorities (average age is 45.65 years; 77.1% of men and 22.9% of women). As the main tool for the study of corruption phobia, an original questionnaire, containing 23 statements with which the respondents were asked to express their degree of agreement on the R. Likert scale, was used. A 5-point corruption awareness questionnaire was used to verify the convergent validity of the corruption phobia questionnaire. In the search for personal determinants of corruption phobia, the 16-point questionnaire "Orientation to Social Dominance" (OSD), which underwent primary adaptation, and a short version of the questionnaire of the dark triad in adaptation by Egorova et al.

Results. The results of the exploratory factor analysis of the data from the study of corruption phobia allowed us to identify 5 factors: 1) the humanitarian costs of fighting corruption; 2) corruption-optimism; 3) reducing the initiative of officials; 4) faith in the power of laws in the fight against corruption and 5) simulation of activity and caution. All the scale factors showed an acceptable level of reliability in terms of internal consistency. During the verification of convergent validity, explicable relationships between the scales of the questionnaire of corruption phobia and the indicators of the questionnaire of orientation to social dominance were found, and correlations of corruption phobia with manifestations of two parameters of the dark triad (Machiavellianism and psychopathy) were also revealed. Russian population is more pessimistic than government officials, assessing the prevalence of corruption in society and the degree of anti-corruption resistance of human nature in its temptation by a corrupt environment. Officials who live in the provinces are more confident that the fight against corruption in Russia is systemic than those who live in megacities. Younger respondents (probably less experienced) are more confident that the majority of Russian corrupt officials have been punished as they

deserve. Older civil servants believe that the fight against corruption in Russia forces officials not to take unnecessary initiative and often makes them callous and callous towards people's problems. Atheistic officials are more confident that the fight against corruption makes officials closed people, as well as that the fight against corruption in Russia leads to a weakening of the initiative of civil servants. Respondents with a low subjective income level are more confident that countering corruption in Russia makes officials want to work more effectively, as well as that the fight against corruption in Russia is systemic.

The analysis of correlations between corruption phobia and attitudes towards social dominance showed that respondents who believe that anti-corruption in Russia is being conducted effectively are significantly more likely to advocate egalitarianism, and support for the accusation of officials that they, against the background of the fight against corruption, tend to refuse non-standard requests of the population is significantly related to the idea of rivalry (competition parameter). Machiavellianism and subclinical psychopathy manifested themselves in positive relationships with signs of the "factor of the humanitarian costs of corruption phobia", which lead officials to ignore the requests of the population (they can make them closed, soulless and callous towards people's problems; often turn their activities into campaigning, interfering with the implementation of real assistance to the population; mask the interests of individual officials by fighting corruption or their departments). Narcissism turned out to be unrelated to manifestations of corruption phobia.

Research implications. The theoretical significance of the work consists in the further development of the concept of "corruption phobia" based on the empirical material obtained and the relationship of the phenomenon with social dominance and components of the dark triad of personality. The practical significance of the study lies primarily in the fact that the "Questionnaire of corruption phobia" can be a useful tool in the diagnostic arsenal for the study of officials by such specialists as certified psychologists, HR managers with psychological education and graduates of educational programs "Psychology of official activity".

Keywords: psychology of corruption, dialogue between government and society, corruption phobia, anti-corruption, questionnaire of corruption phobia, officials, managerial initiative

Acknowledgments: This work was carried with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project No. FZEW-2023-0007.

For citation: Maksimenko A. A., Krylova D. V., Deyneka O. S., Zyablikov A. V., Vakhrusheva A. V. The study of corruption phobia in the context of the dialogue between government and society: empirical results // Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no 3, pp. 82–98.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-82-98

Введение

Цифровая трансформация сформировала предпосылки для конструктивного и оперативного диалога между государством и обществом [2; 9]. Сместившись в социальные сети [7], политическая коммуникация перестала быть линейной, став субъект-субъектной [15]. Наряду с этим в отношениях «государство-общество»

создаются избыточные искажения, блокируя и изменяя диалог, оставляя без ответа многие социальные запросы населения. Одним из феноменов, влияющих на качество государственного и муниципального управления в современной России, является коррупциофобия [13]. Боязнь совершить бытовое или профессиональное действие, которое может быть расценено как

коррупционное правонарушение или нарушение антикоррупционного законодательства и повлечь соответствующее правовое наказание, способствует тому, что государственные и муниципальные служащие [11] становятся закрытыми и неотзывчивыми на запросы населения. Данная фобия приводит к подавлению стремлений к социальному взаимодействию (социальная фобия) и к отрицанию управленческой инициативности (фобия проявления инициативы) в среде должностных лиц (государственных и муниципальных служащих). Оставшись без обратной связи, вышеописанный диалог беднеет и может порождать протестные настроения, снижать уровень доверия населения к власти.

Несмотря на актуальность обозначенной проблемы [13], коррупцифобия остаётся практически неизученным феноменом в отечественной и мировой науке. Выполненные нами исследования частично восполняют этот пробел. Настоящая публикация представляет собой продолжение работы, направленной на комплексное изучение феномена коррупцифобии. Ранее было дано обоснование термину «коррупцифобия» и показано, что это частный вид социофобии, который ведёт к подавлению стремлений к социальному взаимодействию и приводит к снижению управленческой инициативности и респонсивности в среде должностных лиц [13]. Коррупцифобия, которую провоцирует, во многом, несистемное освещение противодействия коррупции в СМИ, искажает (гиперболизирует) восприятие коррупции и её последствий (в первую очередь персональных) как таковой, что девальвирует

достижения в сфере противодействия коррупции. В следующей статье [14] были изложены результаты осмысления феномена коррупцифобии в контексте взаимоотношений государства и общества; отмечено, что цифровая реальность во многом является социальным основанием и в то же время следствием коррупцифобии, которая оказывает заметное влияние на диалог государства и общества; предложена авторская методика изучения этого феномена

Цель настоящего исследования состояла в первичной валидации и адаптации авторского «Опросника коррупцифобии», а также психологического диагноза коррупцифобии на выборке государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти.

Методы исследования. В качестве основного инструмента для исследования коррупцифобии российских государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти, был использован разработанный авторами в 2023 году опросник [14]. Инструкция предполагала выражение степени согласия/несогласия с предлагаемыми утверждениями по 5-балльной шкале Р. Лайкерта.

Внутренняя согласованность опросника коррупцифобии была оценена с помощью коэффициента Альфа Кронбаха ($\alpha=0,77$). Конструктная валидность опросника была проверена с помощью эксплораторного факторного анализа, который позволил выделить 5 факторов (табл. 1). Первый, наиболее весомый фактор был назван «**фактором гуманитарных издержек борьбы с коррупцией**». Согласно дан-

Таблица 1 / Table 1

**Факторная структура и описательные статистики данных вопросника коррупци-
фобии (N = 83) / Factor structure and descriptive statistics of data from the corruption-
phobia questionnaire (N = 83)**

Утверждения	Факторная нагрузка	M(SD)
Фактор гуманитарных издержек борьбы с коррупцией (доля объяснимой дисперсии 27,31 %)		
14. Борьба с коррупцией делает чиновника бездушным и чёрствым по отношению к проблемам людей	0,666	2,52 (1,26)
17. Борьба с коррупцией – это зачастую компанейщина, мешающая осуществлению реальной помощи населению	0,635	2,87 (1,16)
18. Борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми	0,704	2,69 (1,16)
21. Борьба с коррупцией ставит крест на многих инициативах населения в области местного самоуправления	0,839	2,65 (1,22)
22. Борьба с коррупцией вносит слишком много ограничений, которые мешают конструктивному взаимодействию с населением и другими сообществами	0,877	2,57 (1,19)
23. Борьба с коррупцией делает чиновников отстранёнными, избегающими обычного общения, коммуникации	0,848	2,54 (1,17)
Фактор оптимизма в борьбе с коррупцией (доля объяснимой дисперсии 17,39 %)		
10. Борьба с коррупцией в России ведётся последовательно	0,873	3,35 (1,09)
2. В целом борьба с коррупцией в рядах чиновников России эффективна	0,820	2,98 (1,27)
3. Борьба с коррупцией в России носит системный характер	0,798	3,16 (1,21)
4. Борьба с коррупцией ведёт к тому, что чиновники становятся более ответственными	0,541	3,52 (1,20)
7. Случаи коррупции в России уменьшаются год от года	0,769	2,65 (1,14)
8. Большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание	0,717	3,00 (1,39)
Фактор снижения инициативности у чиновников (доля объяснимой дисперсии – 6,82 %)		
12. Борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы	0,825	3,30 (1,10)
13. В целом борьба с коррупцией в России ведёт к тому, что чиновник вынужден больше отказывать нестандартным запросам населения	0,836	3,11 (1,05)
1. Борьба с коррупцией в России ведет к ослаблению инициативы у государственных служащих	0,496	2,45 (1,35)
Фактор веры в силу законов и эффекта борьбы с коррупцией (доля объяснимой дисперсии 5,88 %)		
6. В России можно победить коррупцию законодательными мерами	0,822	3,42 (1,12)
11. Противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно	0,777	3,05 (1,10)
Фактор симуляции деятельности и осторожности (доля объяснимой дисперсии 5,33 %)		
5. Борьба с коррупцией в России ведёт к увеличению в деятельности чиновников симуляционных практик	0,738	3,32 (1,02)
9. В целом борьба с коррупцией ведёт к тому, что чиновники становятся более осторожными	0,759	3,78 (0,91)

ному фактору, противодействие коррупции делает чиновников людьми закрытыми, избегающими обычного человеческого общения, коммуникаций. В глазах окружающих они выглядят чёрствыми и бездушными по отношению к запросам людей и проблемам обывателей. Такой подход может противостоять инициативам населения в области местного самоуправления, а борьбу с коррупцией сводить к кампанийщине.

Второй фактор, или **«фактор оптимизма в борьбе с коррупцией»**, объединил проявления оптимистичного настроения по отношению к вопросам противодействия коррупции в России, оценку антикоррупционной деятельности как последовательной и системной деятельности, повышающей ответственность чиновников и приводящей к тому, что отклонившиеся в своём поведении от норм закона государственные служащие понесут заслуженное наказание.

Третий фактор, или **«фактор снижения инициативности у чиновников»**, объединил опасения респондентов по поводу дистанцирования или даже отказа от работы с нестандартными запросами населения, избегания ими любой инициативы, что, очевидно, влияет на качество управления.

Последними двумя факторами (**«фактор веры в силу законов в борьбе с коррупцией»** и **«фактор симуляции и осторожности»**) можно пренебречь, поскольку они содержат только по два компонента. Тем не менее степень согласия с утверждениями из этих факторов будет учитываться в корреляционном анализе.

Для проверки конвергентной валидности опросника коррупциофобии

использовался 5-пунктный опросник осведомлённости о коррупции [18], ранее проверенный нами на надёжность и факторную (конструктивную) валидность [12].

В поиске личностных детерминант коррупциофобии в инструментарий исследования также были включены 16-пунктный опросник «Отношение к социальному доминированию» (ОСД) [20], прошедший первичную адаптацию [12], и короткая версия опросника тёмной триады (The Short Dark Triad Questionnaire) [19] в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситникова и О. В. Паршиковой [6] для измерения таких черт личности, как макиавелизм, невротизм и субклиническая психопатия.

Процедура и выборка исследования. Опрос осуществлялся в период с 15 апреля по 20 мая 2023 г. после конструирования его формы посредством платформы anketolog.ru, а затем с помощью адресной рассылки руководителям подразделений по противодействию коррупции в региональных администрациях Российской Федерации. В настоящем исследовании приняли участие 83 респондента, возглавляющие отделы по противодействию коррупции в органах исполнительной власти и проживающие в разных городах Российской Федерации. Возраст анкетированных – от 20 до 71 года (средний возраст – 45,65 лет; $SD=10,70$), среди которых 22,9 % женщин и 77,1 % мужчин. Также измерялся субъективный уровень дохода респондентов и степень их религиозности, учитывался размер населённого пункта (степень урбанизации), в котором они проживают. Так, 4,8 % респондентов проживают в Москве; в

Санкт-Петербурге и других мегаполисах и городах-миллионниках – 36,1 %; в крупных городах численностью менее 1 млн. человек – 13,3 %; 45,8 % – в районных центрах. По уровню образования основная доля приходится на людей с законченным высшим (91,6 %), со средним и незаконченным высшим образованием – 7,2 %, у 1,2 % респондентов имеется учёная степень. Субъективный уровень дохода у 62,7 % – средний, 30,1 % считают свои доходы низкими и 7,2 % сводят концы с концами.

Результаты исследования

Описательные статистики данных опросника коррупциофобии (табл. 1) показали, что у респондентов доминирует оптимизм по поводу борьбы с коррупцией, которую большинство опрошенных считают последовательной, системной, хотя и не всегда эффективной. Большинство участвующих в опросе государственных служащих убеждены, что победить коррупцию нельзя только законодательными мерами. По мнению обследованных, антикоррупционные меры стимулируют ответственность и осторожность чиновников. В меньшей степени проявились опасения респондентов по поводу того, что антикоррупционные меры способствуют игнорированию запросов населения, а также озабоченность тем, что они ведут к ослаблению инициативы у государственных служащих. При этом был отмечен такой побочный эффект борьбы с коррупцией, как усиление в деятельности чиновников симуляционных практик.

Демографические переменные проявили себя в корреляционном анализе с данными опросника коррупциофобии.

Так, те чиновники, которые проживают в провинции, больше уверены, что борьба с коррупцией в России носит системный характер ($r = 0,22$, $p < 0,05$), чем те, кто живет в мегаполисах. Более молодые респонденты (вероятно, менее опытные) больше уверены, что большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание ($r = -0,29$, $p < 0,05$). Государственные служащие более старшего возраста считают, что борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы ($r = 0,27$, $p < 0,05$) и часто делает их бездушными и чёрствыми по отношению к проблемам людей ($r = 0,22$, $p < 0,05$). Атеистично настроенные чиновники больше уверены в том, что борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми ($r = -0,21$, $p < 0,05$), а также в том, что борьба с коррупцией в России ведет к ослаблению инициативы у государственных служащих ($r = -0,21$, $p < 0,05$). Респонденты с низким субъективным уровнем дохода больше уверены в том, что противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно ($r = 0,28$, $p < 0,01$), а также в том, что борьба с коррупцией в России носит системный характер ($r = -0,21$, $p < 0,05$).

Результаты корреляционного анализа, предпринятые для проверки конвергентной валидности опросника осведомлённости о коррупции, позволяют считать проверку успешной. Так, борьбу с коррупцией в рядах российских чиновников считают неэффективной те представители профильных отделов, которые убеждены, что большинство людей будут коррумпированными, если у них будет такая

возможность ($r = -0,41, p < 0,001$), и что коррупция очень распространена, охватывает почти все отрасли ($r = -0,36, p < 0,01$), и что она появилась в университетах ($r = -0,32, p < 0,01$). Убеждённые в том, что коррупция широко распространена, проявляли высокий уровень коррупцифобии, считая борьбу с коррупцией неэффективной, несистемной, непоследовательной, не уменьшающей случаи коррупции ($r = -0,42, p < 0,001$), реализующей интересы отдельных чиновников или их ведомств ($r = 0,34, p < 0,01$), и ведущей в их деятельности к симуляционным практикам ($r = -0,27, p < 0,05$).

При этом уверенность в том, что коррупция всегда существовала в разные эпохи, была выше у людей старшего возраста ($r = 0,23, p < 0,05$). Женщины в органах исполнительной власти больше уверены, что явление коррупции появилось в университетах и ста-

новится всё более и более серьёзным ($r = 0,24, p < 0,05$). Государственные служащие, работающие на периферии, больше, чем их коллеги в мегаполисах, уверены, что в настоящее время коррупция является очень распространённым явлением и охватывает почти все отрасли ($r = -0,22, p < 0,05$).

В дополнение к использованию данных опросника осведомлённости о коррупции для проверки конвергентной валидности базового инструмента исследования коррупцифобии, нам удалось выполнить сравнительный анализ осведомлённости о распространении коррупции у государственных служащих профильных отделов ($N = 83$) и населения, представленного гетерогенной выборкой россиян ($N = 509$), обследованной нами в третьей декаде января 2023 года [12].

Результаты сравнительного анализа данных (табл. 2) показывают, что на-

Таблица 2 / Table 2

Сравнительная степень осведомлённости о коррупции государственных служащих ($N = 83$) и населения России ($N = 509$) / Comparative degree of awareness of corruption among civil servants ($N = 83$) and the Russian population ($N = 509$)

Утверждения	Государственные служащие		Гетерогенная выборка россиян	
	М	SD	М	SD
1. Коррупция всегда существовала в разные эпохи	4,23	0,85	4,18	0,96
2. Большинство людей будут коррумпированными, если у них будет такая возможность	3,37	1,17	3,85***	1,03
3. В настоящее время коррупция является очень распространённым явлением и охватывает почти все отрасли	4,07	0,88	4,24**	0,95
4. Проблема коррупции очень серьёзна в современном российском обществе	4,33	0,78	4,26	0,95
5. Явление коррупции появилось в университетах и становится всё более и более серьёзным	3,71	1,07	3,84	1,04

Примечание. Использовалась 5-балльная шкала Р. Лайкерта; выделены только высоко значимые различия в степени согласия с утверждениями: ** $-p < 0,01$; *** $-p < 0,001$.

селение России более пессимистично, чем государственные служащие, оценивает распространённость коррупции в обществе и степень антикоррупционной устойчивости природы человека в его искушении коррупционной средой.

Корреляционный анализ данных опросника коррупциофобии и опросника ориентации на социальное доминирование показал ожидаемые взаимосвязи. Респонденты, у которых выше степень согласия с эффективностью борьбы с коррупцией в рядах чиновников России, в большей степени разделяют мнение о нормальности ситуации, когда определённые социальные группы находятся наверху общества, а другие – внизу ($r = 0,23, p < 0,05$). Среди несогласных с тем, что борьба с коррупцией в России носит системный характер, больше тех, кто согласен с мнением об уступках некоторых социальных групп людей другим группам ($r = 0,22, p < 0,05$) и необходимостью в ряде случаев соперничества с другими группами, чтобы продвинуться в жиз-

ни ($r = 0,22, p < 0,05$). Те респонденты, которые уверены, что борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми, в большей степени согласны с тем, что «низшие группы должны оставаться на своих местах» ($r = 0,45, p < 0,001$), а также с тем, что необходимо в некоторых случаях применять силу против других групп для того, чтобы получить требуемое ($r = 0,47, p < 0,001$).

Анализ корреляционных связей коррупциофобии и отношения к социальному доминированию показал, что респонденты, считающие, что противодействие коррупции в России ведётся эффективно, значимо чаще выступают за эгалитаризм ($r = 0,29, p < 0,01$), а поддержка обвинения чиновников в том, что на фоне борьбы с коррупцией они стремятся отказывать нестандартным запросам населения, значимо связана с идеей соперничества (параметром конкуренции) ($r = 0,35, p < 0,001$).

Взаимосвязь коррупциофобии и двух параметров тёмной триады (макиавеллизма и психопатии) представлена в таблице 3 (нарциссизм оказался

Таблица 3 / Table 3

Корреляционная матрица взаимосвязей коррупциофобии параметров тёмной триады (макиавеллизма и психопатии) / Correlation matrix of relationships between corruption phobia and dark triad parameters (Machiavellianism and psychopathy)

Утверждения опросника коррупциофобии	М (макиавеллизм)	Р (психопатия)
2. В целом борьба с коррупцией в рядах чиновников России эффективна	-,227*	
4. Борьба с коррупцией ведёт к тому, что чиновники становятся более ответственными	-,223*	
10. Борьба с коррупцией в России ведётся последовательно		-,215*
14. Борьба с коррупцией делает чиновника бездушным и чёрствым по отношению к проблемам людей		,216*
17. Борьба с коррупцией – это зачастую компанейщина, мешающая осуществлению реальной помощи населению	,256*	,293*

Окончание табл. 3

Утверждения опросника коррупциофобии	М (макиавеллизм)	Р (психопатия)
18. Борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми	,269**	,220*
19. Под видом борьбы с коррупцией чаще реализуются интересы отдельных чиновников или их ведомств, чем реальная борьба с коррупцией	,262**	

не связан с проявлениями коррупциофобии).

Примечательно, что и макиавелизм, и субклиническая психопатия проявились в положительных взаимосвязях с признаками «фактора гуманитарных издержек коррупциофобии», которые приводят чиновников к игнорированию запросов населения (могут делать их закрытыми, бездушными и чёрствыми по отношению к проблемам людей; зачастую превращают их деятельность в кампанейщину, мешающую осуществлению реальной помощи населению; маскируют борьбой с коррупцией интересы отдельных чиновников или их ведомств). Неслучайно поведенческие паттерны тёмной триады объединяет отсутствие эмпатии и безразличие к людям, порождающее манипулирование другими, о чём писали Д. Джонс и Д. Паулхус [19]. Напротив, отрицательные связи макиавелизма и психопатии были обнаружены с признаками фактора оптимизма в борьбе с коррупцией («В целом борьба с коррупцией в рядах чиновников России эффективна»; «Борьба с коррупцией ведёт к тому, что чиновники становятся более ответственными»; «Борьба с коррупцией в России ведётся последовательно»).

Обсуждение результатов. Описательные статистики данных опросника коррупциофобии показали, что у государственных служащих доминирует оптимизм по поводу борьбы с корруп-

цией над проявлениями коррупциофобии, ведущей к замкнутости, чёрствости и безынициативности чиновников. Большинство участвующих в опросе государственных служащих убеждены, что победить коррупцию нельзя только законодательными мерами, что отмечалось и в других исследованиях [5; 10], поэтому важен грамотный диалог государственных структур с гражданами посредством СМИ и Интернета, а также гражданское антикоррупционное воспитание как стратегическая мера профилактики коррупции.

Полученные результаты косвенно свидетельствуют о дефиците стимулов для эффективной работы чиновников. Быть некорруптированным для современного чиновника – это обязательное, необходимое, но недостаточное условие его эффективной работы. Наиболее важной составляющей мотивации чиновника должны быть прозрачные карьерные горизонты и понимаемые, легко считываемые легитимные способы их достижения. В настоящее время карьерные перспективы у многих государственных служащих непрозрачны и весьма ограничены. Карьерные треки должны быть открыты и выстроены на принципах честного и добропорядочного поведения, запускаемых тоном сверху. Новые цифровые каналы взаимодействия государства и общества, переход от офлайн-общения к онлайн-диалогу

могут сделать эту сферу более транспарентной, открытой. Как правило, игнорирование запросов населения для человека во власти свидетельствует о его низкой эмпатии [4], неотзывчивости и низком правовом самосознании, которое находится в противоречии с целями и задачами государственной службы¹. В свою очередь, такие характеристики являются следствием недостаточной работы с этическим правосознанием государственных служащих².

На процесс становления правосознания, согласно Е. Э. Бойкиной и В. А. Чернову, влияют следующие факторы: понятие авторитета, новые формы коммуникации и обучения, гедонизм, мультизадачность, горизонт планирования, семейные ценности и др. [1]. У молодёжи, в отличие от старшего поколения, более позитивное правосознание, меньше отягощённые стереотипами в отношении эффективности противодействия коррупции. Правосознание россиян старшего возраста более ригидное и ориентировано на прошлый опыт. При этом большинство экспертов считают, что в молодёжной среде в значительной степени распространён правовой нигилизм, бессилие закона, отсутствие ценности права, ценности соблюдения закона [3].

Будучи в статусе руководителя Счётной палаты РФ, А. Л. Кудрин заявлял о необходимости работы в России чиновников совершенно нового ка-

чества. По его мнению, в парадигме доказательной политики работать в государственном управлении должны люди, системно применяющие экспертные и научные методы³. При этом профессионализм чиновника не сводится только к методным компетенциям и к совокупности профессиональных знаний и умений, а определяется, согласно Н. В. Кузьминой [8], прежде всего уровнем развития личностно-профессиональных качеств служащих, направленностью их личности, особенностями профессиональной мотивации и инициативности. Как пишет Н. Прокофьева, инициативность проявляется осознанно и намеренно, возможности же для её проявления появляются, когда у человека есть внутренний интерес к изменению существующей ситуации к лучшему. Она считает, что инициативность – это отвечающая времени и условиям активная и смелая позиция, гибкость действий и поступков человека [16]. К условиям, способствующим проявлению инициативности, Н. Прокофьева относит среди прочих следующие: осознание личной безопасности последствий для сотрудника (инициатива не должна быть «наказуемой»); осознание сотрудником общественной пользы выполняемой работы и,

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: проект № FZEW-2023-0007.

² Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

³ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010 (протокол № 21). М.: Проспект, 2011. России нужны чиновники нового качества, заявил Кудрин / РИА новости. 2021. 26 октября. URL: <https://ria/amp/20211026/chinovniki-1756279742.html> (дата обращения: 10.04.2024).

как следствие, повышение его личного рейтинга в организации; наличие знаний для реализации инициатив. Учитывая социальный запрос и наработки упомянутых учёных, а также результаты данного исследования, авторы статьи склонны рекомендовать в образовании чиновников развивать такие профессионально важные качества, как респонзивность, внимательность, умение поддерживать диалог как в очном общении с гражданами, так и в режиме онлайн-коммуникации.

Фобия внесистемного противодействия коррупции, как показало настоящее эмпирическое исследование, может влиять на качество управления, снижая управленческую инициативу и вынуждая государственных служащих инкапсулироваться, выбирать закрытую позицию, игнорируя запросы населения. Ранее полученные в Костромской области оценки принимаемых мер в сфере противодействия коррупции на репрезентативной по полу и возрасту выборке из 700 чел. [17] свидетельствовали об оптимистичном отношении к борьбе с коррупцией: лишь чуть более трети респондентов (39%) согласились, что коррупция в России неискоренима, а более половины опрошенных (55%) были несогласны, что проблему решить нельзя, и 6% затруднились ответить. Также была зафиксирована низкая степень осведомлённости о различных мерах по противодействию коррупции и запрос населения на усиление противодействия этому явлению.

В настоящем исследовании тот факт, что чиновники, занимающиеся противодействием коррупции, более оптимистично, чем другие граждане,

оценивают результаты борьбы с коррупцией, связан с их профессиональной деятельностью и стремлением к её эффективности.

Заключение

Выполненное исследование позволило решить методическую задачу исследования, предполагающую проверку опросника коррупциофобии на надёжность (все шкалы показали приемлемый уровень надёжности по внутренней согласованности), конструктивную (факторную) валидность, а также конвергентную валидность (были обнаружены объяснимые взаимосвязи шкал опросника коррупциофобии и опросника осведомлённости о коррупции).

Учёт социально-демографических параметров показал, что оптимизм по поводу антикоррупционной деятельности продемонстрировали более молодые чиновники (среди них больше уверенных, что большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание) и проживающие в малых городах и посёлках (по их мнению, борьба с коррупцией в России носит системный характер) в отличие от тех, кто живёт в мегаполисах. Также респонденты с меньшим субъективным уровнем дохода больше уверены в том, что противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно, а также в том, что борьба с коррупцией в России носит системный характер.

Проявления коррупциофобии в большей степени свойственны государственным служащим более старшего возраста, которые считают, что борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы и делает чиновника

бездушным и чёрствым по отношению к проблемам людей. Служащие с секулярным типом сознания, в отличие от религиозных людей, также больше уверены в том, что борьба с коррупцией делает чиновников закрытыми людьми и ведёт к ослаблению инициативы у государственных служащих.

В поиске личностных детерминант коррупциофобии у чиновников были обнаружены положительные взаимос-

вязи её проявлений с показателями ориентации на социальное доминирование, макиавеллизмом и субклинической психопатией.

Ограничения исследования: эмпирическое исследование выполнено на сравнительно небольшой, но целевой выборке государственных служащих. В дальнейшем планируются исследовать коррупциофобию на других целевых аудиториях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойкина Е. Э., Чернов В. А. Правосознание подростков поколения центиниалов: прогностическая оценка // Психология и право. 2021. Т. 11. №1. С. 135–149. DOI: 10.17759/psylaw.2021110111.
2. Гаджиев Х.-А. О. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. №2. С. 81–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.7>.
3. Гордеев К. А. Правосознание современной российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. №5 (93). С. 164–179.
4. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / пер. с англ. А. Лисицыной. М.: Альпина Бизнес Бук, 2014. 430 с.
5. Дейнека О. С. Сравнительный анализ отношения к коррупции чиновников и предпринимателей // Финансы. Экономика. Стратегия. 2007. №3. С. 30–34.
6. Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация короткого опросника Тёмной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8. №43. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article> (дата обращения: 10.10.2023). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>.
7. Зимова Н. С., Фомин Е. В., Смагина А. А. Социальные сети как новый канал взаимодействия общества и власти // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. №2. С. 159–171.
8. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990. 311 с.
9. Кулик А. Н. Политическое участие, демократия и популизм в цифровую эпоху // Политическая экспертиза: Политэкс. 2017. Т. 13. №4. С. 4–22.
10. Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В. Отношение россиян к коррупции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Социология. 2021. Т. 13. №4. С. 407–428. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>.
11. Максименко А. А., Дейнека О. С. Этические установки будущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ // Образование и наука. 2023. Т. 25. №2. С. 68–97. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-68-97>.
12. Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С. Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем отношения к социальному доминированию // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. №3. С. 274–294. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.15>.

13. Максименко А. А., Крылова Д. В., Зайцев А. В. Коррупциophobia как фактор снижения управленческой инициативности среди государственных и муниципальных служащих в среде «государство – общество» // Теория и практика общественного развития. 2023. №11. С. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.3>.
14. Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С. Исследование коррупциophobia в контексте диалога власти и общества: теоретико-методологические основы // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. №3. С. 257–266. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>.
15. Никитинская А. А. Феномен социальных сетей как инструмент диалога органов власти и общественности (на примере МО Северодвинск) // Философская мысль. 2021. №4. С. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.4.34045>.
16. Прокофьева Н. Управление инициативой сотрудников. М.: Вершина, 2007. 244 с.
17. Berkovich M. I., Dukhanina L. N., Maksimenko A. A. Perception of corruption as a socioeconomic phenomenon by the population of a region: the structural aspect // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. №2. P. 161–178. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.10.
18. Davis J. A., Smith T. General social surveys, 1972–1991: Cumulative codebook. Cambridge: National Opinion Research Center, 1991. 53 p.
19. Jones D. N., Paulhus D. L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality // Personality and Individual Differences. 2001. №51 (5). P 679–682. DOI 10.1016/j.paid.2011.04.011.
20. Sidanius J., Pratto F. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 403 p.

REFERENCES

1. Boykina E. E., Chernov V. A. [Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment]. In: *Psihologiya i pravo* [Psychology and Law], 2021, vol. 11, no. 1, pp. 135–149. DOI: 10.17759/psylaw.2021110111.
2. Gadzhiev Kh. A. [The dialogue between a government and society in the digital age]. In: *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 2022, vol. 28, no. 2, pp. 81–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.7>.
3. Gordeev K. A. [Legal consciousness of modern Russian youth]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2009, no. 5 (93), pp. 164–179.
4. Goleman D. Primal leadership. Learning to lead with emotional intelligence (Rus. ed., A. Lisicyna transl.; Emocional'noe liderstvo: iskustvo upravleniya lyud'mi na osnove emocional'nogo intellekta. Moscow, Al'pina Biznes Buk Publ., 2014. 430 p.).
5. Deineka O. S. [Comparative Analysis of Attitudes to Corruption among Officials and Entrepreneurs]. In: *Finansy. Ekonomika. Strategiya* [Finance. Economy. Strategy], 2007, no. 3, pp. 30–34.
6. Egorova M. S., Sitnikova M. A., Parshikova O. V. [Adaptation of the Short Dark Triad]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2015, vol. 8, no. 43. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article> (accessed: 10.10.2023). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>.
7. Zimova N. S., Fomin E. V., Smagina A. A. [Social networks as a new channel of interaction between government and society]. In: *Nauchnyy rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Research result. Sociology and management], 2020, vol. 6, no. 2, pp. 159–171.
8. Kuzmina N. V. *Professionalizm lichnosti prepodavatela i mastera proizvodstvennogo obu-*

- cheniya* [Professionalism of the personality of a teacher and master of industrial training]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 311 p.
9. Kulik A. N. [Political participation, democracy and populism in the digital age]. In: *Politicheskaya ekspertiza: Politek* [Political expertise: Politex], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 4–22.
 10. Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Krylova D. V. [The attitude of Russians towards Corruption]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], 2021, vol. 13, no. 4, pp. 407–428. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>.
 11. Maksimenko A. A., Deyneka O. S. [Ethical Attitudes of the Future Russian Officials and the Businessmen: Comparative Analysis]. In: *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2023, vol. 25, no. 2, pp. 68–97. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-68-97>.
 12. Maksimenko A. A., Krylova D. V., Deyneka O. S. [The Degree of Outrage Over Corruption Among Russians with Different Levels of Attitude Toward Social Dominance]. In: *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2023, vol. 20, no. 3, pp. 274–294. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.15>.
 13. Maksimenko A. A., Krylova D. V., Zaitsev A. V. [Corruption Phobia as a Factor in Reducing Managerial Initiative among the Officials in the «State – Society» Environment]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2023, no. 11, pp. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.3>.
 14. Maksimenko A. A., Krylova D. V., Deyneka O. S. [The study of corruption phobia in the context of the dialogue between government and society: theoretical and methodological foundations]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 3, pp. 257–266. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>.
 15. Nikitinskaya A. A. [The phenomenon of social networks as an instrument for the dialogue between the authorities and society (on the example of Severodvinsk)]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2021, no. 4, pp. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.4.34045>.
 16. Prokofeva N. *Upravlenie iniciativoj sotrudnikov* [Managing employee initiative]. Moscow, Vershina Publ., 2007. 244 p.
 17. Berkovich M. I., Dukhanina L. N., Maksimenko A. A. Perception of corruption as a socio-economic phenomenon by the population of a region: the structural aspect. In: *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 161–178. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.10.
 18. Davis J. A., Smith T. General social surveys, 1972–1991: Cumulative codebook. Cambridge, National Opinion Research Center Publ., 1991. 53 p.
 19. Jones D. N., Paulhus D. L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality. In: *Personality and Individual Differences*, 2001, no. 51 (5), pp. 679–682. DOI: 10.1016/j.paid.2011.04.011.
 20. Sidanius J., Pratto F. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 403 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максименко Александр Александрович (Москва) – доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: Maximenko.Al@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0891-4950

Крылова Дина Владимировна (Москва) – заведующий проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: krylovadv@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5069-0319;

Дейнека Ольга Сергеевна (Санкт-Петербург) – доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: osdeyneka@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8224-2190;

Зябликов Алексей Вячеславович (Кострома) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета;
e-mail: a.zyablikov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2054-0066

Вахрушева Анастасия Владимировна (Кострома) – магистрант Костромского государственного университета;
e-mail: young.liar@mail.ru; ORCID: 0009-0008-7796-5544

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr A. Maksimenko (Moscow) – Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Anti-Corruption Policy of National Research University Higher School of Economics;
e-mail: Maximenko.Al@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0891-4950

Dina V. Krylova (Moscow) – Head of the Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics;
e-mail: krylovadv@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5069-0319

Olga S. Deyneka (St. Petersburg) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Head of the Department of Political Psychology of Saint Petersburg State University;
e-mail: osdeyneka@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8224-2190

Aleksey V. Zyablikov (Kostroma) – Dr. Sci. (History), Prof., Head of the Department of Philosophy of Cultural Studies and Social Communications of Kostroma State University;
e-mail: a.zyablikov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2054-0066

Anastasia V. Vakhrusheva (Kostroma) – Master's degree student of the Kostroma State University;
e-mail: young.liar@mail.ru; ORCID: 0009-0008-7796-5544

Научная статья

УДК 159.944-048.93

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-99-113

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРОТЕКАНИЯ КОНФЛИКТОВ В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ИХ УЧАСТНИКОВ

Рогочая Г. П.¹, Филиппова М. В.²

¹ Кубанский государственный университет, 350040 Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация; e-mail: rogochayagp@rambler.ru

² Независимый исследователь, г. Краснодар, Российская Федерация

Поступила в редакцию 01.03.2024

После доработки 02.05.2024

Принята к публикации 03.05.2024

Аннотация

Цель. Выявить связь психологических характеристик личности сотрудников с особенностями возникновения и протекания конфликтов в трудовых коллективах.

Процедура и методы. Исследовалась взаимосвязь личностных и ситуативных характеристик сотрудников с особенностями возникновения и протекания трудовых конфликтов. В качестве респондентов выступили 23 сотрудника ООО «МРТ-Эксперт Сочи», 50 сотрудников НАО «Красная поляна», 31 сотрудник ИП Малявина Ю. В. Paul&Shark. Использовались опросники: «Личностный опросник» Г. Айзенка для выявления таких личностных характеристик сотрудников организаций, как экстраверсия-интроверсия и нейротизм; Методика «Шкала воспринимаемого стресса» в адаптации В. А. Абабкова для выявления актуального уровня стресса сотрудников организаций. С помощью методики «Оценка конфликтности личности» Д. М. Рамендика был определён уровень конфликтности сотрудников организаций. Наличие и характер взаимосвязи проверялись через корреляционный анализ.

Результаты исследования позволили показать преобладание социально-психологических причин в возникновении конфликтов в трудовых коллективах, которые обусловлены воздействием личностных психологических (темперамент и конфликтность) и ситуационных (стресс) характеристиками сотрудников.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования. Исследование конфликтов в трудовых коллективах и организациях и факторов, которые их обуславливают, является необходимым этапом на пути выработки адекватных способов и механизмов их регулирования. По завершении работы полученные данные были предоставлены руководителям организаций, участвовавших в исследовании. По запросу руководителя ООО «МРТ-Эксперт Сочи» была разработана программа тренинга, целью которого является достижение бесконфликтного взаимодействия в трудовых коллективах. Данная программа была успешно реализована. Полученные данные могут быть полезны для руководителей организаций, заинтересованных в профилактике, конструктивном управлении конфликтами и в повышении эффективности трудовой деятельности сотрудников.

Ключевые слова: личностные характеристики, регулирование социальных конфликтов, ситуационные характеристики, трудовые конфликты

Для цитирования: Рогочая Г. П., Филиппова М. В. Взаимосвязь возникновения и протекания конфликтов в трудовых коллективах и психологических характеристик их участников // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 3. С. 99–113.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-99-113

Original Research Article

THE CONNECTION BETWEEN THE EMERGENCE AND COURSE OF CONFLICTS IN WORK TEAMS AND THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THEIR PARTICIPANTS

G. Rogochaya¹, M. Filippova²

¹ Kuban State University, 350040 Krasnodar region, Krasnodar, st. Stavropolskaya, 149, Russian Federation; e-mail: rogochayagp@rambler.ru

² Independent researcher, Krasnodar, Russian Federation

Received by the editorial office 01.03.2024

Revised by the author 02.05.2024

Accepted for publication 03.05.2024

Abstract

Aim. To identify the connection between the psychological characteristics of the personality of employees and the peculiarities of the emergence and course of conflicts in work collectives.

Methodology. The relationship between the personal and situational characteristics of employees and peculiarities of the emergence and course of labor conflicts was studied. The respondents were 23 employees of MRT-Expert Sochi LLC, 50 employees of NJSC Krasnaya Polyana, 31 employees of sole proprietor Malyavina Yu.V. Paul&Shark. The following questionnaires were used: "Personality Questionnaire" by H. Eysenck to identify such personal characteristics of employees as extraversion-introversion and neuroticism; Methodology "Perceived Stress Scale" adapted by V.A. Ababkov to identify the current level of stress among employees of organizations. Using the method "Assessing personality conflicts" by D.M. Ramendik the level of conflict among employees of organizations was determined. The presence and nature of the relationship were checked through correlation analysis.

Results. The results of the study made it possible to show the predominance of socio-psychological reasons in the emergence of conflicts in work teams, which are caused by the influence of personal psychological (temperament and conflict) and situational (stress) characteristics of employees.

Research implications. The study of conflicts in work collectives and organizations and the factors that cause them is a necessary step towards developing adequate methods and mechanisms for their regulation. Upon completion of the work, the data obtained were provided to the heads of the organizations participating in the study. At the request of the head of MRT-Expert Sochi LLC, a training program was developed, the purpose of which is to achieve conflict-free interaction in work teams. This program was successfully implemented. The data obtained may

be useful for managers of organizations interested in prevention, constructive conflict management and improving the efficiency of employees' work activities.

Keywords: personal characteristics, regulation of social conflicts, situational characteristics, labor conflicts

For citation: Rogochaya G. P., Filippova M. V. The connection between the emergence and course of conflicts in work teams and the psychological characteristics of their participants // Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2024, no. 3. P. 99–113. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-99-113

Введение

Постоянные трансформации, происходящие в современном обществе, актуализируют тему управления социальными конфликтами на различных уровнях социального взаимодействия, в различных сферах жизни общества. Одной из ключевых сфер в жизни каждого человека является сфера трудовых отношений. Вместе с трансформацией общественных отношений последних десятилетий изменился и характер взаимодействия в организациях и трудовых коллективах. В настоящее время конфликты стали постоянными спутниками любого коллектива, наличие конфликта в организации расценивается исследователями как социальная норма [9, с. 152]. И вместе с тем восприятие конфликта, как правило, сопровождается эмоциональными переживаниями, негативно сказывается на психологическом состоянии работников, осложняет взаимоотношения в коллективе, что не может не отражаться на эффективности и производительности труда в организации [1]. Академическим сообществом и практиками ведутся активные поиски по выявлению эффективных механизмов упреждения и преодоления трудовых конфликтов, как на законодательно-нормативном уровне, так и на уровне определения стратегий и тактик различных согла-

сительных процедур. Последнее время особое внимание уделяется медиации как междисциплинарной отрасли в целом [2], [7], [14] и как технологии и процедуре урегулирования трудовых конфликтов в частности [12, с. 373].

В настоящее время анализ трудовых конфликтов [4] включает мониторинг социально-экономических причин (разногласия в оплате, стимулировании и вознаграждении за труд), производственно-технических причин (низкий уровень организации труда) и социально-охранительных причин (плохие бытовые условия и недостаточная обеспеченность социальными льготами, социально-трудовая обстановка в коллективе)¹. Недостаточно внимания уделяется социально-психологическим причинам трудовых конфликтов, включающим в себя неблагоприятную психологическую атмосферу в коллективе, взаимные симпатии и антипатии сотрудников, психологические особенности человеческих отношений, коммуникативные помехи и барьеры, стрессовые факторы. Основная гипотеза исследования

¹ Анализ социально-трудовой обстановки и зарегистрированных социально-трудовых конфликтов в Российской Федерации по итогам первого полугодия 2022 года // Центр мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. – 2022. URL: <https://www.gup.ru/uni/structure/subdivisions/conflict.php> (дата обращения: 30.01.2024)

состояла в том, что возникновение и протекание трудовых конфликтов может определяться личностными и ситуационными характеристиками их участников.

Из всего многообразия научного дискурса, затрагивающего понятийное поле конфликта, мы остановимся на социально-психологических подходах к его пониманию, поскольку данные подходы позволяют выработать общий понятийный аппарат, который даёт возможность соединить теорию и практику управления трудовыми конфликтами. Мы разделяем подход А. В. Сидоренкова, согласно которому конфликт рассматривается: во-первых, как воспринимаемая несовместимость сторон; во-вторых, как острейшая форма конкуренции; в-третьих, как форма общения и способ реагирования; и в-четвёртых, как способ разрешения возникших разногласий [13]. Данный подход соотносится с точкой зрения А. А. Осеева, который определяет трудовой конфликт как столкновение противоположно направленных действий работников, вызванное расхождением интересов, ценностей и норм поведения [10, с. 24]. Для понимания способов управления конфликтами в трудовых коллективах необходимо учитывать комплекс факторов, обуславливающих причины их возникновения и характер протекания. В своей работе мы остановимся на личностных и ситуативных характеристиках участников конфликта. На наш взгляд возникновение и протекание межличностных конфликтов в трудовых коллективах может быть обусловлено личностными психологическими характеристиками сотрудников, которые определяются как глубинные осо-

бенности человека, влияющие на его поведение и реакцию в той или иной ситуации. Личностные особенности постоянны и не подвержены изменениям. К личностным психологическим особенностям, обуславливающим возникновение и протекание конфликтов в организациях, можно отнести темперамент и конфликтность личности.

Так, темперамент – совокупность типологических особенностей человека, проявляющиеся в динамике его психологических процессов: в скорости и силе его реакции, в эмоциональном тоне его жизнедеятельности. [8, с. 107], [6]. К личностным особенностям участников конфликта также можно отнести конфликтность личности. Под конфликтностью понимается состояние готовности личности к конфликтам, её степень вовлечённости в развитие конфликта. Конфликтность – это неосознаваемая или частично осознаваемая установка личности на конфликтное взаимодействие [11, с. 220].

Важную роль в возникновении и протекании трудовых конфликтов имеют ситуативные характеристики, которые определяются как состояния, вызванные какими-либо событиями. Ситуативные особенности являются временными, но могут оказывать существенное влияние на ход конфликта. К таким ситуативным характеристикам можно отнести стресс как состояние повышенной мобилизации психологических и энергетических ресурсов, развивающееся в ответ на повышение сложности или субъективной значимости деятельности [3, с. 108–109]. Среди основных симптомов стресса выделяют: ухудшение процессов памяти, невозможность сосредоточиться, постоянное чувство

усталости, увеличение ошибок при выполнении привычных действий, повышенная возбудимость и тревожность, потеря чувства юмора, бессонница и т. д. [5, с. 405]. Подобные состояния могут оказывать значительное влияние на возникновение и протекание конфликтов.

Нами был выдвинут ряд частных гипотез в рамках исследуемой проблемы. Так, первая гипотеза касалась выявления доминирующих факторов, определяющих причины возникновения конфликтов, к которым мы отнесли социально-психологические факторы. Вторая частная гипотеза состояла в том, что возникновение и протекание трудовых конфликтов может определяться такими личностными характеристиками, как тип темперамента и уровень конфликтности сотрудников. И третья частная гипотеза заключалась в том, что возникновение и протекание трудовых конфликтов может определяться такими ситуативными характеристиками, как уровень стресса и перенапряжения.

Методы

Исследование основано на следующих теоретических концепциях: «Поведенческий подход к пониманию конфликта» А. Басе, А. Бандура, Р. Сире, «Психофизиологическая теория темпераментов» И. П. Павлова, «Модель физиологического стресса» Г. Селье. «Поведенческий подход» к пониманию конфликта использован для поиска причин конфликта, связанных с врождёнными качествами сотрудников. «Психофизиологическая теория темпераментов» использована для выявления таких личностных харак-

теристик сотрудников, как типы темпераментов, а также показатели интроверсии-экстраверсии и нейротизма. «Модель физиологического стресса» использована для анализа состояний стресса у сотрудников организаций.

Эмпирическая база исследования

Исследование проведено на базе трудовых коллективов различных организаций. Выборку составили 23 сотрудника ООО «МРТ-Эксперт Сочи», 50 сотрудников НАО «Красная поляна», 31 сотрудник ИП Малявина Ю. В. Paul&Shark (100% от общего количества сотрудников).

Была специально разработана анкета, направленная на выявление особенностей возникновения и протекания конфликтов в трудовых коллективах. Анкета условно была разделена на несколько блоков. Первая часть анкеты направлена на получение социально-демографических (пол, возраст) и социально-статусных (стаж работы на данном месте, общий трудовой стаж) данных респондентов. Вторая часть анкеты содержала вопросы, направленные на выявление особенностей возникновения и протекания трудовых конфликтов (виды конфликтов, причины их возникновения, частота конфликтов, их динамика). Третья часть анкеты была направлена на выявление предпочтительных методов разрешения трудовых конфликтов. Четвёртая, заключительная, часть анкеты содержала вопросы, направленные на выявление особенностей возникновения трудовых конфликтов в течение последнего месяца для дальнейшего сравнения с ситуационными характеристиками сотрудников.

Методики исследования

Методика «Личностный опросник» Г. Айзенка использовалась для выявления таких личностных характеристик сотрудников организаций, как экстраверсия-интроверсия и нейротизм. Описывая поведение экстравертов и интровертов, с одной стороны, и лиц с высоким и низким нейротизмом – с другой, Г. Айзенк построил свою модель типов темперамента. Были определены две шкалы: экстраверсия – интроверсия и эмоциональная стабильность – лабильность. Шкала «экстраверсия – интроверсия» характеризует индивида со стороны «открытости» внешнему миру. Шкала «эмоциональная стабильность – лабильность» характеризует индивида со стороны его эмоциональной устойчивости. Сочетание эмоциональной устойчивости с экстраверсией Г. Айзенк отождествляет с типом сангвиника; эмоциональной лабильности и экстраверсии – с холериком; эмоциональной устойчивости и интроверсии – с флегматиком, а эмоциональной лабильности и интроверсии – с меланхоликом. С помощью данной методики определялся тип темперамента сотрудников. Методика «Шкала воспринимаемого стресса» в адаптации В. А. Абабкова использовалась для выявления актуального уровня стресса сотрудников организаций. С помощью методики «Оценка конфликтности личности» Д. М. Рамендика был определён уровень конфликтности сотрудников организаций.

Методы обработки данных (качественный и количественный анализ) позволили выявить связь личностных и ситуативных характеристик сотруд-

ников с особенностями возникновения и протекания трудовых конфликтов.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования было выявлено, что наиболее распространёнными причинами трудовых конфликтов являются социально-психологические (нарушенная коммуникация, взаимные симпатии и антипатии сотрудников, неуважение сотрудников, несоответствие поведения сотрудника принятым в его коллективе нормам). Социально-экономические (разногласия в оплате, стимулировании и вознаграждении за труд) и социально-охранительные (отсутствие благоприятных условий труда и отдыха) причины трудовых конфликтов являются не столь распространёнными. Сравнение причин конфликтов в исследуемых трудовых коллективах представлено на рисунке 1.

Также было выявлено, что во всех исследуемых трудовых коллективах присутствуют нарушения в коммуникации между сотрудниками. Наиболее распространёнными конфликтогенами в трудовых коллективах являются: нежелание признавать свои ошибки; навязывание своей точки зрения; неумение выслушать собеседника; переход на личности в случае разногласий; повышение тона; принижение значимости роли собеседника. Сравнение конфликтогенов в исследуемых трудовых коллективах представлено на рисунке 2.

В свою очередь было выявлено, что большинство трудовых конфликтов являются кратковременными (от одного до нескольких дней). Однако

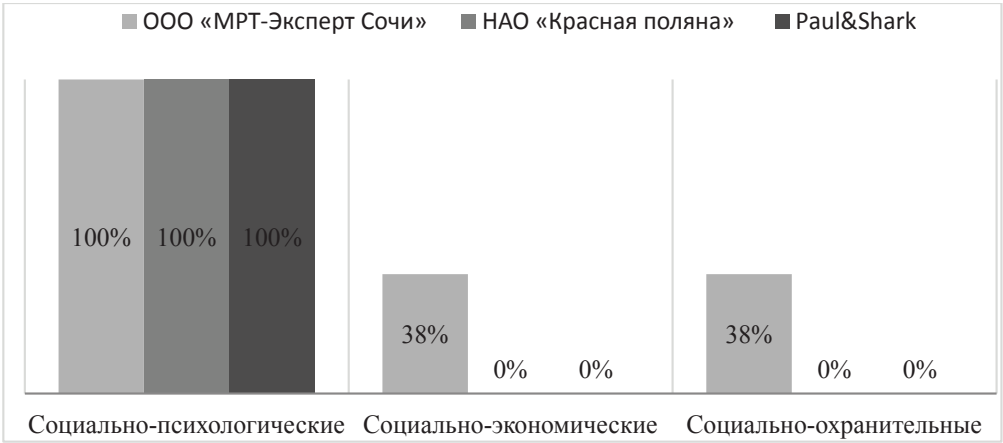

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение причин конфликтов в исследуемых трудовых коллективах / Comparison of the causes of conflicts in the studied work collectives

Источник: данные авторов.

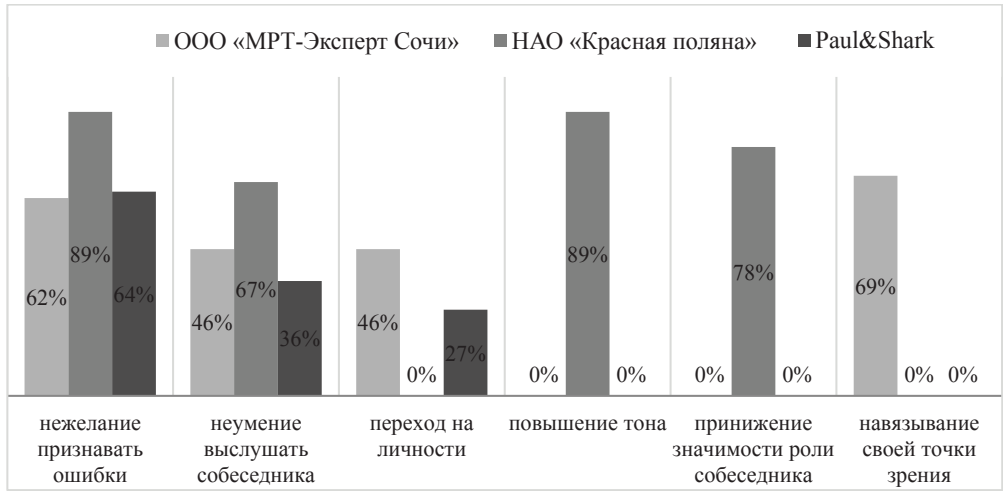

Рис. 2 / Fig. 2. Уровень конфликтогенов в исследуемых трудовых коллективах / Comparison of conflictogens in the studied work collectives

Источник: данные авторов.

случаются конфликты, которые могут длиться по несколько месяцев.

Большинство сотрудников всех опрошенных трудовых коллективов в случае конфликта настроены самостоятельно разрешать возникшие разногласия. И в тоже время многие сотрудники в случае конфликта готовы обратиться за помощью к коллегам и непосредственному начальству. Обращение к коллегам может быть проинтерпретировано не только как способ разрешения возникшей ситуации, но и как желание обрести под-

держку своей позиции, что может иметь обратный эффект и привести к расширению косвенного состава участников конфликта. Обращение к руководителю может быть проинтерпретировано как поиск арбитра, стремление переложить ответственность за разрешение конфликта на руководство. Среди способов разрешения трудовых конфликтов наиболее предпочитаемыми являются личный разговор с оппонентом и обсуждение ситуации на общем собрании. Обращение к медиатору не является преобладающим методом разрешения трудовых конфликтов. Это может быть связано с недостаточным информированием сотрудников о данном методе урегулирования конфликтов, с отсутствием у респондентов установки на обращение к профессионалам в области конфликторазрешения в ситуации конфликта.

В качестве личностных характеристик рассматривались типы темперамента и уровень конфликтности сотрудников трудовых коллективов.

С помощью методики «Личностный опросник» Г. Айзенка были определены типы темперамента сотрудников исследуемых организаций, а также соответствующие им показатели экстраверсии-интроверсии и нейротизма. С помощью методики «Оценка конфликтности личности» Д. М. Рамендика был определён уровень конфликтности сотрудников организаций.

Анализ личностных характеристик сотрудников позволяет сделать вывод, что во всех исследуемых трудовых коллективах преобладает такой тип темперамента, как холерик, который характеризуется как сильный, неуравновешенный и подвижный тип. Такие типы темперамента, как сангвиник, меланхолик и флегматик в меньшей степени характерны для сотрудников исследуемых трудовых коллективов [6, с. 40]. Сравнение типов темперамента в исследуемых трудовых коллективах представлено на рисунке 3.

Было выявлено, что у сотрудников всех исследуемых трудовых коллекти-

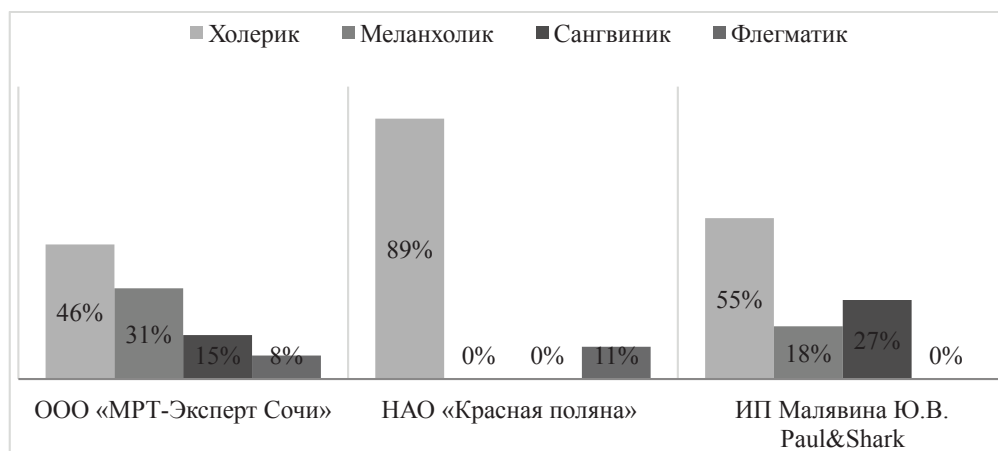

Рис. 3 / Fig. 3. Уровни типов темперамента в исследуемых трудовых коллективах / Comparison of types of temperament in the studied work collectives

Источник: данные авторов.

вов преобладает средний уровень конфликтности. Люди со средним уровнем конфликтности склонны предпринимать действия, направленные на упреждение критических ситуаций, склонны сглаживать конфликт или подходить к нему инструментально, используя конфликт для отстаивания своих интересов или для достижения своих целей.

Люди с низким уровнем конфликтности чаще всего ориентированы на избегание конфликтов, в конфликте они испытывают дискомфортное эмоциональное состояние. В случае, когда конфликт не удалось избежать, им важно прогнозировать, как конфликт может отразиться на их взаимоотношениях с окружающими. Людям с высоким уровнем конфликтности важно отстоять свою позицию, даже если отстаивание позиции может иметь негативные последствия для отношений с окружающими. Сравнение уровня конфликтности в исследуемых трудовых коллективах представлено на рисунке 4.

В ходе исследования с помощью U-критерия Манна-Уитни было проведено сравнение подгрупп сотрудников по выявленным характеристикам. Первую подгруппу составили сотрудники, которые участвовали в трудовых конфликтах, вторую – которые не принимали участие в трудовых конфликтах (табл. 1).

Анализ данных позволяет сделать вывод, что были выявлены значимые различия по показателям экстраверсии-интроверсии, конфликтности и нейротизма между подгруппами участвовавших и не участвовавших в конфликтах сотрудников. Таким образом, сотрудники, которые принимали участие в трудовых конфликтах, отличаются экстраверсией, более высоким уровнем конфликтности и нейротизма (эмоциональной неустойчивости). Также можно сделать, что холерики, которые отличаются сочетанием экстраверсии и нейротизма, чаще вступают в конфликтные ситуации.

С помощью коэффициента корреляции Пирсона были выявлены следующие

Рис. 4 / Fig. 4. Уровень конфликтности в исследуемых трудовых коллективах / Comparison of the level of conflict in the studied work collectives

Источник: данные авторов.

Таблица 1 / Table 1

Сравнение подгрупп сотрудников по частоте участия в трудовых конфликтах /
Comparison of employee subgroups by frequency of participation in labor conflicts

Шкалы	Средние показатели по группам (в баллах)		Показатель U-критерия Манна-Уитни
	Среднее значение по подгруппе сотрудников, участвовавших в конфликтах	Среднее значение по подгруппе сотрудников, не участвовавших в конфликтах	
Конфликтность	31,250	26,000	0**
Нейротизм	16,750	11,600	0,5*
Экстраверсия-интроверсия	16,500	13,000	1,5*

Примечания.

1 * – при $p \leq 0,05$.

2 ** – при $p \leq 0,01$.

щие значимые связи в общей выборке. Обратная связь была выявлена между уровнем конфликтности и возрастом ($r = -0,383$ при $p = 0,05$). Можно сделать вывод, что для молодых людей в большей степени характерен высокий уровень конфликтности, который отличается активным отстаиванием своих интересов. Прямая связь была выявлена между уровнем нейротизма (эмоциональной неустойчивости) и участием в конфликтах ($r = 0,418$ при $p = 0,05$). Можно сделать вывод, что люди с высоким уровнем нейротизма чаще вступают в конфликтное взаимодействие.

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод, что особенности возникновения и протекания трудовых конфликтов могут быть обусловлены такими личностными характеристиками, как уровень конфликтности и нейротизма (эмоциональной неустойчивости). Нейротизму соответствует излишняя импульсивность, эмоциональная неустойчивость, проявляющаяся в излишней раздражительности, впечатлительности, чувствительно-

сти, неумении поддерживать баланс в контактах с людьми, непоследовательность, изменчивость интересов. Всё это может оказывать значительное влияние на готовность сотрудников вступать в конфликтное взаимодействие и активно отстаивать свои интересы.

В качестве ситуативных характеристик рассматривались перенапряжение и стресс. Так, с помощью методики «Шкала воспринимаемого стресса» в адаптации В. А. Абабкова были выявлены уровень перенапряжения и стресса у сотрудников исследуемых трудовых коллективов. Анализ ситуативных характеристик позволяет сделать вывод, что у большинства сотрудников всех исследуемых организаций стресс выявлен на среднем уровне. Низкий уровень психологического стресса свидетельствует о состоянии психологической адаптированности к рабочим нагрузкам. Высокий уровень стресса свидетельствует о состоянии дезадаптации и психологического дискомфорта. Средний уровень стресса свидетельствует о наличии стрессоров

у сотрудников, однако они успешно с ними справляются. Сравнение уровня

стресса в исследуемых трудовых коллективах представлено на рисунке 5.

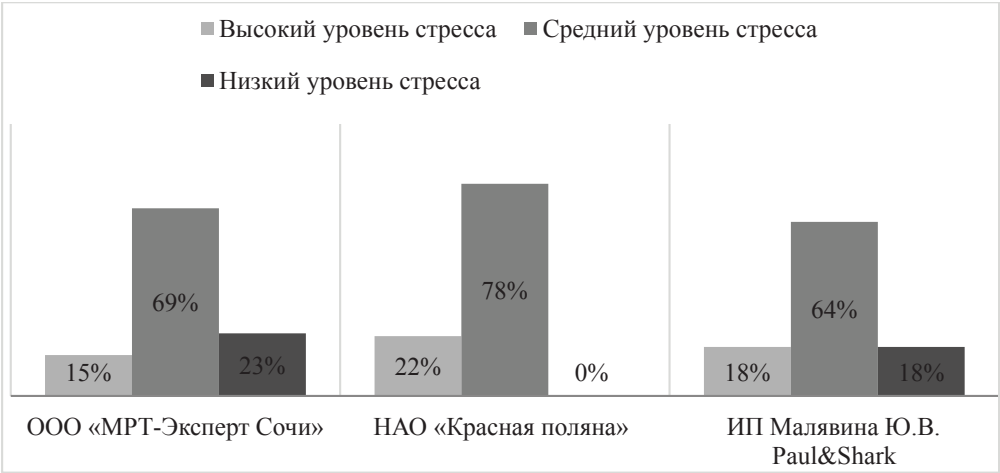

Рис. 5 / Fig. 5. Уровень стресса в исследуемых трудовых коллективах / Comparison of stress levels in the studied work teams

Источник: данные авторов.

С помощью коэффициента корреляции Пирсона в общей выборке была выявлена прямая связь между уровнем стресса и участием в конфликтах в течение последнего месяца ($r = 0,370$ при $p = 0,05$). Можно сделать вывод, что высокий уровень стресса связан с готовностью сотрудников вступать в конфликтные ситуации и активно отстаивать свои интересы. Можно сделать вывод, что особенности возникновения и протекания трудовых конфликтов могут быть обусловлены такой ситуационной характеристикой сотрудников, как уровень стресса. Стресс может являться как причиной, так и следствием конфликтов. Признаками стресса являются чувство дискомфорта и тревоги. Испытывая стресс, сотрудники могут быть в большей степени подвержены конфликтогенным, вследствие чего начинается открытое конфликтное взаимодействие.

В данном случае стресс является причиной конфликтов. Но также сотрудники могут быть в состоянии стресса вследствие конфликтного взаимодействия на работе, так как деструктивный конфликт оказывает значительное влияние на состояние его участников, а также приводит к ухудшению отношений между ними.

Закключение

В ходе исследования было выявлено, что на возникновение трудовых конфликтов оказывает влияние целый ряд социально-психологических причин, но основным является стресс. Сочетание стресса с преобладающим в исследуемых группах таким типом темперамента, как холерик, создаёт условия для повышения уровня конфликтности в трудовом коллективе. Холерика характеризует высокая экспрессивность, стремление к домини-

рованию, слабый самоконтроль. Было выявлено, что во всех исследуемых трудовых коллективах наблюдаются нарушения в коммуникации между сотрудниками вследствие использования конфликтогенов в повседневном и рабочем общении между членами трудового коллектива. В качестве мер профилактики возникновения конфликтов в организациях может быть использован тренинг коммуникативной компетентности, направленный на построение эффективной коммуникации в межличностном взаимодействии. Программы профилактики стресса и выгорания в динамично меняющихся условиях становятся «производственной необходимостью» для любой организации, стремящейся к устойчивости в своей деятельности.

Стоит обратить внимание на тот факт, что разрешение трудовых конфликтов с участием профессиональных посредников, исходя из данных исследования, не является преобладающим методом урегулирования споров. Медиация, несмотря на наличие правового статуса данного института в РФ, создание нормативной базы в рамках федерального закона о медиации¹ и профессионального сообщества медиаторов, не интегрирована в реальные практики конфликто разрешения². Потенциал медиации может

рассматриваться в качестве определённого резервного инструмента в урегулировании конфликтов.

По завершении работы полученные данные были предоставлены руководителям организаций, участвовавших в исследовании. По запросу руководителя ООО «МРТ-Эксперт Сочи» была разработана программа тренинга, целью которого является достижение бесконфликтного взаимодействия в трудовых коллективах. Программа разделена на два тематических дня (модуля), каждый из которых разделен на этапы. Первый модуль тренинга направлен на получение сотрудниками навыков эмоционального интеллекта и профилактики стрессовых состояний. Второй модуль тренинга направлен на получение сотрудниками навыков эффективной коммуникации.

Данная программа была успешно реализована в организации ООО «МРТ-Эксперт Сочи» и достоинствами тренинга были отмечены:

- детализированная разработка каждого из предлагаемых занятий;
- содержательная насыщенность занятий тренинга;
- использование при построении программы разнообразных психологических методов, в том числе авторских;
- проективный характер некоторых используемых в тренинге упражнений, что даёт возможность участникам отразить актуальные для них аспекты в рамках проводимого тренинга.

В заключение можно сказать, что полученные данные могут быть полезны для руководителей организаций,

топ)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174548/ (дата обращения: 13.03.2024)

¹ Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 11.03.2024)

² Приказ Минтруда России от 15.12.2014 № 1041н (ред. от 12.12.2016) «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиация)».

заинтересованных в профилактике, конструктивном управлении конфликтами и в повышении эффективности трудовой деятельности сотрудников, а также для психологов и конфликтологов в дальнейших исследованиях проблемы, поднятой в данной работе. Одной из перспективных практик уре-

гулирования конфликтов в организациях может стать медиация трудовых конфликтов или применение медиативных технологий в управленческой деятельности с целью построения эффективной коммуникации в коллективе и достижения баланса трудовых интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армстронг М., Тейлор С. Практика управления человеческими ресурсами / пер. с англ. Е. Малковой. СПб.: Питер, 2018. 1040 с.
2. Бесемер Х. Медиация в конфликтах / пер с нем. Н. В. Маловой. Калуга: Духовное познание, 2004. 176 с.
3. Величковский Б. Б. Когнитивные эффекты умственного утомления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. №1. С. 108–122. DOI: 0.11621/vsp.2019.01.108.
4. Гагаринская Г. П., Дыкина С. З. Управление трудовыми конфликтами организации (методология и практика): монография. М.: Мир науки, 2019. 160 с.
5. Галкина Н. Ю. Психологические методы профилактики стресса в современных условиях // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №2. С. 403–407.
6. Грушева О. А. Теории темперамента // Научные исследования и разработки молодых учёных. 2014. №1. С. 39–45.
7. Иванова Е. Н. Медиация как междисциплинарное сотрудничество // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. №1. С. 342–348. DOI <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3297>.
8. Кривцова М. А., Аврааменко А. В., Клименко А. А. Темперамент личности и его свойства // Уникальные исследования XXI века. 2015. №3. С. 105–112.
9. Мурашева С. В. Социальные конфликты как причины и следствия противоречий в российском обществе // Society and Security Insights. №4 (2). С. 151–164. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)2-12](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)2-12).
10. Осеев А. А. Средства социологической диагностики в системе управления персоналом: диагностика причин трудовых конфликтов, латентные формы конфликта и интенсивность стресса в социально-трудовых отношениях. М.: Российский университет дружбы народов, 2020. 214 с.
11. Пустовалова Е. В. Социальное взаимодействие в конфликте // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2020. №1. С. 219–226. DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-1-219-226>.
12. Рогочая Г. П., Филиппова М. В. Конфликты в трудовых коллективах: причины возникновения и способы регулирования // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных: материалы VII Международной научно-практической конференции. Махачкала: Чеченский государственный педагогический университет, 2021. С. 371–375.
13. Сидоренков А. В. Психология малой группы. Методология и теория. М.: Юрайт, 2024. 185 с.
14. Zartman W., Touval S. International Mediation / Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. Washington: USIP, 2007. P. 437–454.

REFERENCES

1. Armstrong M., Taylor S. Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice (Rus. ed., Malkova E., transl.; *Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami*. St. Petersburg, Piter Publ., 2018. 1040 p.).
2. Besemer H. Mediation in Konflikten (Rus. ed., Malova N. V., transl.; *Mediaciya v konfliktah*. Kaluga, Duhovnoe poznanie Publ., 2004. 176 p.).
3. Velichkovsky B. B. [Cognitive Effects of Mental Fatigue]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Lomonosov Psychology Journal], 2019, no. 1, pp. 108–122. DOI: 0.11621/vsp.2019.01.108.
4. Gagarinskaya G. P., Dykina S. Z. *Upravlenie trudovymi konfliktami organizacii (metodologiya i praktika): monografiya* [Management of Labor Conflicts in an Organization (Methodology and Practice): monograph]. Moscow, Mir nauki Publ., 2019. 160 p.
5. Galkina N. Yu. [Psychological methods of stress prevention in modern conditions]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2018, no. 2, pp. 403–407.
6. Grusheva O. A. [Theories of temperament]. In: *Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchyonih* [Scientific research and development of young scientists], 2014, no. 1, pp. 39–45.
7. Ivanova E. N. [Mediation as an interdisciplinary collaboration]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series Law], 2021, no. 1, pp. 342–348. DOI <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3297>.
8. Krivtsova M. A., Avraamenko A. V., Klimenko A. A. [Personality temperament and its properties]. In: *Unikalnye issledovaniya XXI veka* [Unique studies of the XXI century], 2015, no. 3, pp. 105–112.
9. Murasheva S. V. [Social conflicts as causes and consequences of contradictions in Russian society]. In: *Society and Security Insights*, no. 4 (2), pp. 151–164. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)2-12](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)2-12).
10. Oseev A. A. *Sredstva sociologicheskoy diagnostiki v sisteme upravleniya personalom: diagnostika prichin trudovykh konfliktov, latentnye formy konflikta i intensivnost' stressa v social'no-trudovykh otnosheniyah* [Means of sociological diagnostics in the personnel management system: diagnostics of the causes of labor conflicts, latent forms of conflict and stress intensity in social and labor relations]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2020. 214 p.
11. Pustovalova E. V. [Social interaction in conflict]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya* [Bulletin of Novosibirsk State University of Economics and Management], 2020, no. 1, pp. 219–226. DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-1-219-226>.
12. Rogochaya G. P., Filippova M. V. [Conflicts in labor collectives: causes of occurrence and methods of regulation]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: vzglyad molodykh uchyonih: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of modern science: the view of young scientists: materials of the VII International scientific and practical conference]. Makhachkala, Chechen State Pedagogical University, 2021, pp. 371–375.
13. Sidorenkov A. V. *Psihologiya maloy gruppy. Metodologiya i teoriya* [Psychology of a small group. Methodology and theory]. Moscow, Yurajt, 2024. 185 p.
14. Zartman W., Touval S. International Mediation. In: *Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World*. Washington, USIP Publ., 2007, pp. 437–454.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рогочая Галина Петровна (Краснодар) – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета;
e-mail: rogochayagp@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-4775-2958

Филиппова Мария Владимировна (Краснодар) – независимый исследователь, менеджер по обучению Сочинского авиационного учебного центра;
e-mail: m.filippova_conf@mail.ru; ORCID: 0009-0002-8943-1650

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina P. Rogochaya (Krasnodar) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof. of the Department of Political Science and Political Management of Kuban State University;
e-mail: rogochayagp@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-4775-2958

Maria V. Filippova (Krasnodar) – Independent researcher, training manager of Sochi Aviation Training Center;
e-mail: m.filippova_conf@mail.ru; ORCID: 0009-0002-8943-1650

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-114-132

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЗИЦИИ ВЗРОСЛОГО В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Андреева А. Д., Лисичкина А. Г.

*Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, 125009,
г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация; e-mail: alladamirovna@yandex.ru*

Поступила в редакцию 25.02.2024

После доработки 13.03.2024

Принята к публикации 14.03.2024

Аннотация

Цель. Проанализировать становление внутренней позиции взрослого в контексте институциональных требований к учащимся на разных этапах юношеского возраста.

Процедура и методы. Эмпирическое исследование проводилось в два этапа. Для изучения представлений учащихся о социальной ценности профессий использованы авторский опросник и процедура ранжирования. Выборку составили 324 респондента (169 юношей и 155 девушек), обучающихся в колледжах и вузах (бакалавриат) гг. Москвы, Долгопрудного, Одинцово, Челябинска, Орска. Для определения уровня потребности в достижении успеха применён тест-опросник Ю. М. Орлова «Потребность в достижении цели». На этом этапе в исследовании приняли участие студенты колледжей Москвы и Московской области (208 человек: 113 девушек и 95 юношей) и Уральского экономического района (148 человек: 91 девушка и 57 юношей), а также студенты Челябинского государственного университета (191 человек: 139 девушек и 52 юноши). Общая выборка составляет 547 человек. Обработка эмпирических данных осуществлена с помощью статистического пакета SPSS 23.0.

Результаты. Показано, что в 16–18-летнем возрасте внутренняя позиция взрослого только начинает складываться, а в период ранней взрослости (19–21 год) она обретает признаки зрелости. Этому способствует не только психологическое взросление молодых

© СС ВУ Андреева А. Д., Лисичкина А. Г., 2024.

людей, но и более сильное давление институциональных требований, определяющих их социальный статус среди взрослых и ответственных людей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование вносит вклад в разработку теоретических представлений о факторах, определяющих становление внутренней позиции взрослого в юношеском возрасте. Его результаты будут полезны при подготовке и повышении квалификации педагогов-психологов и педагогических кадров, занятых в сфере обучения и воспитания учащихся юношеского возраста, в практической деятельности психологической службы образовательных учреждений.

Ключевые слова: юношеский возраст, институциональные требования, внутренняя позиция взрослого, профессиональное самоопределение, социальная ценность профессий, потребность в достижении успеха

Для цитирования: Андреева А. Д., Лисичкина А. Г. Особенности внутренней позиции взрослого в контексте институциональных требований на разных этапах юношеского возраста // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №3. С. 114–132.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-114-132

Original Research Article

FEATURES OF ADULT'S INTERNAL POSITION IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL REQUIREMENTS AT DIFFERENT STAGES OF ADOLESCENCE

A. Andreeva, A. Lisichkina

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research

ul. Mokhovaya, 9, str. 4, Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: alladamirovna@yandex.ru

Received by the editorial office 25.02.2024

Revised by the author 13.03.2024

Accepted for publication 14.03.2024

Abstract

Aim. To analyze the development of the inner position of adults in the context of institutional requirements for students at different stages of their youth.

Methodology. Empirical research was carried out in two stages. An original questionnaire and ranking procedure were used to study students' perceptions of the social value of professions. The sample consisted of 324 respondents (169 boys and 155 girls) enrolled in colleges and universities (bachelor's degree) in Moscow, Dolgoprudny, Odintsovo, Chelyabinsk, Orsk. To determine the level of the need to achieve success was used test-questionnaire by Y.M. Orlov "The need to achieve the goal". At this stage, the study was attended by students of colleges of Moscow and Moscow Oblast (208 people: 113 girls and 95 boys) and Ural Economic District (148 people: 91 girls and 57 boys), as well as students of Chelyabinsk State University (191 people: 139 girls and 52 boys). The total sample is 547 people. The empirical data is processed using the statistical package SPSS 23.0.

Results. It is shown that at the age of 16-18 the inner position of an adult only begins to develop, and at the age of early adulthood (19-21 years) it acquires signs of maturity. This is facilitated

not only by the psychological maturation of young people, but also by the greater pressure of institutional requirements determining their social status among adults and responsible people.

Research implications. The study contributes to the development of theoretical ideas about the factors that determine the formation of the inner position of the adult in adolescence. Its results will be useful in the teaching and further training of teachers, psychologists and pedagogues involved in the education and upbringing of young students and in the practical activities of the psychological service of educational institutions.

Keywords: adolescence, institutional requirements, inner position of adult, professional self-determination, social value of professions, need to achieve success

For citation: Andreeva A. D., Lisichkina A. G. Features of adult's internal position in the context of institutional requirements at different stages of adolescence // Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2024, no. 3. P. 114–132.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-114-132

Введение

Внутренняя позиция взрослого.

В широком смысле внутренняя позиция личности понимается как принятая субъектом социальная роль, соответствующая его представлению о себе и своих потребностях в контексте наличной ситуации [5; 13]. Л. И. Божович, впервые описавшая такое мотивационное образование как внутренняя позиция школьника, определяла её как сплав социальных и познавательных потребностей, подчёркивая тем самым особое содержание наличной ситуации развития детей этого возраста – школьное обучение [5]. В юношеском возрасте внутренняя позиция школьника исчерпывает свой мотивационный потенциал, на смену ей должна прийти внутренняя позиция взрослого. Перед учащимися встаёт новая задача, соответствующая складывающейся социальной ситуации развития – жизненного самоопределения, обустройства себя в мире. В юношеском возрасте внутренняя позиция взрослого выступает мотивационным психологическим образованием, включающим в себя стремление к самостоятельности и профессиональ-

ную мотивацию как способ достижения социальной и экономической независимости.

Границы юношеского возраста определяются психологами и физиологами от 16 лет до 21 года. Между тем, этот период жизни молодых людей регламентируется разными институциональными требованиями в зависимости от уровня образования, социальной и личностной зрелости. В этих возрастных границах можно выделить собственно юношеский возраст (16–18 лет) и период ранней взрослости, предшествующий молодости (19–21 год).

В концепции психологии формирования личности, предложенной Л. И. Божович, основным новообразованием юношеского возраста является устремлённость в будущее, определяющая отношение к событиям текущей жизни [5]. И. В. Дубровина конкретизирует содержание устремлённости юношества в будущее как формирование готовности к профессиональному и жизненному самоопределению, поиску смысла и целей своей жизни¹.

¹ Формирование личности старшеклассника / под ред. И. В. Дубровиной. М.: Педагогика, 1989. 169 с.

Однако в условиях постиндустриального общества кризис развития, традиционно связываемый с потребностью юношества в самоактуализации во взрослом мире, сегодня приобретает направленность, отчасти обратную классическому возрастному кризису, отражающему противоречие между возросшими возможностями и социальными потребностями ребёнка и сохраняющимися на прежнем уровне условиями его жизни [2; 4; 9]. Именно этот феномен фиксируют исследователи, описывающие характерную для постиндустриальной и цифровой экономики тенденцию медленного взросления молодёжи [24].

В современных социально-экономических условиях выбор учащимся своего профессионального будущего является адекватным признаком наступающей зрелости. Выбирая профессию, молодой человек рассматривает свою будущую работу как источник материальной независимости от родителей и основу жизненной самостоятельности. В условиях современного постиндустриального общества и цифровой экономики социальная ситуация развития молодых людей, готовящихся к вступлению во взрослую жизнь, определяется необходимостью не только выбора профессии, но и получения соответствующего образования. Поэтому мы, вслед за Л. И. Божович, рассматриваем внутреннюю позицию взрослого применительно к юношескому возрасту как сплав социальной и познавательной мотивации, опосредованный готовностью к будущему, к профессиональному выбору и получению соответствующего образования. Профессиональная идентичность учащихся юношеского

возраста рассматривается нами как значимый компонент внутренней позиции взрослого, отвечающий предъявляемым к ним институциональным требованиям.

В процессе данного исследования проверялось *предположение* о том, что институциональные требования, предъявляемые к учащимся на этапах юношества и ранней зрелости, оказывают влияние на становление внутренней позиции взрослого.

Институциональные требования к учащимся юношеского возраста.

Институциональные требования к уровню гражданской зрелости юношей и девушек 16–18 лет зафиксированы в различных нормативных актах и документах РФ, таких как «Гражданский кодекс РФ», «Семейный кодекс РФ», «Трудовой кодекс РФ», «Закон РФ об образовании». Юноши и девушки, достигшие этого возраста, наделяются правом не только работать, но и при наличии уважительных причин вступать в брак, осуществлять свои родительские права, учиться вождению автомобиля, проходить подготовку по основам военной службы. С 16 лет наступает полная уголовная ответственность, а с 18 лет человек приобретает все права и обязанности взрослого гражданина.

Институциональные требования к уровню психологической зрелости молодых людей, завершающих получение среднего общего образования, закреплены в «Законе РФ об образовании», включающем психологическое и социальное развитие учащихся в целевые ориентиры собственно образовательных программ в качестве метапредметных и личностных результатов

обучения¹. Ожидается, что по итогам обучения они должны обладать мировоззрением, адекватным современному уровню развития научного знания и общественных отношений, понимать идеи культурного диалога, контролировать собственное поведение и деятельность, стремиться к саморазвитию и самовоспитанию. Успешная профессиональная самореализация невозможна без понимания необходимости непрерывного образования и самообразования. В целом, перечисленные качества описывают социально желательную модель зрелой личности.

Социальная ситуация развития учащихся этого возраста определяется окончанием периода социально приемлемого моратория на самоопределение и задачей долгосрочного планирования собственной взрослой жизни, создания образа своего будущего.

Постиндустриальная и цифровая экономика привели не только к возникновению новых, но и к кардинальному изменению содержания традиционных профессий, появлению новых технологий и усложнению производственных процессов. Сегодня взрослые так же не уверены в правильности принимаемых долгосрочных решений, как и сами выпускники школ, а задача профессионального самоопределения решается в ситуации высокой степени

неопределённости. Сегодня молодые люди 16–18 лет выбирают не столько саму профессию, сколько образование в области будущей профессии.

Нормативные документы определяют молодых людей старше 18 лет как полноправных граждан, на которых распространяются все права и обязанности дееспособных взрослых людей. Институциональные требования к их социально-психологической зрелости определяются переходным статусом этого возраста – от юношества к ранней зрелости. Получение и завершение одного из этапов профессионального образования (колледж, бакалавриат, магистратура, специалитет) лишает молодых людей социально приемлемого моратория на принятие осознанных и ответственных решений в плане самоопределения. Они могут начать полноценную трудовую жизнь, либо продолжить обучение, найти новое местожительство и создать семью. В качестве традиционных институционально заданных критериев зрелости обычно указывают наличие постоянной работы, отдельного от родительской семьи жилья, появление собственной семьи и детей, финансовую самостоятельность. Современные исследования показывают, что к 30 годам этого достигают только половина женщин и около трети мужчин, в то время как в середине XX в. эти показатели составляли 77% и 65% соответственно [26].

Исследователи говорят о феномене вариативности взросления, который отнюдь не является особенностью только современной эпохи [23]. Критерии взросления не константны, они, как и любой социальный кон-

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: зарегистрирован 05.07.2021 №64101 / Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 №287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027?ysclid=lnke5ltva3329699913&index=3> (дата обращения: 23.01.2024).

структ, меняются от поколения к поколению и связаны с социальным, экономическим и политическим контекстом [14]. На сегодняшний день эта вариативность проявляется в более медленном темпе взросления молодёжи, нежели это было в эпоху индустриальной экономики. По сравнению со своими сверстниками середины прошлого столетия современная молодёжь в экономически развитых странах дольше учится, позже обретает финансовую самостоятельность, позже вступает в брак, позже рождает детей, дольше сохраняет зависимость от родительской семьи, причём эти тенденции начали фиксироваться уже с середины XX в.¹ [22; 24].

Расхождение между институционально заданными правами и обязанностями взрослых членов общества и низким уровнем востребованности молодых в качестве реального социального и экономического ресурса обусловлено высоким темпом трансформаций профессий, их содержания, условий реализации, требований к компетентностям и способностям работника. Достаточно длительный процесс получения профессионального образования неизбежно создаёт разрыв между тем, к чему молодого специалиста готовили, и тем, что от него требуется на рабочем месте. Такая неопределённость ближайшего профессионального будущего повышает для молодых людей ценность настоящего, расширяет и продлевает поиск своего места в жизни, углубляет горизонт планирования [1; 2].

Медленное взросление молодёжи, фиксируемое во многих странах мира как негативное социальное явление, можно рассматривать и как копинг-стратегию, позволяющую юношам и девушкам преодолеть технологически обусловленный разрыв между их институционально определённым взрослым статусом и сохраняющейся социальной позицией «взрослых детей».

Социально-психологические основания профессионального выбора и становление профессиональной идентичности в юношеском возрасте. Выбор направления и способа получения профессионального образования, который юноши и девушки делают после окончания школы, отвечает институциональным требованиям, предъявляемым обществом к молодым людям, и свидетельствует о начале становления их профессиональной идентичности и внутренней позиции взрослого. В дальнейшем, на протяжении трудовой деятельности, будет складываться уже профессиональная идентичность специалиста, основа которой в студенческие годы только закладывается.

Изучение профессиональных установок и сформированности профессиональной идентичности студентов колледжа и их сверстников-старшеклассников выявило, что третья часть респондентов осознаёт свою неготовность к выбору профессии, половина принимает решение в пользу продолжения образования, и только 20% учащихся имеют осознанное представление о своей будущей профессии. Эти результаты подтверждаются и данными об уровне сформированности профессиональной идентичности респондентов: сформированная профессиональная идентичность выявлена

¹ Twenge J. M. Have Smartphones Destroyed a Generation? URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/toc/2017/09/> (дата обращения: 23.01.2024).

лишь у половины студентов колледжей [9], которые, казалось бы, сделали свой первый выбор в плане самоопределения.

Исследования, направленные на изучение процесса становления профессиональной идентичности студентов вуза, показывают, что в период обучения данный психологический феномен отличается высокой подвижностью и неустойчивостью всех входящих в него компонентов [16; 18; 20; 25].

Так, А. А. Озерина показала, что содержание когнитивного, эмоционального и мотивационного компонентов профессиональной идентичности студентов бакалавриата меняется волнообразно, причем пики развития приходятся на первый и третий курсы [16]. По-видимому, эти пики отражают значимые этапы профессионального самоопределения студентов. Поступление на первый курс в большинстве случаев соответствует намерениям студента получить выбранное им образование, и это способствует возникновению чувства причастности к профессии. Однако программа первых двух лет обучения далека от собственно профессиональных знаний, в ней преобладают общеобразовательные курсы профильного направления, что нередко приводит студентов к сомнению в правильности сделанного выбора. На третьем курсе наступает следующий этап профессионального самоопределения – выбор направления специализации, который стимулирует новый уровень интереса к содержанию профессии. Однако к окончанию четвертого курса неуверенность в сделанном выборе вновь усиливается, что, вероятно, связано с низкой востребованностью бакалавров на рынке труда.

Автор отмечает также гетерохронный и противоречивый характер становления статусов профессиональной идентичности у студентов бакалавриата.

Неустойчивость и неравномерность развития профессиональной идентичности свойственна и студентам, обучающимся по программам специалитета. По данным У. С. Родыгиной, к моменту окончания вуза 18% выпускников демонстрируют низкий уровень профессиональной идентичности, при этом только часть студентов предполагает работать в соответствии с полученной специальностью, многие планируют освоить другие профессии, порой даже далекие от уже приобретённой [20]. В то же время 38% выпускников имеют высокий и 44% средний уровень сформированности профессиональной идентичности, что свидетельствует о более благоприятном протекании процесса становления идентичности специалиста. Предположение автора о том, что в развитии профессиональной идентичности студентов чередуются латентные и кризисные периоды, а сам кризис характеризуется снижением позитивного отношения к выбранной профессии, отражает близкое нам понимание возрастного периода на стыке юношества и ранней взрослости как нормативного кризиса взросления, обусловленного противоречиями между институциональными требованиями к молодым взрослым и низким уровнем их реальной востребованности социумом.

Процедура и методы исследования

Нами были изучены представления учащихся юношеского возраста о *социальной ценности профессий* в контексте привлекательности содержания и условий реализации трудовой деятель-

ности, престижности и доходности самой профессии. Мы полагаем, что эти представления свидетельствуют о поиске молодыми людьми не только профессиональной, но и социальной идентичности.

Исследование проводилось с помощью авторского опросника, состоящего из 22 утверждений, оцениваемых по пятибалльной шкале: от 1 (минимальный балл) до 5 (максимальный балл) (см. Приложение). Обработка полученных данных осуществлялась путём подсчёта средних значений по каждому из утверждений и использованием статистического критерия различий t-критерий Стьюдента и качественным анализом ранговых значений для утверждений опросника.

В исследовании приняли участие 324 респондента (169 юношей и 155 девушек), обучающихся в колледжах и вузах (бакалавриат) Москвы, Долгопрудного, Одинцово, Челябинска, Орска.

В качестве общевозрастной характеристики представлений юношей и девушек о социальной ценности профессий были выделены три группы параметров (ресурсность, условия труда, привлекательность) в соответствии с полученными средними баллами, данные представлены в таблице 1.

В первую группу (средний балл не менее 4) вошли ценностные характеристики будущей профессии, касающиеся её ресурсной составляющей: престижности, доходности, перспек-

Таблица 1 / Table 1

Представления юношей и девушек о социальной ценности профессий / The ideas of boys and girls about the social value of professions

Ценностные характеристики	Средний балл
Ресурсность	
Высокая зарплата	4,415
Возможности карьерного роста	4,372
Комфортные условия труда	4,320
Востребованность профессии	4,242
Престижность профессии	4,144
Условия труда	
Возможность путешествовать	3,975
Возможность самовыражения	3,962
Самостоятельность в принятии решений	3,954
Широкий спектр применения профессиональных умений	3,906
Возможность общаться с широким кругом людей	3,880
Профессиональные знания полезны в моей повседневной жизни	3,871
Возможность работать индивидуально	3,870
Хороший социальный пакет	3,816
Профессия требует длительной подготовки	3,812
Необходимость постоянно обновлять свои знания	3,802
Свободный график работы	3,700

Окончание табл. 1

Уникальная специальность, требующая особых способностей	3,646
Высокая ответственность	3,627
Возможность оказывать помощь людям	3,422
Привлекательность	
Модная профессия	2,897
Сложные, рискованные условия труда	2,745
Массовая профессия, которую можно быстро и легко освоить	2,662

Источник: данные авторов¹.

тивности. Этот результат полностью соответствует возрастным особенностям психологического образа будущего у учащихся юношеского возраста [1], структура и содержание которого отражают направленность на высокие профессиональные достижения.

Вторую, самую многочисленную группу, образуют представления, связанные с условиями реализации трудовой деятельности, их средний балл не превышает 3. С этой позиции наиболее привлекательными являются профессии, связанные с путешествиями,

возможностью самовыражения, проявления самостоятельности, обладающие универсальностью требований, а наименее интересными – помогающие профессии. Малопривлекательными для респондентов оказались такие социальные параметры будущей профессии как её массовость и доступность, а также некомфортные или опасные условия труда (средний балл менее 3).

Обнаружены достоверно значимые различия в представлениях юношей и девушек о социальной ценности профессий (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Гендерные различия в ценностных характеристиках профессии / Gender differences in the value characteristics of the profession

Ценностные характеристики профессии	средние значения	
	девушки	юноши
высокая зарплата	4,53	4,30
комфортные условия труда	4,51	4,13
востребованность профессии	4,32	4,16
престижность профессии	4,26	4,03
возможность самовыражения	4,26	3,66
возможность общения с широким кругом людей	4,14	3,62
хороший социальный пакет	4,08	3,55
возможность путешествовать	4,05	3,90
модная профессия	3,07	2,72

Источник: данные авторов.

¹ Авторы благодарят О. А. Москвитину за помощь в обработке данных

Девушки ценят ресурсность и привлекательные условия трудовой деятельности выше, чем юноши (различия средних достоверны при $p \leq 0,05$). Можно предположить, что девушки в большей степени, чем юноши, ориентированы на успешность своей трудовой деятельности, однако эти гендерные различия могут свидетельствовать и о завышенных социальных ожиданиях девушек, обусловленных двойственностью и противоречивостью их представлений о своей будущей жизни и работе [1].

В целом, можно сделать вывод о том, что учащиеся юношеского возраста, получающие профессиональное образование (студенты колледжей и вуза), определяют социальную ценность своей будущей работы преимущественно с позиции её ресурсной составляющей и комфортных условий труда. Гуманитарное содержание профессии, её вклад в благополучие общества, сложность и профессиональный риск выступают факторами, снижающими социальную привлекательность профессий.

К аналогичным выводам приходит Д. С. Бурлаченко [6], в чьей работе показано, что неработающие студенты чаще говорят о стремлении к жизненному и профессиональному успеху, признанию и уважению со стороны окружающих, в то время как для работающих молодых людей приоритетными являются содержание и условия трудовой деятельности, наличие социальных гарантий. Наибольшую ценность для студентов представляет престижная, «интересная», но не слишком трудная и хорошо оплачиваемая работа; общественная ценность труда имеет второстепенное значение.

Представления учащейся молодёжи о социальной ценности профессии, рассматриваемые как компонент социального самоопределения, свидетельствуют о незрелости их внутренней позиции взрослого, наивном и несколько инфантильном понимании смысла и содержания труда как фундаментальной основы системы общественных отношений.

Интересной является и историческая **динамика представлений молодых людей о ценности основных профессиональных сфер**. Респондентам было предложено проранжировать список наиболее распространённых профессий, который предъявлялся их сверстникам в начале 90-х годов прошлого столетия [18]. Данные представлены в таблице 3.

Наиболее привлекательной для молодых людей традиционно оказывается сфера бизнеса, а отношение к другим профессиям за тридцать лет претерпело заметные изменения, обусловленные их востребованностью на рынке труда в условиях постиндустриальной и цифровой экономики. Так, существенно снизилась престижность юридических, экономических и рабочих профессий, возросла ценность профессий, непосредственно связанных с развитием новых технологий: медицинских, инженерных, военных. Кроме того, современные учащиеся, в отличие от их сверстников 90-х гг., в качестве привлекательных указывают также профессии учёного, сферу IT-технологий и творческие профессии.

Проекцией представления о себе и своём месте в обществе является уровень **потребности в достижении успеха**. Исследование проведено с применением теста-опросника

Таблица 3 / Table 3

Ранговые значения профессиональных сфер в представлениях учащихся юношеского возраста (1992–2022 гг.) / Rank values of professional spheres in the representations of young adult students (1992–2022)

Области профессий	Ранговая позиция	
	1992	2022
бизнес	1	1
медицина	4	2
инженерные	6	3,5
военные	7	3,5
юридические	2	5
экономические	3	6
сервис	8	7
рабочие	5	8

Источник: данные авторов.

«Потребность в достижении цели», разработанного Ю. М. Орловым [17]. В нём приняли участие студенты колледжей Москвы и Московской области (208 человек: 113 девушек и 95 юношей) и Уральского экономического района (148 человека: 91 девушка и 57 юношей), а также студенты Челябинского государственного университета (191 человек: 139 девушек и 52 юноши). Общая выборка составляет 547 человек. Обработка эмпирических данных осуществлена с помощью статистического пакета SPSS 23.0.

Полученные результаты показали, что студенты колледжей имеют значительно более высокий уровень потребности в достижении успеха, чем молодые люди, заканчивающие университет по программе бакалавриата (табл. 4–5). Различия между юношами и девушками вне зависимости от учебного заведения, региона проживания не выявлены.

Анализ данных описательной статистики показывает, что проверяемое распределение является нормальным.

Таблица 4 / Table 4

Первичные описательные статистики на выборке студентов колледжей и университета / Primary descriptive statistics on a sample of college and university students

Среднее	Среднекв. отклонение	Дисперсия	Асимметрия		Экссесс	
Статистика	Статистика	Статистика	Статистика	Стандартная ошибка	Статистика	Стандартная ошибка
13,3193	2,50482	6,274	2,309	,129	21,447	,257
9,7801	2,50482	4,193	,316	,176	-,249	,350

Источник: данные авторов.

Таблица 5 / Table 5

Потребность в достижении успеха у студентов колледжей и высшего учебного заведения / The need for success among college and higher education students

	Средние ранги учащихся колледжей (вся выборка n 356)	Средние ранги студентов высшего учебного заведения (вся выборка, n 191)	Уровень значимости Манна Уитни
Потребность в достижении успеха	345,22	141,26	0,0001

Источник: данные авторов.

Мы интерпретируем эти данные как отражение ведущей возрастной характеристики раннего юношества (16–18 лет) – устремлённости в будущее и свойственной этому возрасту переоценке собственных возможностей, завышенных ожиданий от предстоящей взрослой жизни [1; 2; 3]. Л. И. Божович выделяла феномен двуплановости самоопределения в ранней юности, исчезающий к концу этого возрастного периода [5]. Он проявляется в одновременной направленности мотивационной сферы старших подростков на выбор своей будущей профессии («деловой выбор») и на чрезвычайно обобщённые поиски смысла и целей своей жизни («ценностное самоопределение»). Эти два плана самоопределения могут быть логически связаны между собой («Я хочу стать врачом и найти лекарство от всех болезней»), но могут и существенно расходиться («Хочу стать инженером и сделать жизнь всех людей лучше»).

С переходом от юношеского возраста к ранней взрослости (19–22 годам) эмоциональная напряжённость устремлённости в будущее снижается, растёт и неуверенность выпускников высших учебных заведений в реализации своих жизненных планов в со-

временных нестабильных социально-экономических условиях, снижается уровень потребности в достижении [7; 19]. Об этом свидетельствует сравнительный анализ полученных данных, показавший, что, вне зависимости от гендерных и региональных различий, потребность в достижении успеха у студентов вуза характеризуется преобладанием среднего и ниже среднего уровней (рис. 1). Высокий и выше среднего, а также низкий уровни потребности в достижении демонстрируют преимущественно студенты колледжей, что отражает свойственные учащимся этого возраста крайности становления личностного самоопределения, переоценку или недооценку собственного потенциала.

Выводы

На протяжении юношеского возраста происходит становление внутренней позиции взрослого, приходящей на смену исчерпавшей свой мотивационный потенциал внутренней позиции школьника. Представленные результаты эмпирических исследований, проанализированные в контексте профессионального самоопределения и институциональных требований на разных этапах юношеского возраста,

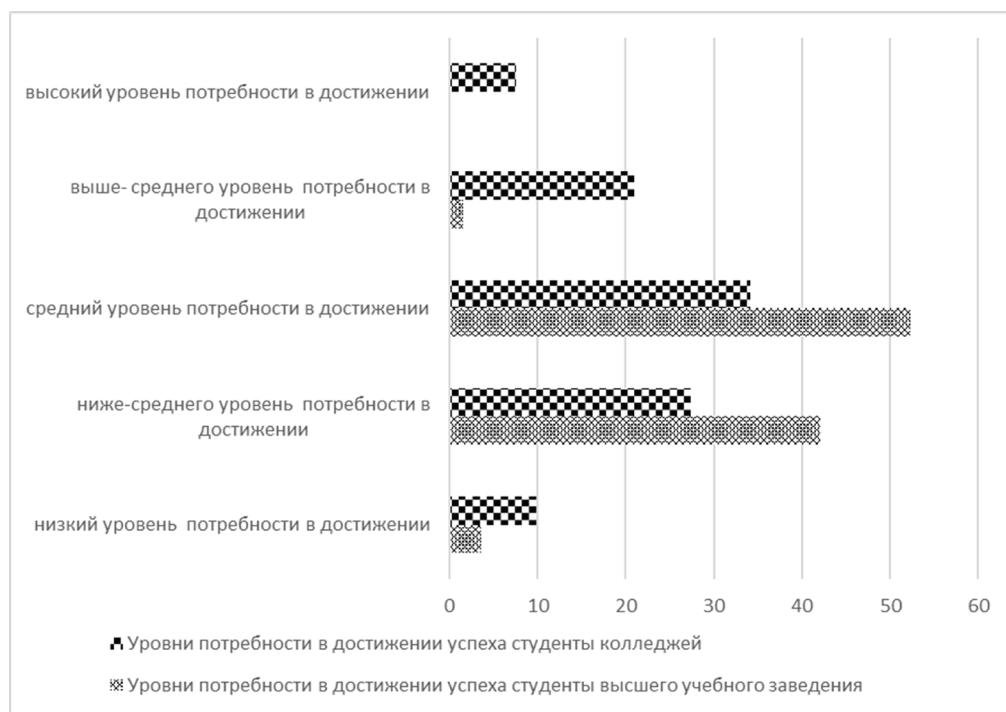

Рис. 1 / Fig. 1. Уровни потребности в достижении успеха у студентов колледжей и вуза (в процентах) / Levels of need for success among college and university students (as a percentage)

Источник: данные авторов.

свидетельствуют о том, что в 16–18-летнем возрасте внутренняя позиция взрослого только начинает складываться, в то время как к периоду ранней взрослости (19–21 год) она обретает признаки зрелости. Так, в юношеском возрасте содержание внутренней позиции взрослого определяется доминированием ведущих возрастных характеристик – устремлённостью в будущее и двуплановостью самоопределения, что приводит к переоценке своих будущих успехов и достижений, неустойчивости профессионального выбора. Наступление ранней взрослости совпадает с завершением первых ступеней профессионального образования (окончание колледжа и бакалавриата), появлением собственного опыта рабо-

ты по специальности и более адекватной оценкой своих перспектив в данной профессии. Этому способствует не только объективное взросление молодых людей, но и более сильное давление институциональных требований, определяющих их социальный статус среди взрослых и ответственных людей.

Проведённое исследование вносит вклад в разработку теоретических представлений о факторах, определяющих становление внутренней позиции взрослого в юношеском возрасте. Внутренняя позиция личности является мотивационным образованием, формирующимся в процессе принятия субъектом новой социальной роли в контексте ведущей деятельности в период, когда прежняя деятельность

исчерпала свой психологический ресурс. Результаты исследования показали, что становление внутренней позиции взрослого в юношеском возрасте происходит по мере освоения учащимися социальных норм, регламентирующих жизнь взрослых членов общества. Именно поэтому внутреннюю позицию взрослого невозможно сформировать заранее, без реального включения юношей и девушек в доступные им общественные отношения. Универсальность механизма формирования внутренней позиции личности в процессе ведущей деятельности подтверждается исследованиями, показавшими, что и внутренняя позиция школьника, которую долгое время полагали показателем готовности ребёнка к обучению, слабо выражена у пер-

воклассников и складывается только в процессе реальной учебной деятельности [8; 12; 15; 26].

Понимание феноменологии личностного развития в юношеском возрасте поможет педагогам, работающим со старшеклассниками и студентами, более точно формулировать цели и задачи, которые они ставят перед учащимися, адекватно оценивать педагогическую эффективность тех или иных методов воспитания.

Представленные материалы будут полезны при подготовке и повышении квалификации педагогов-психологов и педагогических кадров, занятых в сфере обучения и воспитания учащихся юношеского возраста, в практической деятельности психологической службы образовательных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А. Д. Детство в субъективных представлениях современных взрослых и подростков о жизненных циклах // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. Т. 13. №1. С. 42–51.
2. Андреева А. Д. Психологический образ собственного будущего у старшеклассников и студентов колледжа // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14. №2. С. 3–18. DOI: 10.17759/psyedu.2022140201.
3. Андреева А. Д., Бегунова Л. А., Лисичкина А. Г. Особенности внутренней позиции взрослого у современных учащихся раннего юношеского возраста // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. №2. С. 58–69. DOI: 10.17759/pse.2023280205.
4. Андреева А. Д., Лисичкина А. Г., Бримова Л. А. Временная и жизненная перспектива как мотивационный центр самоопределения в ранней юности: сравнительно-историческое исследование // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. Т. 17. №1. С. 6–15.
5. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
6. Бурлаченко Д. С. Ценностные представления учащейся молодёжи: ориентации, мнения, оценки // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2010. №12. С. 43–51.
7. Валиуллина Е. В. Потребность в достижении успеха и эмоциональность личности // Концепт. 2019. №9. С. 54–59. DOI: 10.24411/2304-120X-2019-12036.
8. Гуткина Н. И. Развитие учебной мотивации учащихся в первых двух классах современной начальной школы (лонгитюдное исследование) // Культурно-историческая психология. 2007. №2. С. 62–74.
9. Изучение мотивационной сферы у студентов-первокурсников / Е. Л. Бережковская, Т. С. Новикова, И. А. Перелыгина, А. М. Прихожан // Вестник Российского го-

- сударственного гуманитарного университета. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2014. №20 (142). С. 111–133.
10. Лисичкина А. Г. Особенности становления профессиональных установок у учащихся старшего подросткового и раннего юношеского возраста (сравнительный анализ) // Актуальные проблемы психологического знания. 2022. №2. С. 53–61. DOI: 10.51944/20738544_2022_2_53.
 11. Лисичкина А. Г., Трушина И. А., Емельянова Л. А. Представления юношей и девушек о жизненных достижениях и успешности в контексте профессионального самоопределения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. №2. С. 87–98. DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-87-98.
 12. Лубовский Д. В. Динамика развития и феноменология внутренней позиции у современных младших школьников // Психологическая наука и образование. 2014. №1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/2/Lubovskiy.phtml> (дата обращения: 23.01.2024)
 13. Лубовский Д. В. Понятие внутренней позиции: культурно-историческая перспектива изучения личности школьника // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4. №1. С. 2–8.
 14. Марцинковская Т. Д., Полева Н. С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. №1 (89). С. 24–37.
 15. Назаренко В. В. Развитие мотивационной сферы детей 5–7 лет: дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 175 с.
 16. Озерина А. А. Профессиональная идентичность студентов бакалавриата: дис. ... канд. психол. наук. Волгоград, 2012. 215 с.
 17. Орлов Ю. М. Потребностно-мотивационные факторы эффективности учебной деятельности студентов вуза: дис. ... д-ра. психол. наук. М., 1984. 525 с.
 18. Поваренков Ю. П. Системогенетический анализ профессионального развития личности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. №4. С. 4–39.
 19. Потребность в достижении у лиц молодого возраста / И. М. Улюкин, Н. В. Киселева, Д. В. Костин, А. В. Березовский, Е. С. Орлова // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2019. Т. 21. №2. С. 129–132. DOI: 10.17816/brmma25932.
 20. Родыгина У. С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12. №4. С. 39–51.
 21. Руководство практического психолога: Психологические программы развития личности в подростковом и старшем школьном возрасте / под ред. И. В. Дубровиной. М.: Академия, 1998. 128 с.
 22. Темнова Л. В., Тезина Е. И. Кидалтинг как социальный феномен // Теория и практика общественного развития. 2018. №12 (130). С. 30–34. DOI: 10.24158/tpor.2018.12.4.
 23. Тихомандрицкая О. А., Рикель А. М. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. С. 209–232.
 24. Толстых Н. Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. №4. С. 7–24.
 25. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: Структура, генезис и условия становления: дис. ... д-ра. психол. наук. М., 2001. 327 с.
 26. Arnett J. J. Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties. NY.: Oxford University Press, 2015. 385 p.

REFERENCES

1. Andreeva A. D. [Childhood in the subjective representations of modern adults and adolescents about life cycles]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 42–51.
2. Andreeva A. D. [The Image of Personal Future in High School and College Students]. In: *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-educational studies], 2022, vol. 14, no. 2, pp. 3–18. DOI: 10.17759/psyedu.2022140201.
3. Andreeva A. D., Begunova L. A., Lisichkina A. G. [Features of the internal position of an adult in modern students of early adolescence]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 58–69. DOI: 10.17759/pse.2023280205.
4. Andreeva A. D., Lisichkina A. G., Brimova L. A. [A Time and life perspective as a motivational center of self-determination in early adolescence: a comparative historical study]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2021, vol. 17, no. 1, pp. 6–15.
5. Bozhovich L. I. *Lichnost' i eyo formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 400 p.
6. Burlachenko D. S. [Value representations of student youth: orientations, opinions, assessments]. In: *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Kamchatka State Technical University], 2010, no. 12, pp. 43–51.
7. Valiullina E. V. [The need for success and emotionalism of a person]. In: *Koncept* [Concept], 2019, no. 9, pp. 54–59. DOI: 10.24411/2304-120X-2019-12036.
8. Goutkina N. I. [Learning Motivation Development in First- and Second-Year Pupils of Modern Elementary School (A Longitudinal Research)]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 2007, no. 2, pp. 62–74.
9. Berezhkovskaya E. L., Novikova T. S., Perelygina I. A., Prikhozhan A. M. [The study of motivational sphere of first-year university students]. In: *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology], 2014, no. 20 (142), pp. 111–133.
10. Lisichkina A. G. [Special features of the development of professional attitudes of students of the older adolescent and the younger youth (comparative historical study)]. In: *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya* [Theoretical and practical problems of psychology], 2022, no. 2, pp. 53–61. DOI: 10.51944/20738544_2022_2_53.
11. Lisichkina A. G., Trushina I. A., Emelyanova L. A. [Boys' and girls' perceptions of life achievements and success in the context of professional self-determination]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 2, pp. 87–98. DOI: 10.18384/2310-7235-2023-2-87-98.
12. Lubovskij D. V. [Dynamics and phenomenology of internal position in modern primary school students]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2014, no. 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/2/Lubovskiy.shtml> (accessed: 23.01.2024).
13. Lubovsky D. V. [Inner Position: Cultural-Historical Perspectives of Exploring Pupil's Personality]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-Historical psychology], 2008, vol. 4, no. 1, pp. 2–8.
14. Martsinkovskaya T. D., Poleva N. S. [Generations of the era of transition: values, identity, communication]. In: *Mir psihologii* [World of psychology], 2017, no. 1 (89), pp. 24–37.
15. Nazarenko V. V. *Razvitie motivacionnoj sfery detej 5–7 let: dis. ... kand. psihol. nauk*

- [Development of the motivational sphere of children aged 5–7 years: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2008. 175 p.
16. Ozerina A. A. *Professional'naya identichnost' studentov bakalavriata: dis. ... kand. psihol. nauk* [Professional identity of undergraduate students: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Volgograd, 2012. 215 p.
 17. Orlov Yu. M. *Potrebnostno-motivacionnye faktory effektivnosti uchebnoj deyatel'nosti studentov vuza: dis. ... d-ra. psihol. nauk* [Need-motivational factors of the effectiveness of educational activities of university students: Dr. Sci. thesis in Psychology]. M., 1984. 525 p.
 18. Povarenkov Yu. P. [Systemogenetic analysis to professional development of the individual]. In: *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology], 2017, vol. 2, no. 4, pp. 4–39.
 19. Uliukin I. M., Kiseleva N. M., Kostin D. V., Berezovskii A. V., Orlova E. S. [The requirement for achievement in young people]. In: *Vestnik Rossijskoj Voenno-meditsinskoj akademii* [Bulletin of the Russian Military Medical Academy], 2019, vol. 21, no. 2, pp. 129–132. DOI: 10.17816/brmma25932.
 20. Rodygina U. S. [Psychological features of professional identity in students]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2007, vol. 12, no. 4, pp. 39–51.
 21. *Rukovodstvo prakticheskogo psihologa: Psihologicheskie programmy razvitiya lichnosti v podrostkovom i staršem shkol'nom vozraste* [Handbook of a practical psychologist: Psychological programs for personality development in adolescence and senior school age] / edited by I. V. Dubrovina. Moscow, Akademiya Publ., 1998. 128 p.
 22. Temnova L. V., Tezina E. I. [Kidulting as a social phenomenon]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2018, no. 12 (130), pp. 30–34. DOI: 10.24158/tipor.2018.12.4.
 23. Tikhomandrickaya O. A., Rikel A. M. [(Non)adult generation: a model for studying the generational relativity of maturity assessment]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2022, vol. 19, pp. 209–232.
 24. Tolstykh N. N. [Modern maturation]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psihoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2015, no. 4, pp. 7–24.
 25. Shnejder L. B. *Professional'naya identichnost': Struktura, genezis i usloviya stanovleniya: dis. ... d-ra. psihol. nauk* [Professional identity: Structure, genesis and conditions of formation: Dr. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2001. 327 p.
 26. Arnett J. J. *Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties*. NY., Oxford University Press, 2015. 385 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опросник «Социальная ценность профессий»

Инструкция: любая профессия помимо своего основного назначения (лечить, учить, строить) имеет много других преимуществ или недостатков, которые могут иметь значение для человека. Ниже приведён список таких особенностей трудовой деятельности. Оцените значимость лично для вас каждой из них по пятибалльной шкале: минимальный балл – 1, максимальный – 5.

Класс / группа _____ Пол _____ Дата заполнения _____

№	Утверждения	Оценка от 1 до 5
1.	Профессия требует длительной подготовки	
2.	Массовая профессия, которую можно быстро и легко освоить	
3.	Престижность профессии	
4.	Высокая зарплата	
5.	Свободный график работы	
6.	Возможность путешествовать	
7.	Хороший социальный пакет	
8.	Необходимость постоянно обновлять свои знания	
9.	Высокая ответственность	
10.	Возможность самовыражения в работе	
11.	Уникальная специальность, требующая особых способностей	
12.	Востребованность профессии	
13.	Профессиональные знания будут полезны в моей повседневной жизни	
14.	Возможности карьерного роста	
15.	Работа в комфортных условиях	
16.	Сложные, рискованные условия труда	
17.	Широкий спектр применения профессиональных умений	
18.	Модная профессия	
19.	Возможность общаться с широким кругом людей	
20.	Возможность работать индивидуально	
21.	Оказывать помощь людям	
22.	Самостоятельность в принятии решений	

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Алла Дамировна (Москва) – кандидат психологических наук, заведующий лабораторией Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований;

e-mail: alladamirovna@yandex.ru; ORCID 0000-0002-1253-8903

Лисичкина Алёна Геннадьевна (Москва) – научный сотрудник Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований;

e-mail: al1975@spartak.ru; ORCID 0000-0002-5411-2396

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla D. Andreeva (Moscow) – Cand. Sci. (Psychology), Head of the Laboratory of Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research;

e-mail: alladamirovna@yandex.ru; ORCID 0000-0002-1253-8903

Alena G. Lisichkina (Moscow) – Associate Researcher of Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research;

e-mail: al1975@spartak.ru; ORCID 0000-0002-5411-2396

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-133-149

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА (АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Ванновская О. В.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 196605, г. Санкт-Петербург,
Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, Российская Федерация; e-mail: vannovskaya@mail.ru

Поступила в редакцию 01.04.2024

После доработки 26.06.2024

Принята к публикации 27.06.2024

Аннотация

Цель. Обоснование авторской концепции психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации образовательного процесса вуза с позиций антропоцентрического подхода в контексте ментальной культуры и духовно-нравственных ценностей современного российского общества.

Процедура и методы. В исследовании применены методы системного анализа, сравнения и обобщения исследований по заявленной проблеме, методы проблематизации и концептуализации. Исследование основано на культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, идеях гуманистической психологии, деятельностном и системном подходах в психологии.

Результаты исследования. Представлены авторское содержание и модель концепции, её теоретико-методологическая основа, психолого-педагогические условия её реализации на субстанциональном, функциональном и результативном уровнях; описаны компоненты и содержание цифровой культуры студентов, условия верификации концепции.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обосновании необходимости внедрения психолого-педагогического сопровождения учебного процесса в цифровой образовательной среде, основанной на антропоцентрическом подходе, в условиях создания цифровой культуры второго порядка, с сохранением самоидентичности, ментальности и духовно-нравственных ценностей субъектов образовательного процесса, с сохранением всех коммуникативных компонентов взаимодействия преподавателей и обучающихся, с трансформацией роли преподавателя в роль наставника, минимизацией и профилактикой рисков цифровой трансформации образования, с развитием цифровой психодидактики.

Ключевые слова: гуманистическая психология, ментальная культура, психолого-педагогическая концепция, психолого-педагогическое сопровождение, цифровая трансформация образования

Для цитирования: Ванновская О. В. Концепция психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации образовательного процесса вуза (антропоцентрический подход) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 3. С. 133–149.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-133-149

© СС ВУ Ванновская О. В., 2024.

Original Research Article

THE CONCEPT OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION (ANTHROPOCENTRIC APPROACH)

O. Vannovskaya

Pushkin Leningrad State University

Petersburgskoye shosse 10, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russian Federation;

e-mail: vannovskaya@mail.ru

Received by the editorial office 01.04.2024

Revised by the author 26.06.2024

Accepted for publication 27.06.2024

Abstract

Aim. To substantiate an original concept of psychological and pedagogical support for the digital transformation of university educational process from the position of an anthropocentric approach in the context of mental culture and spiritual and moral values of modern Russian society.

Methodology. The study used methods of system analysis, comparison and synthesis of research on the stated problem, methods of problematization and conceptualization. The study is based on the cultural-historical concept of L.S. Vygotsky, ideas of humanistic psychology, activity and systems approaches in psychology.

Research results. Original content and model of the concept, its theoretical and methodological basis, psychological and pedagogical conditions for its implementation at the substantial, functional and effective levels are presented; the components and content of students' digital culture and the conditions for concept verification are described.

Research implications. Theoretical and practical significance lies in substantiating the need to introduce psychological and pedagogical support for the educational process in a digital educational environment based on an anthropocentric approach, in the conditions of creating a second-order digital culture while preserving the self-identity, mentality and spiritual and moral values of the subjects of the educational process, with maintaining all communicative components of interaction between teachers and students, with the transformation of the role of the teacher into the role of a mentor, minimizing and preventing the risks of digital transformation of education, with the development of digital psychodidactics.

Keywords: digital transformation of education, humanistic psychology, mental culture, psychological and pedagogical concept, psychological and pedagogical support

For citation: Vannovskaya O. V. The concept of psychological and pedagogical support of digital transformation of educational process of higher education institution (anthropocentric approach) // Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2024, no. 3. P. 133–149.

DOL: 10.18384/2949-5105-2024-3-133-149

Введение

Современное общество, находясь на этапе постиндустриального, информационного развития, подвержено таким процессам, как глобализация, интернетизация и цифровизация. В условиях такого развития происходит изменение всей образовательной системы в целом. Традиционные концепции, теории, методология и технологии образовательной деятельности в цифровой образовательной среде подвергаются значительным изменениям, что обуславливает необходимость их психолого-педагогического сопровождения.

Начнём с определения основных понятий. Под «цифровой трансформацией образовательного процесса вуза» будем понимать комплексное изменение структуры, процессов, внутренней коммуникации, моделей образовательной деятельности, педагогических технологий и всей организационной культуры вуза с помощью цифровых технологий. «Психолого-педагогическое сопровождение» – это комплекс действий педагогических работников, направленный на создание определённых условий в образовательной организации, которые будут способствовать сохранению и укреплению психологического здоровья обучающихся и развитию у них всех видов образовательных результатов (личностных, метапредметных и предметных) в соответствии с требованиями ФГОС [21].

В современных условиях каждый участник образовательных отношений вынужден работать с большим количеством информации в цифровом пространстве, интегрируя это пространство в свою реальность и под-

страиваясь под его специфику [24; 25]. Психолого-педагогическое сопровождение цифровой трансформации образовательного процесса предполагает «затачивание» цифровых технологий под социальные, культурно-исторические и индивидуально-личностные особенности участников образовательных отношений, с учётом возраста, образовательных потребностей и культурного ценза субъектов [16; 26].

Проблема цифровой трансформации образовательного пространства и адаптации к условиям, которые она задаёт, в настоящее время считается актуальной в научных кругах, однако при этом остаётся малоизученной. На данный момент опубликованы различные исследования, затрагивающие отдельные вопросы и направления цифровой трансформации в образовании, например:

- предпосылки цифровой трансформации и перспективы её развития в образовательной среде [19];

- конкретные проблемы этого процесса, такие как социальные аспекты цифровой трансформации, готовность и адаптация субъектов образовательных отношений к цифровой трансформации и др. [1; 3].

Однако в большинстве исследований рассматриваются отдельные проблемные области, что говорит о необходимости структурирования знаний в обобщённом, подкреплённом теоретико-методологической основой виде. Таким способом структурирования может стать Концепция психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации образовательного процесса, изложению которой и посвящена данная статья.

В п. 11 «Стратегии национальной безопасности»¹ отмечено, что одним из направлений национальной безопасности российского общества является защита и актуализация традиционных духовно-нравственных ценностей и культурных норм. Особенно это актуально на фоне современных событий и мирового кризиса, в рамках которых рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размышления традиционных ценностей, пересмотра мировой истории и изменения роли нашего государства в ней.

Опираясь на п. 91 Стратегии можно выделить такие базовые духовно-нравственные ценности, как жизнь и достоинство, права и свободы человека, а также гражданственность, патриотизм, ответственность за судьбу государства, высокие нравственные идеалы, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, преемственность поколений и единство российского общества. В Стратегии представлена следующая интерпретация термина «традиционные ценности»: это нравственные ориентиры, которые являются основой для формирования мировоззрения граждан России и которые передаются из поколения к поколению. Приоритет сферы образования как платформы для развития традиционных культурно-нравственных ценностей общества

был закреплён в национальном проекте «Образование»².

Таким образом, Концепция психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации образовательного процесса вуза должна формулироваться в контексте ментальной культуры и духовно-нравственных ценностей современного российского общества, а систематизация знаний и методологических принципов в этой концепции должна осуществляться в рамках антропоцентрического подхода, позволяющего ставить во главе системы человека как субъект обучения, развития и воспитания.

Теоретико-методологическое обоснование и содержание авторской Концепции

Актуальность создания данной Концепции связана с осмыслением фундаментальных образовательных процессов в новой парадигме цифровой реальности с учётом ментальной культуры и духовно-нравственных ценностей современного российского общества.

Целью формирования Концепции является раскрытие сущности, методологии и технологий психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации образовательного процесса вуза в контексте ментальной культуры и ценностей современного российского общества.

Методология и методы исследования. В данном исследовании применялись дедуктивный и индуктивный методы исследования, а также метод моде-

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021 г. №27 (ч. I), ст. 5351. URL: <https://base.garant.ru/401425792> (дата обращения: 26.03.2024).

² Национальный проект «Образование» / Официальный сайт Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/about> (дата обращения: 26.03.2024).

лирования. Содержание и сущность Концепции опираются на методологические принципы построения психолого-педагогических концепций [23].

Рассмотрим далее *теоретико-методологические основания Концепции* и обратимся прежде всего к идеям культурно-исторической теории Л. С. Выготского о том, что личность развивается и совершенствуется только в том случае, когда она перенимает культурный опыт и культурную идентичность общества, в рамках которого существует [2; 5].

Также теоретико-методологическим основанием Концепции является гуманистический подход в образовании, который предполагает:

- реализацию развивающего обучения [22];
- развитие коммуникативной компетентности субъектов образовательного процесса;
- понимание того, что каждый обучающийся – это склонный к личностному росту, положительный и целостный субъект образовательных отношений.

Ещё одним основанием Концепции являются принципы антропоцентрического подхода в образовании, такие как:

- принцип индивидуализации;
- принцип свободного, естественно-го развития каждого обучающегося;
- принцип диалога.

Благодаря этому подходу в центре внимания оказываются не цифровые технологии и платформы, а сам человек с его целями, мотивами, индивидуальными особенностями и способностями.

Интеграция целей гуманистического подхода в образовании и цифровой трансформации образовательных про-

цессов раскрывается в современных методологических подходах и исследованиях:

- исследуется готовность вуза к цифровой трансформации [10; 16];
- изучаются роль и способы использования искусственного интеллекта для персонализации образовательного процесса, реализации индивидуально-го подхода и стимулирования творческих способностей студентов в цифровой среде при помощи методологии «цифрового ангела» [20];
- разрабатываются принципы и методы цифровой дидактики [11; 18];
- исследуются концепции развития трансгуманизма под воздействием цифровой трансформации [6].

Таким образом, теоретико-методологическими основаниями Концепции психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации образовательного процесса вуза являются идеи культурно-исторического развития Л. С. Выготского и его последователей, идеи и принципы гуманистического подхода в образовании и психологии, иные схожие холистические подходы и субъект-ориентированные теории.

Содержательно-смысловое наполнение концепции

Одним из направлений обновления образовательного процесса является трансформация технологической среды. Однако происходит не только внедрение новых цифровых технологий, но и изменение коммуникаций и информационных потоков, а также связанные с ними изменения в поведении, психике и ментальных процессах человека [4].

Можно предположить, что такие изменения связаны в первую очередь с

тем, что на смену традиционным спорам между «естественным» и «культурным» приходят противопоставления «человеческого» и «технологического»/«информационного». Сложность проблемы связана с тем, что скорость и интенсивность информационных цифровых процессов отличается большей динамичностью в сравнении с социальными процессами. В этих условиях эффективность и пределы цифровой трансформации образовательной системы зависят от психологической готовности и возможностей субъектов этой системы.

Преподавание как деятельность влияет не только на обучение, но и в равной степени на развитие личности студентов, поэтому функция педагога не ограничивается трансляцией знаний и оценкой степени усвоения этих знаний. Педагог также является инициатором и координатором педагогического общения.

Согласно Д. А. Леонтьеву, педагогическое общение выполняет следующие функции:

- является инструментом для стимулирования учебной мотивации, активности и творческой деятельности студентов;
- является инструментом воздействия на личность студента;
- позволяет создать положительную атмосферу, эмоциональный настрой;
- является инструментом координирования социально-психологических процессов в учебных группах и коллективах [15].

Рассмотрим компоненты педагогического общения с опорой на труды И. Ю. Елькиной с соавторами, в которых раскрыты гуманистические аспекты взаимодействия участников обра-

зовательного процесса вуза. Авторами выделены следующие компоненты педагогического общения:

- коммуникативный компонент (смысловой аспект взаимодействия субъектов образовательного процесса в виде обмена информацией);
- интерактивный компонент (общая стратегия взаимодействия субъектов образовательного процесса, взаимодействие идей, образов, интеллектов и взаимных реакций);
- перцептивный компонент (специфика восприятия и понимания субъектов образовательного процесса);
- когнитивный компонент (наличие знаний, психолого-педагогических компетенций, навыков взаимодействия);
- регулятивный компонент (навыки педагога в организации образовательного пространства и формирования коммуникативных позитивных связей между студентами);
- аффективный компонент (умение создавать комфортную психологическую среду);
- духовный компонент (совокупность интеллектуальных способностей, ценностей и культурного опыта участников образовательного процесса) [9].

Таким образом, первостепенной задачей психолого-педагогического сопровождения цифровизации образовательного пространства является сохранение всех перечисленных выше коммуникативных компонентов.

Ещё одна проблема связана с тем, что среда цифровых информационных технологий влияет на систему ориентаций и мышление человека. Цифровая информационная среда имеет постмодернистский характер, позволяя че-

ловеку оказываться в любой момент времени в разных точках информационного пространства. Отличаясь быстротой и хаотичностью, система координат цифрового пространства может меняться, преодолевая все логические закономерности и последовательности. Со временем, в результате долгого существования в цифровом пространстве, у человека формируется новое мышление – вне рамок культурно-исторического развития, человек теряет навык выстраивания своей линии поведения в социально-предметной реальности [4]. Также важно, что цифровая трансформация образования приводит к необходимости использования разных языков: научного, технического, предметного, а также языка больших данных, который упрощает (свёртывает) информацию. Возникают сложности перехода от одного языка к другому, что не может не сказаться на ментальности человека. В результате изменения мышления под воздействием цифровых технологий у человека притупляется способность критически и рационально мыслить.

Представленные выше научно-философские идеи объяснимы с опорой на теорию деятельности А. Н. Леонтьева. В деятельности один человек становится для другого образцом, примером, наставником, и через это осуществляется передача социального опыта. Важна лишь готовность и способность воспринимать этот социальный опыт [12; 14; 15].

Для сохранения, трансляции и освоения культурно-исторического опыта в условиях цифровой трансформации образовательного процесса вуза важно создавать новую культуру: цифровую культуру второго порядка.

Самоидентичность, ментальность и самосознание должны сохраняться и в сети. Для этого педагог должен освоить роль не просто учителя, но и роль наставника, чтобы транслировать новую культуру через призму ментальной культуры и духовно-нравственных ценностей современного общества [13; 20]. Трансформация позиции педагога в образовательной системе влечёт изменение всех его функций: информационно-развивающей, ориентационной, коммуникативной, оценочной, исследовательской, проектной и т. д. [8].

Также цифровая трансформация образовательных процессов вуза ставит перед педагогом задачу профилактики рисков, таких как:

- формирование технократического типа мышления;
- нарушение процессов социализации молодёжи;
- опасность, связанная с замещением обычной среды виртуальной;
- формирование когнитивного диссонанса из-за погружения в большое количество информационных потоков;
- неравенство доступа к цифровым ресурсам у обучающихся;
- снижение учебной мотивации и нарушение процессов самоорганизации [7].

Более того, можно говорить о таких рисках как дегуманизация и маргинализация личности, редукция потребностно-мотивационной сферы, усложнение передачи ценностей от одного поколения к другому (межпоколенной трансмиссии).

Минимизации выделенных выше рисков может способствовать такие методы как:

– психолого-педагогическое сопровождение деятельности преподавателей в новых условиях;

– повышение профессиональных цифровых компетенций педагогов;

– внедрение норм и правил цифрового этикета в вузе;

– использование смешанных форм обучения для сохранения живого общения преподавателей и студентов.

Формирование новой дидактики педагогической деятельности должно привести к созданию системы «открытая педагогика», в рамках которой формируется стабильная информационно-образовательная среда со всеми необходимыми для обучения в цифровом пространстве условиями.

Психолого-педагогические условия эффективного функционирования и развития цифровой трансформации образовательных процессов вуза. Процесс регуляции и управления развитием образовательного процесса в рамках данной Концепции целесообразно рассматривать на трех содержательных уровнях:

– на субстанциональном уровне (правовые и нормативные основы образовательного процесса, ценностные и культурные особенности, принципы работы в цифровой среде);

– на функциональном уровне (закономерности, общественные отношения и реально функционирующие педагогические и психологические явления);

– на результативном уровне (формы поведения, методы, психолого-педагогические условия, характеристики систем и подсистем).

Верификации концепции. Цифровая трансформация образовательного процесса вуза сформировала потреб-

ность в цифровых измерителях для мониторинга деятельностных процессов. Измерители должны быть направлены на анализ следующих процессов:

– уровень и процесс развития каждого студента (индивидуальный подход);

– уровень цифровой компетентности педагогов и студентов;

– уровень технологичности и инновационности образовательной среды;

– уровень готовности системы управления к трансформации;

– уровень адаптации субъектов вуза к цифровой трансформации;

– сохранность культурной ментальности и нравственно-духовных ориентиров.

Существует потребность в создании цифровых инструментов для измерения феноменов и процессов развития образовательного процесса вуза в условиях трансформации. Это могут быть Big-data-технологии, программы искусственного интеллекта, позволяющие обрабатывать большие массивы данных с максимальным уровнем эффективности.

Модель психолого-педагогического сопровождения процесса цифровой трансформации образовательного процесса вуза. На основе Концепции представлена Модель психолого-педагогического сопровождения процесса цифровой трансформации образовательного процесса вуза (Рис.1).

В центре внимания данной Модели – концептуальный вопрос о том, как реализовать содержание цифровых трансформационных процессов без рисков дегуманизации, потери культурной ментальности и т. д.

Основные планируемые результаты реализации Модели имеют три направления:

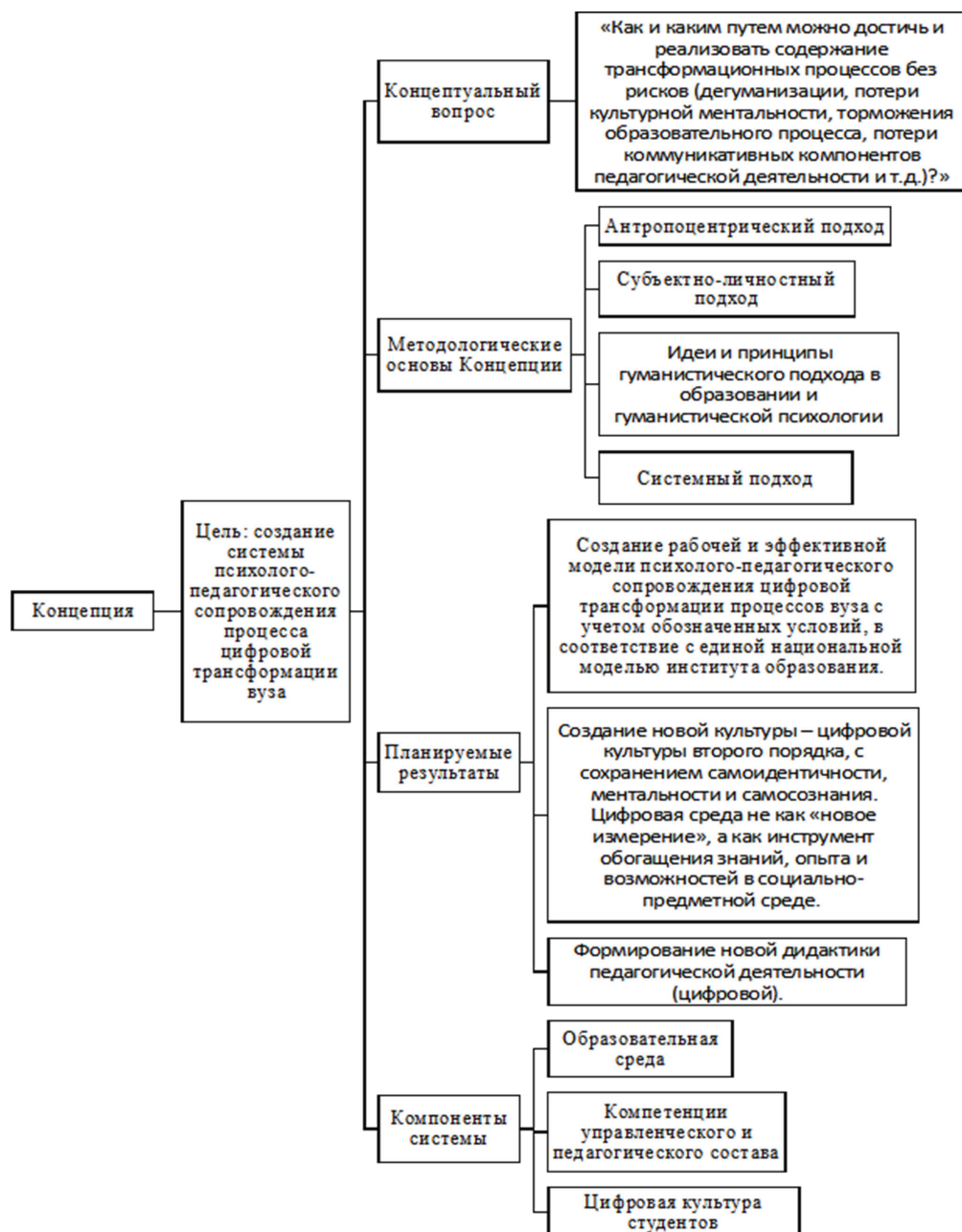

Рис. 1 / Fig. 1. Модель психолого-педагогического сопровождения процесса цифровой трансформации вуза / Model of psychological and pedagogical support for the process of digital transformation of a university

Источник: составлено автором по результатам исследования.

- создание рабочей и эффективной модели психолого-педагогического сопровождения;

- создание цифровой культуры второго порядка;

- формирование цифровой дидактики, и, в частности, цифровой психодидактики.

Реализация предложенной Модели психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации образовательного процесса должна осуществляться путём оказания психологической помощи всем субъектам образовательного процесса при переходе в новые условия цифровой образовательной среды.

Концепция опирается на следующие идеи и методологические принципы:

- 1) антропоцентрический подход: в основе Концепции – человек и традиционные культурно-исторические ценности общества;

- 2) субъектно-личностный подход: в основе Концепции – опора на психологические особенности адаптации субъектов образовательного процесса к новым условиям, заданным цифровой трансформацией;

- 3) идеи и принципы гуманистического подхода в образовании и гуманистической психологии;

- 4) системный подход: в основе Концепции – учёт взаимосвязей всех компонентов системы.

Также в рамках Концепции необходимо определить требования, предъявляемые к её компонентам: образовательной среде, компетенциям управленческого и педагогического состава, учащимся. В отношении педагогического состава необходимо ответить на вопрос: «Каков он, педагог цифрового образования?». Педагог

должен владеть следующими базовыми компетенциями и навыками в рамках цифровой образовательной среды вуза:

- иметь личную потребность в формировании цифровых навыков и компетенций;

- обладать навыком поиска информации, соответствующей теме проводимого занятия;

- уметь оценивать релевантность найденной информации;

- способствовать созданию новой цифровой культуры, основой которой будет сохранение культурной идентичности и ментальности современного российского общества.

Компоненты и содержание цифровой культуры студентов представлены в таблице 1 на нескольких уровнях: эмоционально-ценностном, поведенческом, когнитивном, интеллектуальном и рефлексивном.

Таким образом, трансформационный процесс меняет не только содержание образовательного процесса и всей системы в целом, но и модернизирует психологическую инфраструктуру сферы образования. Для гармоничного перехода образовательного процесса из традиционной формы в цифровую образовательную среду важно найти решение вопроса: «Как и каким путём можно достичь и реализовать содержание трансформационных процессов без рисков дегуманизации, деперсонализации, бегства в цифровое пространство, потери культурной ментальности, потери коммуникативных компонентов педагогической деятельности и т. д.?». Для этого необходимо создавать психолого-педагогические, культурные и нравственные основания новой цифровой

Таблица 1 / Table 1

Компоненты и содержание цифровой культуры студентов / Components and content of students' digital culture

Уровни цифровой культуры	Содержание уровня	Показатели и критерии сформированности компонентов	Мероприятия психолого-педагогического сопровождения цифровой культуры студентов
1. Эмоционально-ценностный уровень (установки, оценки, мотивы, отношения)	– удовлетворение своих информационных потребностей и интересов; – мотивы обращения к различным источникам информации; – выбор приоритетных источников получения необходимой информации; – позитивное отношение при работе с цифровыми и компьютерными технологиями; – способность противостоять давлению извне при выборе информации	– развитая информационная мотивация; – высокий уровень осознания собственных информационных потребностей	– создание открытой внутривузовской цифровой информационной среды; – предоставление возможности получать доступ к необходимой информации как на бумажных носителях, так и в цифровом виде; – повышение мотивации студентов за счёт формирования позитивных установок на достижение успеха в учёбе; – обучение навыкам поиска необходимой информации во всех доступных источниках; – формирование положительного, благоприятного отношения к себе и группе сверстников
2. Поведенческий уровень (реальное и потенциальное поведение в цифровом пространстве)	– выбор источников достоверной информации; – применение полученной информации в профессиональной сфере своей деятельности; – безопасность в Интернете; – культура поведения в цифровом пространстве; – культура делового общения, терпимость к чужому мнению, открытость другим культурам	– уважение к информации, цифровому пространству, мнению других людей; – лёгкость в установлении и поддержании социальных контактов; – соблюдение цифровой этики общения; – умение вести письменное и устное общение	– обучение участников образовательного процесса основам безопасности в Интернете; – обучение навыкам критичного отношения к информации; – обучение культуре поведения в цифровой среде, и особенностям делового общения

Окончание табл. 3

Уровни цифровой культуры	Содержание уровня	Показатели и критерии сформированности компонентов	Мероприятия психолого-педагогического сопровождения цифровой культуры студентов
3. Когнитивный уровень (знания и умения обучающихся)	– информационная, компьютерная и цифровая грамотность; – положительный опыт поиска информации: успешное использование поисковых запросов при работе в сети Интернет; систематизация полученной информации; коммуникативные навыки при работе с информацией в сети	– способность наблюдать, суммировать, отбирать и оценивать факты, здравые суждения; – навык синтеза, обработки и обобщения информационных потоков	– обучение основам цифровой и компьютерной грамотности. – обучение навыкам рефлексии (оценке) поиска и обработки информации
4. Интеллектуально-творческий уровень (культура информационной деятельности)	– самореализация себя через осознанную учебную деятельность; – анализ и реализация профессиональных проектов; – творческое воображение, оригинальное мышление при работе с информацией	– умение принимать собственное решение в типовых и нетиповых ситуациях профессиональной деятельности; – умение творчески перерабатывать информацию	– тренинги умений творчески перерабатывать информацию; – развитие навыков принятия решений; – тренинги креативности
5. Рефлексивный уровень – культура самооценки работы с информацией	– самооценка степени удовлетворения информационных потребностей; – способность к самооценке собственного поведения, действий и результатов поиска информационных запросов	– рефлексия собственного роста	– развитие умений проводить самооценку информационной культуры, удовлетворения информационных потребностей

Источник: составлено автором по результатам исследования.

среды, создавать цифровую культуру образовательной деятельности.

Заключение

В настоящее время наблюдается кризисное состояние системы образования на всех уровнях, что является следствием перехода к цифровым формам и методам обучения. Происходит дистанцирование личности от куль-

турного контекста, вследствие чего запускаются процессы дегуманизации, маргинализации, редукции потребностно-мотивационной сферы субъектов образования, усложняется межпоколенная трансмиссия. Для преодоления этого кризиса важно психолого-педагогическое сопровождение цифровой трансформации вуза с сохранением культурной идентичности

и ментальности системы. При этом в центре внимания должны быть не технологии, а человек как субъект образовательного процесса, т. е. образование должно быть человекоцентрическим (антропоцентрическим).

С приходом цифровой трансформации подвергаются изменениям различные структурные компоненты образовательной системы:

- меняется содержание образования;

- внедряются новые образовательные технологии, меняется оценочная деятельность;

- подвергаются изменениям формы и методы взаимодействия субъектов образовательной деятельности, трансформируется структура управления образовательным процессом.

Для систематизации знаний, раскрывающих проблемные аспекты за-

явленной темы, была сформулирована Концепция психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации образовательного процесса вуза в условиях ментальной культуры и духовно-нравственных ценностей современного российского общества, представлена Модель Концепции.

Представленная Концепция имеет правовое подкрепление¹, а её содержание и цель соответствуют ценностным ориентирам и установкам государственной политики образовательной системы. Современное общество нуждается в гуманистической концепции образования в цифровой среде, в рамках которой целью педагогической деятельности остаётся формирование личности, приверженной гуманистическим традициям, российской ментальности, нравственным принципам и духовным опорам нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бермус А. Г. Актуальные проблемы педагогического образования в эпоху цифровой трансформации: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. №1. С. 1–10. DOI: 10.30853/ped20220003.
2. Божович Л. И. О культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и её значении для современных исследований психологии личности // Вопросы психологии. 1998. №5. С. 108–116.
3. Ванновская О. В. Психолого-педагогические проблемы цифровой трансформации высшего образования в Российской Федерации // Педагогика, психология, общество: от теории к практике. 2022. №1. С. 111–113. DOI: 10.31483/r-105038.
4. Ванновская О. В. Влияние виртуальной реальности на сознание человека с позиций христианской антропологии и современной психологии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2023. №70. С. 90–102. DOI: 10.15382/sturIV202370.90-102.
5. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребёнок. М.: Педагогика-пресс, 1993. 224 с.
6. Гордин А. И., Гордина О. В. Трансгуманизм как следствие возможной тотальной цифровизации образования (опыт психолого-педагогического анализа) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6. №4. С. 537–547. DOI: 10.30853/ped210086.

¹ Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 N 1642 (ред. от 07.07.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования” на 2018–2025 гг.» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71748426> (дата обращения: 25.03.2024).

7. Гриншкун В. В. Необходимость удалённого обучения – стимул для формирования и развития цифровой среды образовательной организации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Информатика и информатизация образования». 2020. №2 (52). С. 9–17. DOI: 10.25688/2072-9014.2020.52.2.01.
8. Груздев М. В., Тарханова И. Ю. Становление «новой дидактики» педагогического образования в условиях глобального технологического обновления и цифровизации // Ярославский педагогический вестник. 2019. №3. С. 47–53. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10415.
9. Гуманистические аспекты взаимодействия субъектов образовательного процесса современного вуза / И. Ю. Елькина, С. В. Есина, Г. Е. Запорожцева, О. А. Комиссарова, Н. А. Рыбакова. М.: Московский университет им. С. Ю. Витте. 2021. 125 с.
10. Долганова О. И., Мирзоян М. В. Многокритериальная оценка готовности вуза к цифровой трансформации // Креативная экономика. 2019. Т. 13. №4. С. 811–826. DOI: 10.18334/ce.13.4.40560.
11. Жигалова О. П. Формирование образовательной среды в условиях цифровой трансформации общества // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 14. №2. С. 69–74. DOI: 10.21209/2658-7114-2019-14-2-69-74.
12. Казанцева Л. А., Калиниченко И. А. Педагогические стратегии субъектного подхода в контексте цифровизации образовательного процесса в образовательных организациях МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. №3. С. 162–167. DOI: 10.24412/2658-638X-2021-3-162-167.
13. Куликова Т. А., Поддубная М. А. Формирование готовности будущего учителя к использованию технологий виртуальной и дополненной реальности в условиях цифровизации образования // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. №3. С. 172–177.
14. Леонтьев А. Н. Философия психологии: из научного наследия. М.: Издательство Московского университета, 1994. 228 с.
15. Леонтьев Д. А., Ханина И. Б. К проблеме общения в работах А. А. Леонтьева // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7. №1. С. 20–27.
16. Маракушина И. Г., Малыхина Е. В., Поляшова Н. В. Обоснование концепции магистратуры по психолого-педагогическому сопровождению субъектов цифровизации образования // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном образовании: сборник научных статей V международно-практической конференции / Ярославль–Минск, 27 апреля 2021 года / под ред. Е. В. Карповой. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. С. 114–117.
17. Монахова Г. А., Монахов Д. Н., Прончев Г. Б. Социальные аспекты трансформации российского образования в условиях цифровизации // Образование и право. 2020. №6. С. 208–214. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10632.
18. Пак Н. И. Ментальный подход к цифровой трансформации образования // Открытое образование. 2021. Т. 25. №5. С. 4–14. DOI: 10.21686/1818-4243-2021-5-4-14.
19. Сергеева М. Г. Исторические предпосылки развития цифровой образовательной среды в российском образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2019. №63-1. С. 294–298.
20. Степанов С. Ю., Оржековский П. А., Ушаков Д. В. Проблема цифровизации и стратегии развития непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2020. №2 (30). С. 2–15. DOI: 10.15393/j5.art.2020.5684.
21. Технологии психолого-педагогического сопровождения, обеспечивающие преемственность организации образовательного процесса в условиях реализации

- современных ФГОС общего образования // Д. В. Лубовский, И. Б. Умняшова, А. Ю. Шеманов, Е. В. Самсонова. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2017. 168 с.
22. Эльконин Д. Б. Размышления о перестройке советской системы образования // Вопросы образования. 2008. №2. С. 5–32.
23. Яковлев Е. В., Яковлева Н. О. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М.: Владос, 2006. 239 с.
24. Bates A. W. Teaching in a Digital Age. Guidelines for designing teaching and learning. Columbia: Bccampus, 2019. 518 p.
25. Gonzalez L., Ozuna C. S. Troublesome knowledge: Identifying barriers to innovate for breakthroughs in learning to teach online // Online Learning. 2021. №25 (3). P. 81–96. DOI: 10.24059/olj.v25i3.2641.
26. Parker J. Palmer, Dwight E. Neuenschwander. The Courage to Teach: Exploring the Inner Landscape of a Teacher's Life // American Journal of Physics. 2020. №68 (1). P. 93–95. DOI: 10.1119/1.19401.

REFERENCES

1. Bermus A. G. [Current Issues of Teacher Education in the Era of Digital Transformation: A Theoretical Review]. In: *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Theoretical and Practical Issues], 2022, vol. 7, no. 1, pp. 1–10. DOI: 10.30853/ped20220003.
2. Bozhovich L. I. [On the cultural-historical concept of L. S. Vygotsky and its significance for modern research in personality psychology]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1998, no. 5, pp. 108–116.
3. Vannovskaya O. V. [Psychological and pedagogical problems of the digital transformation of higher education in the Russian Federation]. In: *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo: ot teorii k praktike* [Pedagogy, Psychology, Society: From Theory to Practice], 2022, no. 1, pp. 111–113. DOI: 10.31483/r-105038.
4. Vannovskaya O. V. [The Influence of Virtual Reality on Human Consciousness from the Positions of Christian Anthropology and Modern Psychology]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology], 2023, no. 70, pp. 90–102. DOI: 10.15382/sturIV202370.90-102.
5. Vygotsky L. S., Luriya A. R. *Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebyonok* [Etudes in the History of Behavior: Monkey. Primitive. Child]. Moscow, Pedagogika-press Publ., 1993. 224 p.
6. Gordin A. I., Gordina O. V. [Transhumanization of Human Consciousness as a Result of Education Digitalization (Psychological and Pedagogical Analysis)]. In: *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Theory & Practice], 2021, vol. 6, no. 4, pp. 537–547. DOI: 10.30853/ped210086.
7. Grinshkun V. V. [Remote learning an incentive for creation and development of educational organization digital environment]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Informatika i informatizaciya obrazovaniya»* [The academic Journal of Moscow City University, series "Informatics and Informatization of Education"], 2020, no. 2 (52). P. 9–17. DOI: 10.25688/2072-9014.2020.52.2.01.
8. Gruzdev M. V., Tarkhanova I. Yu. [Development of Pedagogical Education «New Didactics» in Conditions of Global Technological Updating and Digitalization]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2019, no. 3, pp. 47–53. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10415.

9. Elkina M. S., Esina S. V., Zaporozhceva G. E., Komissarova O. A., Rybakova N. A. *Gumanisticheskie aspekty vzaimodejstviya sub"ektov obrazovatel'nogo processa sovremennogo vuza* [Humanistic aspects of interaction of subjects of the educational process of a modern university]. Moscow, Moscow University named after S. Yu. Witte, 2021. 125 p.
10. Dolganova O. I., Mirzoyan M. V. [Multi-criteria assessment of the university's readiness for digital transformation]. In: *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2019, vol. 13, no. 4, pp. 811–826. DOI: 10.18334/ce.13.4.40560.
11. Zhigalova O. P. [Formation of the educational environment in the conditions of digital transformation of society]. In: *Uchyonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly notes of Transbaikalian State University], 2019, vol. 14, no. 2, pp. 69–74. DOI: 10.21209/2658-7114-2019-14-2-69-74.
12. Kazantseva L. A., Kalinichenko I. A. [Pedagogical strategies of the subjective approach in the context of digitalization of the educational process in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. In: *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti* [Psychology and pedagogics in official activity], 2021, no. 3, pp. 162–167. DOI: 10.24412/2658-638H-2021-3-162-167.
13. Kulikova T. A., Poddubnaya M. A. [Formation of future teachers' readiness for use of virtual and augmented reality technologies in the conditions of education digitalization]. In: *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Newsletter of North-Caucasus Federal University], 2020, no. 3, pp. 172–177.
14. Leontev A. N. *Filosofiya psikhologii: iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of Psychology: from the Scientific Heritage]. Moscow, Moscow University Publishing House, 1994. 228 p.
15. Leontev D. A., Hanina I. B. [The Problem of Communication in the Works of A. A. Leontiev (To the 75th anniversary)]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2011, vol. 7, no. 1, pp. 20–27.
16. Marakushina I. G., Malyhina E. V., Polyashova N. V. [Justification of the concept of a master's degree program in psychological and pedagogical support for subjects of digitalization of education]. In: E. V. Karpova, ed. *Aktual'nye problemy psikhologii i pedagogiki v sovremenном obrazovanii: sbornik nauchnykh statej V mezhdunarodno-prakticheskoy konferencii / Yaroslavl–Minsk, 27 aprelya 2021 goda* [Actual problems of psychology and pedagogy in modern education: collection of scientific articles of the V international practical conference / Yaroslavl–Minsk, April 27, 2021]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, pp. 114–117.
17. Monakhova G. A., Monakhov D. N., Pronchev G. B. [Social aspects of the transformation of Russian education in the context of digitalization]. In: *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2020, no. 6, pp. 208–214. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10632.
18. Pak N. I. [Mental approach to the digital transformation of education]. In: *Otkrytoe obrazovanie* [Open education], 2021, vol. 25, no. 5, pp. 4–14. DOI: 10.21686/1818-4243-2021-5-4-14.
19. Sergeeva M. G. [Historical prerequisites for the development of a digital educational environment in Russian education]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2019, no. 63-1, pp. 294–298.
20. Stepanov S. Yu., Orzhekovsky P. A., Ushakov D. V. [Problems of digitalization and development strategies of lifelong learning]. In: *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Continuous education: XXI century], 2020, no. 2 (30), pp. 2–15. DOI: 10.15393/j5.art.2020.5684.
21. Lubovskij D. V., Umnyashova I. V., Shemanov A. U., Samsonova E. V. *Tekhnologii psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya, obespechivayushchie preemstvennost' organizatsii obrazovatel'nogo processa v usloviyakh realizatsii sovremennykh FGOS obshchego obrazovaniya*

- [Technologies of psychological and pedagogical support that ensure the continuity of the organization of the educational process in the context of the implementation of modern Federal State Educational Standards of General Education: a methodological manual for teaching staff of educational organizations of general education]. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education Publ., 2017. 168 p.
22. Elkonin D. B. [Reflections on the Perestroika of the Soviet Education System]. In: *Voprosy obrazovaniya* [Voprosy obrazovaniia], 2008, no. 2, pp. 5–32.
23. Yakovlev E. V., Yakovleva N. O. *Pedagogicheskaya koncepciya: metodologicheskie aspekty postroeniya* [Pedagogical Concept: Methodological Aspects of Construction]. Moscow, Vldos Publ., 2006. 239 p.
24. Bates A. W. Teaching in a Digital Age. Guidelines for designing teaching and learning. Columbia, Bccampus Publ., 2019. 518 p.
25. Gonzalez L., Ozuna C. S. Troublesome knowledge: Identifying barriers to innovate for breakthroughs in learning to teach online. In: *Online Learning*, 2021, no. 25 (3), pp. 81–96. DOI: 10.24059/olj.v25i3.2641.
26. Parker J. Palmer, Dwight E. Neuenschwander. The Courage to Teach: Exploring the Inner Landscape of a Teacher's Life. In: *American Journal of Physics*, 2020, no. 68 (1), pp. 93–95. DOI: 10.1119/1.19401.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ванновская Ольга Васильевна (Санкт-Петербург) – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина;
e-mail: vannovskaya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7645-6173

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Vannovskaya (St. Petersburg) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of General and Applied Psychology of Pushkin Leningrad State University ;
e-mail: vannovskaya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7645-6173

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

Научная статья

УДК 159.923.5

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-150-162

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ РАБОЧИМ ПРОФЕССИЯМ

Лукина Н. Л., Соловьева Е. А.

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 190005,
Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармейская, д. 4, Российская Федерация; e-mail: lukina.
nataly@mail.ru

Поступила в редакцию 13.03.2024

После доработки 08.04.2024

Принята к публикации 09.04.2024

Аннотация

Цель. Выявить смысложизненные ориентации и интересы молодых людей, обучающихся рабочим профессиям.

Процедура и методы. Участники – обучающиеся средних профессиональных учебных заведений технического профиля (15–17 лет). Всего – 593 человека. В 2014–2015 учебном году – 292 человека: 142 живут и учатся в мегаполисе, 150 – в малом городе. В 2021–2022 учебном году – 301 человек: 163 живут и учатся в мегаполисе, 138 – в малом городе. Использовались «Опросник смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева и «Карта интересов» А. Е. Голомштока.

Результаты. Смысложизненные ориентации подростков, получающих рабочие профессии в средних профессиональных учебных заведениях РФ, соответствуют нижним границам нормативов, существующих для российской выборки. Наблюдается снижение показателей осмысленности жизни обучающихся в период с 2014 по 2022 гг., что проявляется, в частности, в снижении интереса ко многим предметным областям. Выявлены межгрупповые различия: учащиеся средних профессиональных учебных заведений малого города имеют более высокие показатели осмысленности жизни по сравнению с учащимися мегаполиса. Их интересы к школьным предметам в большей степени соответствуют выбору учебного заведения. Эта тенденция не зависит от года исследования.

© СС ВУ Лукина Н. Л., Соловьева Е. А., 2024.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в выявлении тенденций изменений смысловых ориентиров у подростков, получающих рабочую профессию. Эти тенденции связаны с типом пространственного (малый город – мегаполис) и временного (2014 – 2022 гг.) окружения.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, осмысленность жизни, интересы личности, рабочая профессия, малый город, мегаполис

Для цитирования: Лукина Н. Л., Соловьева Е. А. Сравнительное исследование интересов и смысложизненных ориентаций обучающихся рабочим профессиям // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №3. С. 150–162.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-150-162

Original Research Article

COMPARATIVE STUDY OF INTERESTS AND LIFE ORIENTATIONS OF STUDENTS STUDYING FOR BLUE-COLLAR JOBS

N. Lukina, E. Soloveva

*Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, ul. 2nd
ul. Krasnoarmeyskaya, 4, St. Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: lukina.nataly@mail.ru*

Received by the editorial office 13.03.2024

Revised by the author 08.04.2024

Accepted for publication 09.04.2024

Abstract

Aim. To identify the life-meaning orientations and interests of young people studying vocational professions.

Methodology. Participants are students of secondary vocational educational institutions of a technical profile (15–17 years old). A total of 593 people. In the 2014–2015 academic year – 292 people: 142 live and study in a metropolis, 150 – in a small town. In the 2021–2022 academic year, there are 301 people: 163 live and study in a metropolis, 138 in a small town. “Questionnaire of Life Meaning Orientations” by D. Leontyev and “Map of Interests” by A. Golomstock were used in the study.

Results. The life-meaning orientations of adolescents studying working professions in secondary vocational educational institutions of the Russian Federation correspond to the lower limits of the standards existing for the Russian sample. There was a decline in the indicators of life meaningfulness among the students in the period from 2014 to 2022, which was manifested in a decrease in interest in many subject areas. Intergroup differences were revealed: students of secondary vocational educational institutions of a small city have higher rates of life meaningfulness compared to students of a metropolis. Their interest in school subjects is more consistent with their choice of educational institution. This trend is independent of the year of the study.

Research implications. The theoretical significance lies in identifying trends in changes in semantic orientations among adolescents acquiring a working profession, which may be associated with the type of spatial (small town – metropolis) and temporary (2014–2022) environment.

Keywords: life-meaning orientations, meaningfulness of life, personal interests, working profession, small town, metropolis

For citation: Lukina N. L., Solov'eva E. A. Comparative study of interests and life orientations of students studying for blue-collar jobs // Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2024, no. 3. P. 150–162.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-150-162

Введение

Социально-экономическая и демографическая ситуация в стране, специфика современного рынка труда, а также ряд других причин привели к тому, что вновь появилась потребность в специалистах рабочего профиля и оказалось важным понять, как происходит выбор рабочих профессий. По результатам исследования сервиса «Работа.ру» в 2023 г. наиболее востребованными оказались именно такие рабочие профессии – сварщики, токари, электрики. Однако для подростков, осуществляющих свой профессиональный выбор, эти профессии пока не очень привлекательны, несмотря на востребованность и лёгкость трудоустройства. В исследовании мы ставили перед собой задачу изучить особенности интересов и смысложизненных ориентаций подростков, обучающихся рабочим профессиям, что, несомненно, является полезным для понимания того, как происходит выбор рабочей профессии и что надо делать, чтобы этот выбор был привлекателен для молодых людей.

В исследованиях Л. И. Божович (2008), Л. С. Выготского (1984), Д. Н. Завалишиной (2001), И. С. Кона (1989), Л. Ф. Обуховой (2017) и многих других было показано, что в подростковом возрасте обостряется проблема определения смысла и своих ценностных ориентаций в жизни. Для Д. А. Леонтьева смысложизнен-

ные ориентации являются способом построения индивидуумом своей жизнедеятельности в соответствии с присущими ему целями, смыслами, ценностями. Но это также и сложные социально-психологические образования, которые порождаются реальными значимыми жизненными событиями субъекта и задают вектор и границы самореализации личности как субъекта жизненного пути [9]. По мнению Д. Н. Завалишиной, ценностные ориентации указывают на меру причастности человека к обществу, его истории и настоящему, на социальную активность, богатство и разнообразие связей и взаимоотношений с обществом. Они формируют духовный мир личности, систему ценностей человека, включая профессиональное самоопределение [5, с. 65]. Эмпирические исследования, проведённые А. Л. Журавлевым и Т. В. Дробышевой, позволили авторам прийти к заключению, что ценностные ориентации обладают свойствами «гибкости», понимаемой как способность к изменениям в многообразных социальных условиях и к «социальной чувствительности», что предполагает возможность улавливать малозаметные изменения в окружающей социальной среде и адекватно на них реагировать [4]. Работы А. В. Капцова позволяют выделить устойчивый (основные принципы жизни) и динамический (ценности этапа жизни) уровни системы «аксиосферы» человека

[6]. Постоянные изменения, происходящие в жизни, особенности организации предметно-пространственной и социокультурной среды приводят к неминуемым ценностным сдвигам, которые проявляются на уровне ценностей личности и группы. Сказываются они и на таком важном факторе как выбор профессии и профессиональное самоопределение.

Проблема выбора профессии как часть профессионального самоопределения ставилась в работах многих авторов, таких как: М. Х. Титма (1982); Е. И. Головаха (1988); В. И. Крюкова (2004); Э. Ф. Зеер, Н. С. Пряжников, Г. В. Суходольский (2008); Е. А. Климов, Э. Эриксон (2010); А. Г. Гривцов (2011); В. Д. Шадриков (2013); Л. А. Головей (2021). К вопросу выбора профессии исследователи подходят с двух сторон. Рассматривают его как единичный акт принятия решения по конкретному профессиональному выбору и как процесс профессионального самоопределения, в котором этапе принятия решения предшествует подготовительный этап, а за ним следует реализация принятого решения. Являясь основным действующим лицом, человек ведёт себя в этом процессе своеобразно, индивидуализируя для себя ситуацию выбора [2; 3; 16]. По мнению Р. М. Шамионова важной детерминантой социальной активности современных подростков является ценностно-смысловая сфера их личности, структура и содержание которой может различаться в зависимости от региона [18]. Что касается выбора рабочей профессии, то, как показали опросы Е. В. Федосенко, проведённые в 2003–2005 гг., такой выбор часто осуществлялся не из интереса к рабо-

чей профессии, а по банальной причине академической неуспеваемости в школе и поведенческих проблем [17]. Однако с того времени обстоятельства изменились, и хотя престиж рабочих профессий всё ещё недостаточно высок, тем не менее, молодые люди, особенно проживающие в малых городах России, делают выбор рабочих профессий достаточно осознанно [11]. Дополнительной популяризации рабочих профессий способствует внедрение различных государственных программ в систему среднего профессионального образования, а также оснащение лабораторий и мастерских современным оборудованием. Ситуация самоизоляции во время пандемии способствовала расширению перечня электронных образовательных ресурсов и информационных систем, которыми в настоящее время обеспечены обучающиеся. Расширился перечень образовательных программ, осуществляющихся с использованием дистанционных образовательных технологий.

Целью нашего исследования было выявление смысложизненных ориентаций и интересов молодых людей, обучающихся рабочим профессиям и проживающих в различных по численности населения городах. Также мы сопоставили результаты, полученные в разные учебные годы: 2014–2015 и 2021–2022. Таким образом мы постарались учесть две группы факторов, которые могут влиять на динамическую составляющую «аксиосферы» человека: предметно-пространственное окружение (мегаполис – малый город) и связанные с ним социокультурные особенности, и временной фактор – изменения, произошедшие в обществе за семь лет.

Была высказана гипотеза, что социокультурные особенности, связанные с образом жизни в больших или малых городах России, сказываются на системе смыслов и жизненных ценностей в период её формирования в подростковом возрасте. Влияние экономической и социальной ситуации на систему ценностей подростков не должно значительно различаться в зависимости от типа города (мегаполис или малый город), но может заметно различаться в разные временные периоды (2014–2015 и 2021–2022 гг.).

Процедура и методы исследования

Исследование проводилось на базе средних профессиональных учебных заведений технического профиля в мегаполисе (Санкт-Петербург) и малом городе (Балахна, Нижегородская область). Использовался метод «поперечных срезов»: в опросе участвовали первокурсники, поступившие в колледжи в 2014 г. и в 2021 г.

В исследовании приняли участие обучающиеся первого курса в возрасте от 15 до 17 лет, всего 593 человека: в 2014–2015 учебном году – 292 человека, из них 142 жителя мегаполиса, 150 жителей малого города; в 2021–2022 учебном году – 301 человек, из них 163 жителя мегаполиса, 138 жителей малого города.

Возрастной период 15–17 лет Е. А. Климов соотносит с подростковым возрастом, когда важнейшей задачей становится выбор профессии и дальнейшего жизненного пути. В этом возрасте при оценке своих возможностей подросток исходит из ситуации выбора, а не предпочтения какой-то профессии. Идёт осознание, что выбор профессии равнозначен определению

своего будущего и места в обществе. Формируются ценности, являющиеся отражением социального значения профессиональной деятельности [7].

Использовались адаптированный вариант «Опросника смысло-жизненных ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева [8] и «Карта интересов» А. Е. Голомштока. Опросник СЖО включает двадцать полярных утверждений, которые оцениваются по 7-балльной шкале. На основании полученных результатов определяется выраженность трёх смысло-жизненных ориентаций – цели, процесса и результативности жизни – и двух шкал, отражающих локус контроля относительно себя и собственной жизни. Важно отметить, что три смысло-жизненные ориентации показывают условную сосредоточенность смысла на будущем (цель), настоящем (процесс) или прошлом (результат) [8]. Исследования Е. Н. Осина и Н. В. Кошелевой показали, что результаты данного опросника особенно чувствительны к характеру профессиональной деятельности [14]. Методика «Карта интересов» предназначена для изучения интересов и склонностей школьников старших классов в различных сферах деятельности. Она представляет собой список из 174 утверждений, начинающихся словами «Нравится ли Вам...», «Любите ли Вы...», и далее называется сфера деятельности или вид занятия. Предлагается пять вариантов ответов от «очень нравится» до «очень не нравится». Все вопросы характеризуют одну из 29 сфер деятельности¹.

¹ Голомшток А. Е. «Карта интересов». URL: <http://testoteka.narod.ru/prof/1/02.html> (дата обращения: 04.03.2024).

Обсуждение результатов

1. Смысложизненные ориентации подростков, обучающихся рабочим профессиям

Полученные результаты укладываются в нормативы, существующие для российской выборки, хотя и оказываются немного ниже, что может объясняться возрастом наших респондентов. Ещё одним возможным объяснением является низкая самооценка подростков, хотя в нашем исследовании она специально не изучалась, тем не менее, как показало исследование С. Тарджуманян, существует корреляция между результатами СЖО и самооценкой [19].

Сравнение средних показателей по методике СЖО показало, что по всем субшкалам результаты несколько выше у учащихся из малого города. Эта тенденция не зависит от года исследования (табл. 1).

Статистически значимые различия выявлены в отношении следующих субшкал:

- «Процесс жизни» ($t = 3,22, p \leq 0,01$); «Локус контроля – жизнь» ($t = 2,78, p \leq 0,05$); «Общий показатель осмысленности жизни» ($t = 1,97, p \leq 0,05$) за 2014–2015 учебный год [10];
- «Цели в жизни» ($t = 3,74, p \leq 0,01$); «Локус контроля – жизнь» ($t = 2,11, p \leq 0,05$); «Общий показатель осмысленности жизни» ($t = 2,00, p \leq 0,05$) за 2021–2022 учебный год.

Результаты позволяют предположить, что обучающиеся средних профессиональных учебных заведений малого города испытывают более выраженное чувство возможности осуществления контроля своей жизни (субшкала «локус контроля – жизнь»), а также в большей степени ощущают удовлетворённость своей жизнью. Результаты не зависят от учебного года, в котором проводились исследования.

Таблица 1 / Table 1

Показатели СЖО обучающихся средних профессиональных учебных заведений мегаполиса и малого города разных лет поступления / Value indicators of life-meaning orientations for students of secondary vocational educational institutions in a metropolis and a small town in different years of admission

Шкалы	2014				2021			
	мегаполис		малый город		мегаполис		малый город	
	Mean	δ^2	Mean	δ^2	Mean	δ^2	Mean	δ^2
Цели в жизни	27,38	7,13	30,63	6,49	26,24	8,12	30,11	6,9
Процесс жизни	27,73	6,91	30,15	5,82	27,01	7,07	29,17	6,57
Результативность жизни	24,06	5,59	25,47	4,30	23,78	4,99	24,01	5
Локус контроля – Я	19,27	4,18	20,38	4,38	19,01	4,4	19,4	4,71
Локус контроля – жизнь	28,53	6,74	30,53	5,43	27,11	5,52	29,99	6,03
Общий показатель осмысленности жизни	92,56	17,59	101,07	15,68	90,38	19,99	98,49	18,4

Обучающиеся из малого города ощущают процесс своей жизни как более осмысленный, в меру интересный и эмоционально окрашенный по сравнению с обучающимися из мегаполиса. В 2021–2022 учебном году они демонстрировали наличие более выраженных целей в жизни. Схожие различия в системе ценностных ориентаций учащейся молодёжи из провинциального города и столицы были получены в работе Р. М. Шамионова [18]. Можно сделать предположение о более раннем социальном созревании подростков, проживающих в малом городе России.

Для интерпретации «Общего показателя осмысленности жизни» полученные результаты были разделены на группы с высокой, средней и низкой осмысленностью жизни. Высокие значения показателя означают рост осмысленности жизни от прошлого к будущему, повышение значимости социальных ценностей по сравнению с биологическими, наличие адекватной субъективной оценки степени реализованности. Средний уровень ука-

зывает на фиксацию осмысленности жизни в настоящем и на отсутствие доминирующих тенденций в иерархии ценностей (социальных или биологических). Низкий уровень свидетельствует о биологической обусловленности жизненных целей и о неадекватной субъективной оценке степени реализованности [1]. Процентное распределение результатов учащихся средних профессиональных учебных заведений технического направления из Санкт-Петербурга и Балахны по группам с разным уровнем осмысленности жизни представлены в таблице 2.

Результаты подавляющего большинства наших респондентов попали в диапазон средней и низкой осмысленности жизни, что свидетельствует о фиксации на настоящем и, скорее, биологической обусловленности жизненных целей, субъективная оценка степени реализованности недостаточно адекватна.

Напрашивается вывод, что низкие результаты могут объясняться подготовкой к рабочим профессиям (сред-

Таблица 2 / Table 2

Количество обучающихся рабочим профессиям (в %) с выраженностью показателя «осмысленность жизни» в зависимости от места проживания и года поступления /
Number of students studying for blue-collar professions (in%) with varying degrees of
“meaningfulness in life” indicator, depending on place of residence and year of admission

№ п/п	Осмысленность жизни	2014		2021	
		мегаполис (%)	малый город России (%)	мегаполис (%)	малый город России (%)
1	Высокая (более 120 баллов)	5,6	9,3	1,2	7,0
2	Средняя (от 93 до 120 баллов)	47,9	58,7	48,7	56,2
3	Низкая (менее 93 баллов)	46,5	32,0	50,1	36,8

ние профессиональные учебные заведения технического направления).

Однако С. Б. Перевозкин, Ю. М. Перевозкина, изучая студентов вузов, приходят к сходным выводам: для современных студентов более характерна ориентация на настоящее; они живут сегодняшним днём, особо не задумываясь о будущем. В сочетании со снижением значений по субшкале локус контроля «Я» подобная смысловая ориентация демонстрирует, что «субъектам в период молодости свойственны некоторое неверие в собственные силы, слитность «Я» с окружением и ощущение его неотделимости от того, что с ним реально происходит» [15, с. 134].

Из приведённых данных видно, что независимо от года исследования обучающихся с низкой осмысленностью жизни в средних учебных заведениях мегаполиса на 14% больше, чем в малом городе. При этом обучающихся с высокими показателями несколько больше в малом городе, чем в мегаполисе. Данные показатели характеризуют обучающихся малого города как несколько более расположенных к поиску смысла жизни [10]. Тревожным является тот факт, что по сравнению с 2014 г. в 2021 г. снизилось количество обучающихся с высокими значениями показателя «осмысленности жизни» и возросло количество учащихся с низким показателем и в малом городе, и в мегаполисе.

Возможно, обучающиеся мегаполиса демонстрируют более низкие результаты осмысленности жизни вследствие воздействия на них сложной социально-психологической действительности. Жизнь в больших городах характеризуется наличием стрессовых

ситуаций из-за высокого темпа жизни, большим количеством потребляемой информации, не дающей роста интеллектуальности. Общение в больших городах происходит в основном в узком кругу семьи или коллег по работе, социальная солидарность снижена, жизнь отличается анонимностью и индивидуализмом. Жители малых городов находятся в более «комфортных» психологических условиях: более естественный процесс социализации и социальная поддержка; ориентация на семейные ценности; общая «ментальная» культура, объединяющая жителей; преемственность поколений; личностный характер общения и др. [12; 13].

2. Интересы и склонности к различным сферам деятельности подростков, обучающихся рабочим профессиям

Сравнение и анализ результатов выполнения методики «Карта интересов» А. Е. Голомштока показало, что познавательные интересы к основным учебным школьным дисциплинам на начальном этапе профессионального образования и в 2014–2015 учебном году, и в 2021–2022 учебном году характеризуются слабой выраженностью или отрицаются. В табл. 3 представлены качественные и количественные показатели интересов.

Зафиксирована тенденция к снижению интереса ко многим предметным областям у всех обучающихся 2021–2022 учебного года. Прослеживается стойкое отрицание интереса к математике, физике, химии – предметным областям, непосредственно связанным с будущей профессиональной деятельностью. Выявленное совпадение

Таблица 3 / Table 3

Наиболее и наименее привлекательные сферы деятельности для обучающихся разных лет поступления и проживающих в разных по численности городах / The most and least attractive areas of activity for students of different years of admission and living in cities of different sizes

2014				2021			
мегаполис		малый город		мегаполис		малый город	
сфера деятельности	%	сфера деятельности	%	сфера деятельности	%	сфера деятельности	%
Выраженные интересы							
физкультура и спорт	17,6	физкультура и спорт	18,7	строительство	4,1	физкультура и спорт	9,1
строительство	6,3	военные специальности	13,3	физкультура и спорт	4,1	строительство	7,7
сценическое искусство	4,9	техника	10,0	история	4,1	техника	7,7
биология	4,9	строительство	8,7	иностранный язык	4,1	транспорт	7,7
история	4,9	электро- и радиотехника	8,7	музыка	4,1	военные специальности	7,7
Наименее привлекательные интересы							
математика	34,2	математика	36,0	математика	52,0	математика	43,0
физика	31,7	химия	26,0	химия	48,0	литература	42,0
литература	30,3	физика	24,3	физика	44,0	физика	38,1
химия	28,9	литература	20,7	литература	41,7	химия	36,2
иностранный язык	26,1	иностранный язык	20,1	экономика	40,0	геология	35,0

интереса обучающихся мегаполиса и малого города к физической культуре и спорту характеризует раскрытие возрастной специфики (деятельное проявление своей активности) обучающихся средних профессиональных учебных заведений независимо от города проживания.

Можно видеть, что сферы деятельности, интересующие обучающихся средних профессиональных учебных заведений мегаполиса, разрозненны и

далеки от избранной рабочей профессии: сценическое искусство, биология, история, музыка и др. в 2014–2015 учебном году; история, иностранный язык, музыка в 2021–2022 учебном году. Малопривлекательные дисциплины, как правило, имеют равное значение для большинства обучающихся.

В тоже время обучающиеся малого города проявляют меньше отрицания в отношении значимых для будущей профессиональной деятельности

предметных областей. Их выраженные интересы связаны с избранной рабочей профессией: строительство, техника, электро- и радиотехника (2014–2015 учебный год); строительство, техника, транспорт (2021–2022 учебный год).

Выводы

Смыслоразнообразные ориентации подростков, получающих рабочие профессии в средних профессиональных учебных заведениях РФ, соответствуют нижним границам нормативов, существующих для российской выборки. Подавляющее большинство подростков имеют средние или низкие показатели «осмысленности жизни». Обучающимся средних профессиональных учебных заведений, в основном, не интересны абстрактные науки, требующие абстрактного мышления: математика, физика и др. которые, возможно, не были усвоены в школьные годы.

Нам удалось установить различия показателей смысловых ориентаций и интересов подростков, получающих рабочую профессию и проживающих в разных по численности населении городах. Обучающиеся из малого города отличаются от подростков мегаполиса более высокими показателями осмысленности жизни. Их интересы к школьным предметам в большей степени соответствуют выбору учебного заведения. Эта тенденция не зависит от года исследования.

Тем не менее, наблюдается общее снижение показателей осмысленности жизни обучающихся в период с 2014 по 2022 гг., что проявляется, в частности, в снижении интереса ко многим предметным областям.

В то же время можно говорить о наличии практического мышления у обучающихся средних профессиональных учебных заведений малого города. У них наблюдается выраженный интерес к техническим и военным сферам деятельности, что в совокупности с достаточно высоким уровнем внутренней активности может привести к появлению уверенности в возможности овладения избранной рабочей профессией, удачному поиску работы и др.

Таким образом, независимо от года исследования, можно сказать, что при всей внешней активности жизни в мегаполисе, сам подросток становится менее активным, а в малом городе, – наоборот, при всей неспешности образа жизни подростки обладают повышенной внутренней активностью, позволяющей им строить различные планы в отношении своего будущего.

Результаты исследования позволяют высказать предположение о неопределёвшемся интересе к рабочим профессиям у обучающихся мегаполиса и более чётком представлении о своём профессиональном пути у обучающихся малого города.

Имея представления об осмысленности жизни и интересах обучающихся, зависимости уровня этих показателей от социокультурных особенностей, обусловленных типом городской среды (малый город – мегаполис), можно найти подходы и нацелить определяющегося с будущей профессиональной деятельностью подростка на выбор рабочей профессии. Пробуждая интерес к рабочей профессии и помогая найти смысловые ориентиры, можно вновь раскрыть привлекательность рабочей профессии в глазах молодого поколения. В связи с этим, по нашему мнению, весьма акту-

альным является разработка методов и приёмов работы со смыслами с учётом возрастных и личностных особенностей молодых людей, выбирающих для себя обучение в средних профессиональных учебных заведениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Л. Н. Жизненные и профессиональные ценности личности школьников и студентов, будущих профессионалов в современном мире // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2014. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2014-4-852>.
2. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
3. Егоренко Т. А. Профессиональное становление студентов колледжа на этапе их до-профессионального развития // Психолог. 2024. №1. С. 82–91. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.1.69626.
4. Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. Ценностные ориентации формирующейся личности в разные периоды развития российского общества // Психологический журнал. 2010. Т. 31. №5. С. 5–16.
5. Завалишина Д. Н. Динамика ценностно-смыслового отношения субъекта к профессиональной деятельности // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни. 2001. №1. С. 193–203.
6. Капцов А. В. Модель ценностной системы психосоциального человека // Социальная и экономическая психология: в 2 ч. Ч. 1. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 52–57.
7. Климов Е. А. Психология профессионала: избранные психологические труды. Воронеж: МОДЭК, 2003. 454 с.
8. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2006. 18 с.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2009. 511 с.
10. Лукина Н. Л. Смысложизненные ориентации студентов средних учебных заведений Санкт-Петербурга и Балахны // Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам XLVI международной научно-практической конференции. Ч. 2. 2016. №1 (46). С. 91–97.
11. Лукина Н. Л., Соловьева Е. А. Временная перспектива обучающихся средних профессиональных и высших образовательных учреждений // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2019. №3 (55). С. 170–177.
12. Никитский М. В. Социальный климат малых городов России (штрихи к социально-педагогическому аспекту российской глубинки) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета IV: Педагогика–Психология. 2010. №2 (17). С. 57– 67.
13. Овчинников О. Г. Перспективы развития малых городов России в условиях современной политики Правительства России // International agricultural journal. 2022. №2. С. 534–559. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_2_5.
14. Осин Е. Н., Кошелева Н. В. Тест смысложизненных ориентаций: новые данные о структуре и валидности // Вопросы психологии. 2020. №6. С. 150–163.
15. Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Особенности предельных смыслов и смысложизненных ориентаций учащейся молодёжи в зависимости от пола // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. №2 (38). С. 129–138. DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-2-129-138.
16. Титма М. Х. Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль, 1975. 199 с.

17. Федосенко Е. В. Социально-психологические особенности учащихся учреждений начального профессионального образования // Социальная и экономическая психология: в 2 ч. Ч. 1. 2018. №1. С. 237–245.
18. Шамионов Р. М. Ценностно-смысловые ориентации как основания социальной активности молодёжи // Социальная и экономическая психология: в 2 ч. Ч. 1. 2018. №1. С. 423–428.
19. Tarjumanyan S. The interrelationship of meaning-life orientations and self-esteem among people with parental deprivation // Scientific Artsakh. 2022. №3 (14). P. 184–190. DOI: 10.52063/25792652-2022.3.14-184.

REFERENCES

1. Antonova L. N. [Vital and professional values of students, future professionals in the modern world]. In: *Elektronnyj zhurnal «Vestnik MGOU»* [Electronic journal “Bulletin of MGOU”], 2014, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.04.2024). DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2014-4-852>.
2. Bodrov V. A. *Psihologiya professional'noj prigodnosti* [Psychology of professional efficiency]. Moscow, PER SE Publ., 2001. 511 p.
3. Egorenko T. A. [Professional formation of college students at the stage of their pre-professional development]. In: *Psiholog* [Psychologist], 2024, no. 1, pp. 82–91. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.1.69626.
4. Zhuravlev A. L., Drobysheva T. V. [Value orientations of emerging personality in different periods of Russian society development]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2010, vol. 31, no. 5, pp. 5–16.
5. Zavalishina D. N. [Dynamics of value-semantic attitude of subjects to professional activity]. In: *Psihologicheskie, filosofskie i religioznye aspekty smysla zhizni* [Psychological, philosophical and important aspects of the meaning of life], 2001, no. 1, pp. 193–203.
6. Kaptsov A. V. [Model of the value of psychosocial person]. In: *Social'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and economic psychology]: in 2 pt. Pt. 1. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 52–57.
7. Klimov E. A. *Psihologiya professionala: izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology of a professional: selected psychological works]. Voronezh, MODEK Publ., 2003. 454 p.
8. Leontev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientacij* [Test of life-meaning orientations]. Moscow, Smysl Publ., 2006. 18 p.
9. Leontev D. A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of meaningful reality]. Moscow, Smysl Publ., 2009. 511 p.
10. Lukina N. L. [Life-meaning orientations of students of secondary pedagogical educational institutions of St. Petersburg and Balakhna]. In: *Nauchnaya diskussiya: voprosy pedagogiki i psikhologii: sbornik statej po materialam XLVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Scientific discussion: issues and psychology: a collection of articles based on the materials of the XLVI International scientific and practical conference]. Pt. 2, 2016, no. 1 (46), pp. 91–97.
11. Lukina N. L., Soloveva E. A. [The time perspective of students in secondary vocational and higher educational institutions]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyah* [New in psychological and pedagogical research], 2019, no. 3 (55), pp. 170–177.
12. Nikitsky M. V. [Social climate in Russian small towns (some social-pedagogical features of Russian province)]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta IV: Pedagogika–Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology], 2010, no. 2 (17), pp. 57–67.

13. Ovchinnikov O. G. [Prospects for the development of small towns in Russia under the conditions of the modern policy of the government of Russia]. In: *International agricultural journal* [International Agricultural Journal], 2022, no. 2, pp. 534–559. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_2_5.
14. Osin E. N., Kosheleva N. V. [Noetic orientations test: new data on structure and validity]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2020, no. 6, pp. 150–163.
15. Perevozkin S. B., Perevozkina Yu. M. [Characteristics of the ultimate meanings and students' life-purpose orientations depending on gender]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya* [Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2021, vol. 10, no. 2 (38), pp. 129–138. DOI 10.18500/2304-9790-2021-10-2-129-138.
16. Titma M. H. *Vybor professii kak social'naya problema* [Choice of profession as a social problem]. Moscow, Mysl Publ., 1975. 199 p.
17. Fedosenko E. V. [Social and psychological peculiarities of students of initial vocational education]. In: *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Social and Economic Psychology]: in 2 pt. Pt. 1. 2018, no. 1, pp. 237–245.
18. Shamionov R. M. [Value-semantic orientations as the basis for social activity of young people]. In: *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Social and Economic Psychology]: in 2 pt. Pt. 1, 2018, no. 1, pp. 423–428.
19. Tarjumanyan S. The interrelationship of meaning-life orientations and self-esteem among people with parental deprivation. In: *Scientific Artsakh*, 2022, no. 3 (14), pp. 184–190. DOI: 10.52063/25792652-2022.3.14-184.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукина Наталья Леонидовна (Санкт-Петербург) – старший преподаватель кафедры технологии строительного производства Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
e-mail: lukina.nataly@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9427-0823

Соловьева Елена Анатольевна (Санкт-Петербург) – кандидат психологических наук, доцент кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
e-mail: elena_solovyeva@mail.ru; ORCID 0000-0003-1114-896X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia L. Lukina (Saint Petersburg) – Senior Lecturer, Department of Technology of Building Production of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
e-mail: lukina.nataly@mail.ru; ORCID 0000-0002-9427-0823

Elena A. Solov'eva (Saint Petersburg) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
e-mail: elena_solovyeva@mail.ru; ORCID 0000-0003-1114-896X

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-163-177

СТРАТЕГИЯ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ПРЕДИКТОР УСПЕШНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Щербакова Т. Н.¹, Мариненко Т. Ю.¹, Мисиров Д. Н.²

¹ Донской государственный технический университет, 344000, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1, Российская Федерация

² Южный федеральный университет, 344006, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, Российская Федерация; e-mail: dmisirov@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.02.2024

После доработки 19.03.2024

Принята к публикации 01.04.2024

Аннотация

Цель данной работы заключается в изучении субъективных детерминант успешной повторной профессионализации личности, таких как: самооффективность, жизнеспособность, копинг-стратегии.

Процедура и методы. Сопоставляются результаты изучения содержания представлений об успехе, выраженности жизнестойкости, самооценки эффективности предпочитаемых копинг-стратегий у магистров с разным уровнем успешности на этапе репрофессионализации. С помощью U-критерия Манна-Уитни производилось сравнение средних данных по двум группам респондентов; корреляционный анализ по Спирмену позволил выявить наличие статистически достоверных различий выраженности субъективных детерминант успешности личности на этапе репрофессионализации у успешных и менее успешных респондентов-магистров. Состав выборки: магистры, имеющие непрофильное первое образование и принявшие решение об освоении другой профессии (N = 222; 25–35 лет). Диагностические методики: «Тест жизнестойкости» (методика С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева); «Шкала общей самооффективности» (Р. Шварцера, М. Ерусалема; в адаптации В. Г. Ромека); опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана; анкета «Факторы успеха» (Т. Н. Щербакова).

Результаты. Определены особенности стратегий совладающего поведения у лиц с разной степенью успешности в ситуации повторной профессионализации. Показано наличие связи предпочитаемой копинг-стратегии с самооффективностью и жизнестойкостью субъекта репрофессионализации. Выявлены различия в выбираемых копинг-стратегиях, а также уровни самооффективности и жизнестойкости у успешных и менее успешных магистров на этапе освоения новой профессии, оказывающие влияние на эффективность учебно-профессиональной деятельности. Установлено, что более успешные магистры чаще выбирают в качестве копинг-стратегий «принятие ответственности», «планирование решения проблем». Среди значимых факторов успеха магистранты выделяют прежде всего креативность, способность к достижению цели, стремление к самореализации.

© СС ВУ Щербакова Т. Н., Мариненко Т. Ю., Мисиров Д. Н., 2024.

Выявлено наличие у менее успешных магистров прямой положительной взаимосвязи между самоэффективностью и такими стратегиями копинг-поведения, как «поиск социальной поддержки» и «бегство-избегание», обратная отрицательная связь между самоэффективностью и копинг-стратегией «принятие ответственности».

Теоретическая и/или практическая значимость. Определение значимых показателей субъективных предикторов успешности личности в условиях профессиональной мобильности дополняет представления о роли конструктивных копинг-стратегий в организации продуктивной активности субъекта репрофессионализации. Комплексный анализ ресурсов и рисков различных копинг-стратегий и взаимосвязи с другими предикторами успешности с использованием методов математической статистики позволяет определить систему поведенческих стратегий и личностных характеристик, необходимых для успешности в ситуации профессиональной мобильности. На основе данных проведённого эмпирического исследования, связанного с изучением особенностей стратегий совладающего поведения у лиц с повторной профессионализацией, разработана программа психологического сопровождения магистров, выбирающих новую профессиональную сферу. Данная программа включает диагностический блок выявления индивидуальных затруднений и рисков и тренинг конструктивного совладающего поведения.

Ключевые слова: жизнестойкость; предикторы выбора; профессиональная мобильность; самоэффективность; стратегии совладающего поведения

Для цитирования: Щербакowa Т. Н., Мариненко Т. Ю., Мисиров Д. Н. Стратегия совладающего поведения как предиктор успешности личности в условиях профессиональной мобильности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №3. С. 163–177.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-163-177

Original Research Article

COPING STRATEGY AS A PREDICTOR OF INDIVIDUAL SUCCESS IN CONDITIONS OF PROFESSIONAL MOBILITY

T. Shcherbakova¹, T. Marinenko¹, D. Misirov²

¹ Don State Technical University, 344000, Rostov region, Rostov-on-Don, pl. Gagarina, 1, Russian Federation

² Southern Federal University, 344006, Rostov region, Rostov-on-Don, st. Bolshaya Sadovaya, 105/42, Russian Federation; e-mail: dmisirov@yandex.ru

Received by the editorial office 02.02.2024

Revised by the author 19.03.2024

Accepted for publication 01.04.2024

Abstract

Aim. To study such subjective determinants of successful re-professionalization of an individual as self-efficacy, vitality, coping strategies.

Methodology. The results of studying the content of ideas about success, the severity of resilience, self-assessment of effectiveness of preferred coping strategies among Masters with

different levels of success at the stage of re-professionalization are compared. Using the Mann-Whitney U test, average data for two groups of respondents were compared; Spearman's correlation analysis revealed the presence of statistically significant differences in the severity of subjective determinants of personal success at the stage of re-professionalization among successful and less successful Master's respondents. Sample composition is Master's students who have a non-major first education and have decided to master another profession (N = 222; 25-35 years old). Diagnostic methods: Vitality test (Methodology by S. Maddi, adaptation by D. A. Leontyev); General self-efficacy scale (R. Schwarzer, M. Yerusalem; adapted by V. G. Romek); Questionnaire "Methods of coping behavior" by R. Lazarus and S. Folkman; Questionnaire "Success Factors" (T. N. Shcherbakova).

Results. The features of coping behavior strategies in individuals with varying degrees of success in the situation of re-professionalization are determined. It is shown that there is a connection between the preferred coping strategy and the self-efficacy and resilience of the subject of reprofessionalization. Differences were identified in the chosen coping strategies, as well as the level of self-efficacy and resilience among successful and less successful masters at the stage of mastering a new profession, which influence the effectiveness of educational and professional activities. It has been established that more successful masters more often choose "taking responsibility" and "planning to solve problems" as coping strategies. Among the significant success factors, undergraduates highlight, first of all, creativity, ability to achieve goals, and desire for self-realization. It was revealed that among less successful Master's students there is a direct positive correlation between self-efficacy and such coping behavior strategies as "seeking social support" and "escape-avoidance", and an inverse negative relationship between self-efficacy and the coping strategy "taking responsibility".

Research implications. Determining significant indicators of subjective predictors of individual success in conditions of professional mobility complements the understanding of the role of constructive coping strategies in organizing the productive activity of the subject of re-professionalization. A comprehensive analysis of resources and risks of various coping strategies and correlation with other predictors of success using mathematical statistics methods allows us to determine a system of behavioral strategies and personal characteristics necessary for success in a situation of professional mobility. Based on the data from the empirical study related to the study of the characteristics of coping behavior strategies in people with re-professionalization, a program of psychological support for masters choosing a new professional field has been developed. This program includes a diagnostic block for identifying individual difficulties and risks and training in constructive coping behavior.

Keywords: resilience; predictors of choice; professional mobility; self-efficacy; coping strategies

For citation: Shcherbakova T. N., Marinenko T. Yu., Misirov D. Yu. Coping strategy as a predictor of individual success in conditions of professional mobility // Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2024, no. 3. P. 163–177.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-163-177

Введение

На современном этапе развития психологической науки особую актуальность приобретают вопросы изучения субъективных предикторов успешности личности в ситуации горизонталь-

ной профессиональной мобильности. Это обусловлено тем, что в условиях динамичного рынка труда человеку необходима внутренняя готовность к повторному самоопределению и смене профессии в ответ на вызовы новой

реальности. В связи с тем, что ситуация смены профессии, как правило, содержит и стрессогенные факторы, связанные с изменением привычного образа жизни и необходимостью выхода за границы комфорта, значимым является выявление возможностей стратегий совладающего поведения для сохранения психологического благополучия личности. Самореализация в профессиональной сфере наделяется личностным смыслом, интегрирует субъективные ресурсы с требованиями транспрофессионализма в условиях рынка труда современного общества. Многочисленные исследования психологов свидетельствуют о том, что успешная самореализация на протяжении жизненного пути в изменяющемся мире связана с развитием жизнестойкости, готовностью к переменам, уверенностью в самоэффективности, способностью делать взвешенные выборы и выбирать модели поведения, адекватные требованиям времени и специфике трансформаций в процессе модернизации в цифровом обществе [2; 7].

Актуальность изучения данной проблематики обусловлена интенсификацией модернизации современного российского рынка труда, что требует поиска новых путей и способов активизации личностных ресурсов успешного профессионального самоопределения в новых условиях. Субъект профессионального самоопределения и сегодня стоит перед необходимостью корректировать свои жизненные планы и свой путь в профессиональном пространстве. Психологи подчёркивают, что процесс профессионализации приобретает перманентный характер, что, с одной стороны, способствует максимальной реализации

своих ресурсов, а с другой – заставляет концентрироваться на преодолении препятствий в социальной и профессиональной среде и адаптации, на совладании со стрессом и нестандартными ситуациями [11].

В настоящее время важное значение приобретает поиск способов развития психологической готовности человека к профессиональным трансформациям в ситуации мобильности и неопределённости и, одновременно, ориентации на развитие устойчивых социально-экономических систем. В данном контексте была поставлена цель исследования – изучить субъективные детерминанты успешной повторной профессионализации личности: самоэффективность, жизнеспособность, копинг-стратегии. Реализация цели потребовала решения следующих исследовательских задач:

- теоретического анализа современного изучения проблемы ресурса стратегий совладающего поведения как фактора успешности личности в условиях профессиональной мобильности;
- формирования пакета адекватного предмету исследования диагностического инструментария;
- проведение эмпирического изучения, выявления особенностей стратегий совладающего поведения как предиктора успешности личности на этапе репрофессионализации.

Анализ проблемы

В новой социальной реальности для успешности субъекта важно рефлексировать свои жизненные перспективы в соотношении с самоэффективностью, находя новые направления самореализации на рынке труда.

С точки зрения психологов, успешность профессионализации определя-

ется целым комплексом переменных: способностями, ресурсами, компетентностью, активностью, жизнестойкостью, креативностью и уровнем одарённости в контексте транспрофессионализации [10].

С точки зрения психологов, процесс профессионализации личности включает выработку адекватных профессиональных ориентаций, а также освоение компетенций, в соответствии с требованиями инновационных технологий, стандарта по специальности и социальными ожиданиями.

Профессионализация сегодня рассматривается в совокупности с принятием и освоением субъектом деятельности профессиональной роли, идентификацией с определённой группой профессионалов, а также с проявлением поисковой активности, направленной на определение своего места в пространстве профессии, на формирование собственного стиля деятельности, понимание возможного профессионального образа-Я [5; 7].

В контексте современных рисков подчёркивается значимость необходимости формирования индивидуального набора механизмов выбора конструктивных копинг-стратегий в процессе психологической пристройки в ходе освоения различных профессиональных сфер с учётом индивидуальных характеристик [1]. Стратегии совладающего поведения рассматриваются с точки зрения их ресурсности в ситуации репрофессионализации.

В ходе профессионализации сегодня в условиях мобильности личность сталкивается с проблемными ситуациями разного класса, и способность их конструктивного преодоления является важной составляющей успеха

самореализации человека в профессиональной жизни.

В условиях горизонтальной мобильности репрофессионализация человека поддерживается на уровне государственной политики и социального моделирования за счёт развития системы профессиональной переподготовки, реализации программ магистратуры и переквалификации на уровне взрослой личности, что расширяет индивидуальные горизонты возможностей самоактуализации.

Повторная профессионализация может способствовать самореализации личности в профессиональном пространстве, развитию интересов, ценностных ориентаций образа себя как субъекта деятельности [8; 9].

Вместе с тем психологи подчёркивают, что вынужденная смена типа профессиональной деятельности может провоцировать кризис адаптации, сомнения в самоэффективности, непродуктивную трансформацию жизненных планов в изменяющихся условиях индивидуального бытия. Анализ современных психологических исследований кризиса в ситуации смены профессиональной деятельности показывает, что основное внимание уделяется порождаемым им эмоциональным эффектам, а также техникам преодоления кризисных ситуаций, тогда как недостаточно работ, в которых представлена внутренняя детерминация активности преодоления [12; 17].

Исследование психологических механизмов преодоления кризиса в ситуации профессиональной мобильности позволяет выявить внутренние предикторы выбора конструктивной стратегии, способствующей достижению успеха и личностному росту.

Психологи акцентируют внимание на уверенности в своих силах, жизнестойкости и ресурсах конструктивного копинга как факторах, способствующих устойчивости субъекта в кризисных ситуациях и продуктивному решению трудных жизненных задач и личностному росту [13; 16].

Полученные в психологических исследованиях результаты позволяют говорить о взаимосвязи личностных характеристик, конструктивных копинг-стратегий и адаптации при повторной профессионализации, которая отражается практически на всех аспектах жизнедеятельности субъекта [15].

В современной психологии доказано, что жизнестойкость может выступать системообразующим фактором в системе предикторов адаптации субъекта к условиям профессиональной мобильности. Эта характеристика позволяет компенсировать и преодолевать ограничения ситуации неопределённости и влияет на устойчивость преобразующей активности субъекта в ситуации смены профессиональной деятельности, адаптируясь к её требованиям, даёт возможность справляться с высокой стрессовой нагрузкой и эмоциональным напряжением, поэтому важно понимание детерминант жизнестойкости личности [14].

Индивидуальные перспективы горизонтальной профессиональной мобильности в психологических исследованиях связываются с личностным потенциалом, среди личностных ресурсов особо выделяется жизнестойкость, обеспечивающая адаптацию к новым условиям и продуктивность деятельности за счёт вовлечённости, проявления субъектности в контроле событий собственной жизни, рефлексии опыта и

переноса в контекст новых ситуаций и готовности к принятию риска [18].

Вовлечённость субъекта в процесс повторной профессионализации позволяет эффективно моделировать оптимальные схемы активности, выбирать продуктивные копинг-стратегии, адекватно оценивать результаты и корректировать активность, видеть значимые для достижения цели внешние и внутренние условия.

Способность субъекта репрофессионализации к принятию риска и умение адекватно действовать в данных ситуациях связана с моделированием и оценкой результатов, адекватной оценкой своей активности на основе устойчивых субъективных критериев.

В исследованиях психологов показано, что в период повторной профессионализации большое значение имеют целеустремлённость, осмысленность жизни, эмоциональная насыщенность самого процесса, высокий уровень планирования будущего, чёткие жизненные цели.

Выделенные в психологии стратегии совладающего поведения отличаются особенностями адаптационных ресурсов в условиях смены профессиональной деятельности. При этом одни стратегии с высокой степенью вероятности облегчают адаптацию к новым условиям деятельности, а другие не решают эту проблему, что имеет непосредственную связь с личностными характеристиками [3].

Трансформация профессиональной среды, инновационное технологическое развитие, многозначность вариантов профессионального развития порождают необходимость перестройки поведенческих конструктов субъектов профессионализации.

В настоящее время определённое количество людей, освоивших профессию, впоследствии переживают неудовлетворённость своей профессиональной жизнью и уровнем самоактуализации. Это побуждает субъекта профессионализации искать способы разрешения этой ситуации и реализации своего внутреннего потенциала в новой профессиональной сфере. Проблема заключается в выборе как наиболее оптимального способа конструктивного разрешения внутриличностного конфликта, так и соответствующей копинг-стратегии. В противном случае при необходимости смены профессии может возникать психическое напряжение, развиваться стрессы, депрессия, деструктивные реакции и снижение жизненной эффективности. Страх неэффективности, потери работы, может вызывать барьеры профессионализации молодёжи в условиях мобильности и проблемы депрофессионализации, эмоциональные сбои в системе адаптации субъекта [4; 19].

Внутриличностный конфликт при смене профессии связан с недостаточной готовностью к риску и принятию перемен, в связи с этим значимым фактором успеха личности в условиях профессиональной мобильности является готовность к изменениям в своей жизни, что повышает её востребованность на современном рынке труда.

В ситуации ориентации на повышение качества жизни субъект стремится реализовывать профессиональные планы, воплощение которых приносит не только материальное благополучие, но и психологическое удовлетворение, а также признание со стороны референтных лиц, что может стать субъ-

ективной платформой для принятия решения о смене профессии.

Исследования психологов показывают, что в ситуации профессиональной мобильности успешность личности во многом связана с рефлексивными способностями, умением выдвигать новые приоритеты и трансформировать личные цели. В ситуации неопределённости может усложниться достижение успеха, и дальнейшая самореализация личности во многом будет зависеть от адекватности выбираемых стратегий совладания.

Жизнестойкость, наличие конструктивных копинг-стратегий повышают вероятность успешной адаптации и эффективности субъекта в новом профессиональном пространстве.

Важное значение в успешности репрофессионализации субъекта играет качественное психологическое сопровождение. В связи с этим актуализируется задача создания соответствующих программ психологического сопровождения и консультирования персонала разного типа на этапе смены профессии как компонента системы организационного карьерного планирования, реализации профессиональной перспективы и развития человеческого капитала. Перспективным направлением в данном проблемном поле может стать изучение психологической готовности субъекта репрофессионализации к выбору конструктивных копинг-стратегий в условиях профессиональной мобильности.

Процедура и методы исследования

Цель исследования – изучить субъективные детерминанты успешной повторной профессионализации личности: самооффективность, жизнеспособность, копинг-стратегии.

Для реализации цели исследования были использованы следующие диагностические методики:

1. «Тест жизнестойкости» (методика С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева), «Тест жизнестойкости» (Леонтьев, Рассказова, 2006).

2. «Шкала общей самооффективности» (Р. Шварцер, М. Ерусалем в адаптации В. Г. Ромека).

3. Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана.

4. Анкета «Факторы успеха» (Т. Н. Щербакова).

Сравнение средних данных проводилось по U-критерию Манна-Уитни, а также осуществлялся корреляционный анализ по Спирмену.

Выборку исследования составили магистры в возрасте 25–35 лет в количестве 150 человек. Исследование проводилось в рамках профессиональной подготовки по программам магистратуры по направлению «Психология» на базе ЮФУ и ДГТУ. Выборка была

сформирована из магистров, имеющих непрофильное первое образование и принявших решение об освоении другой профессии.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ анкетирования позволяет увидеть содержательные аспекты представлений магистров о факторах успеха. Оказалось, что 36% респондентов-магистров выделяют в числе приоритетных предикторов успеха «способность достигать цель»; 32% называют «креативность»; 10% считают, что вероятность успеха подразумевает наличие у субъекта «готовности к новизне»; 22% из них акцентируют внимание на значении «стремления к самореализации».

Далее выяснялось, как содержание представлений магистров о факторах успеха соотносится с выраженностью содержательно релевантных характеристик у респондентов, находящихся на разных уровнях успешности. На

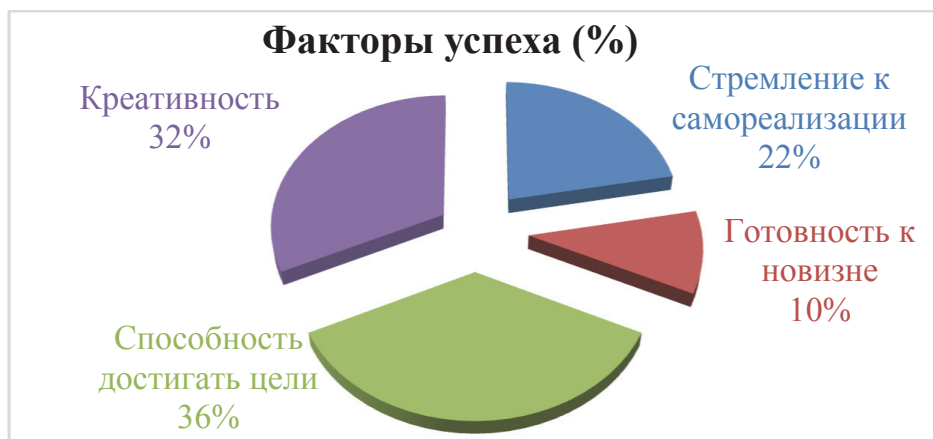

Рис. 1 / Fig. 1 Представление о факторах успеха магистров на этапе репрофессионализации / Idea of success factors of Masters at the stage of re-professionalization

основе анализа портфолио респондентов, отражающего не только академическую успешность, но и социальную активность, результативность функционирования в учебно-профессиональном пространстве, а также результатов исследования самоофективности магистров и субъективной оценки своей успешности условно были выделены группы: «успешные» и «менее успешные».

Диагностика самоофективности позволяет выявить степень уверенности субъекта в том, что он способен действовать целеустремлённо и эффективно для достижения желаемого результата и успеха.

Корреляционный анализ результатов позволил выявить наличие умеренной положительной связи между самоофективностью и субъективной оценкой успешности (0,51 при $p < 0,05$). Интересно, что успешность повторной профессионализации прямо пропорционально связана с самоофективностью.

На уровне теоретического анализа показано, что жизнестойкость является субъективным фактором, способствующим адаптации к ситуации профессиональной мобильности и сохранению эффективной активности

в процессе смены профессии за счёт контроля над эмоциональными переживаниями.

Данные по тесту жизнестойкости дают представление о способности личности активно и гибко действовать в ситуации стресса и затруднений, выраженность показателей по группам представлена графически (рис. 2).

Сравнительный анализ шкал жизнестойкости показал наличие различия выраженности средних значений у «успешных» и «менее успешных» магистров: выявилось существенное преимущество первой группы респондентов по показателям общей жизнестойкости и по показателям выраженности принятия риска и контроля: у успешных выше, чем у неуспешных.

Наибольшие различия средних значений между группой «успешных» и «менее успешных» выявлены по шкале «вовлечённость». Таким образом, можно заключить, что вовлечённость в процесс усиливает шансы личности более полно использовать свой потенциал, а контроль и готовность рисковать облегчает адаптацию к новому профессиональному выбору.

В связи с тем, что решение сменить профессию влияет на трансформацию

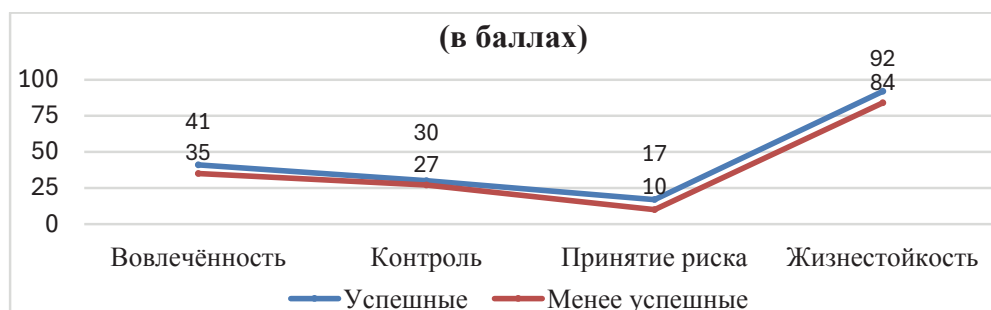

Рис. 2 / Fig. 2. Показатели жизнестойкости у магистров, осваивающих новую профессию / Indicators of resilience among Masters acquiring a new profession

многих аспектов жизнедеятельности и является проблемной ситуацией, требует от человека способности искать способы решения возникающих проблем, важно выявление профиля выраженности копинг-стратегий у магистров, получающих новую профессию и имеющих разный уровень успешности.

Изучение выбираемых типов копинг-стратегий с помощью методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана показало наличие различий у групп респондентов (рис. 3).

Анализ используемых способов совладающего поведения респондентами двух групп с разным уровнем успешности повторной профессионализации показал, что выраженность способов совладания в основном находится в пределах средних значений. Группы респондентов-магистров, находящихся в ситуации повторной профессионализации, выбирают широкий спектр

копинг-стратегий, что может рассматриваться как ресурс адаптивности.

У обеих групп респондентов в кластер предпочитаемых попали такие стратегии, как: «принятие ответственности», «бегство-избегание», «дистанцирование», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка». Среди менее выраженных оказались такие, как «поиск социальной поддержки» и «самоконтроль».

Группа успешных респондентов-магистров демонстрирует более высокие показатели по сравнению с менее успешными по таким стратегиям совладания, как «принятие ответственности», «избегание», «дистанцирование», «планирование решения проблемы», «конфронтация». Тогда как у менее успешных респондентов-магистров больше, чем у успешных выражены «поиск поддержки», «положительная переоценка».

В ситуации смены профессии менее успешные магистранты в большей

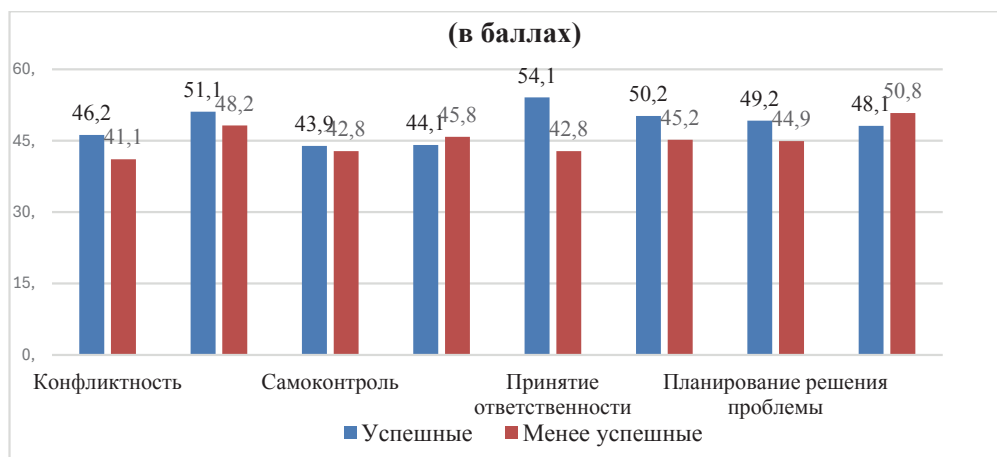

Рис. 3 / Fig. 3. Сравнительный анализ стратегий совладания групп респондентов-магистров с разным уровнем успешности / Comparative analysis of coping strategies of groups of respondents-Masters with different levels of success

степени ориентируются на поддержку извне, ждут позитивных перемен и проявляют меньше активности по актуализации внутренних ресурсов.

У группы успешных магистров наиболее выраженными оказались стратегии копинга, связанные с готовностью принимать ответственность и искать эффективное решение проблем. Эта эмпирическая картина отражает тенденцию к активному использованию внутренних ресурсов, веру в целесообразность полагаться на самого себя, что позволяет быстрее адаптироваться и быть продуктивным.

Проведённый корреляционный анализ выявил прямые положительные связи между самооффективностью и жизнестойкостью (0,51), вовлечённостью (0,57) при $p < 0,05$ у успешных респондентов.

В группе менее успешных выявлены прямые положительные взаимосвязи между самооффективностью и такими стратегиями копинг-поведения, как «поиск социальной поддержки» ($r = 0,47$) и «бегство-избегание» ($r = 0,41$), при $p < 0,01$.

Респонденты данной группы готовы принимать помощь и поддержку со стороны, но сами чаще проявляют пассивность и избегание принятия ответственности, о чём свидетельствует обратная отрицательная связь между самооффективностью и копинг-стратегией «принятие ответственности» ($r = -0,35$).

Статистически достоверные различия у успешных и менее успешных респондентов-магистров выявлены по шкалам «принятие ответственности», «бегство-избегание», «жизнестойкость», «вовлечённость» по критерию Манна-Уитни.

Таким образом, в качестве субъективных детерминант успешной повторной профессионализации личности выступают самооффективность, выраженные компоненты жизнестойкости, конструктивные копинг-стратегии. Использование конструктивных копинг-стратегий повышает ресурсность и успешность субъекта в условиях профессиональной мобильности.

Заключение

На уровне эмпирического исследования можно выделить ресурсы и риски выбираемых стратегий копинг-поведения субъектов повторной профессионализации, которые рассматриваются как детерминанты уровня их успешности в процессе освоения новой профессии.

Успешность повторной профессионализации связана с выраженной самооффективностью, поэтому есть смысл закладывать развитие этого параметра в программы психологического сопровождения субъекта в условиях повышенной профессиональной мобильности.

Показатели общей жизнестойкости, вовлечённость в процесс репрофессионализации, способность контролировать происходящее и свою активность в новом профессиональном поле, готовность к принятию риска становятся для субъекта деятельности внутренними предикторами успеха.

Магистры, демонстрирующие успешность в процесс освоения новой профессиональной области, используют достаточно широкий спектр конструктивных копинг-стратегий, напротив, менее успешные чаще прибегают к пассивным стратегиям.

В современных условиях существует противоречие между ярко выраженной необходимостью психологического сопровождения субъектов, оказавшихся в ситуации смены профессиональной ориентации, и дефицитом продуктивных персонифицированных программ развития необходимых характеристик личности для успешной адаптации в этот период.

Для построения действенных программ психологического сопровождения субъекта на этапе повторной профессионализации важна информация о его индивидуальных ресурсах и рисках адаптации, позволяющая прогнозировать тип его преобразующей активности в ситуации смены профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акименко А. К. Взаимосвязь стратегий совладающего поведения и социально-психологических характеристик личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 5. №2. С. 151–156. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-2-151-156.
2. Баженов С. В., Баженова Е. Ю., Абросимов Д. В. Тренды трансформации академической профессии в формирующемся цифровом обществе // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. №10–1. С. 216–234. DOI:10.34670/AR.2020.92.10.027.
3. Борисова Н. М. Связь личностных характеристик и копинга во взрослости // Мир науки, культуры, образования. 2017. №4. С. 216–219.
4. Верещагина А. В., Мухина К. С. Методологические параметры исследования профессионализации и депрофессионализации российской молодёжи на рынке труда // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №6. С. 80–93. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.5.
5. Голубь О. В., Минасян Е. Р., Тимофеева Т. С. Особенности образа «возможного я» в профессиональном самоопределении людей зрелого возраста // Человеческий капитал. 2019. №12 (132). С. 149–158. DOI: 10.25629/НС.2019.12.14.
6. Ласкин А. А. Смена профессиональной и служебной сферы деятельности и субъективные факторы, влияющие на личность специалиста // Гуманитарное пространство. 2017. Т. 6. №2. С. 149–159.
7. Мансуров В. А., Голубева А. С., Ермолаева Ю. В. Профессиональные группы в процессе модернизации социальной структуры России // Россия реформирующаяся. 2019. №17. С. 376–403. DOI: 10.19181/ezheg.2019.16.
8. Нилова А. В. Особенности смены профессии во взрослом возрасте // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: сборник материалов Всероссийской научной конференции / Ярославль, 08–20 октября 2020 года / под ред. А. В. Карпова. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 179–183.
9. Плеханова Н. П., Подымахина К. Т. Профессиональное самоопределение взрослых в ситуации смены профессиональной деятельности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. №2–1. С. 254–266. DOI: 10.34670/ AR.2020.87.44.029.
10. Поварёнков Ю. П. Характеристика типов, видов и форм одарённости профессионала // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М.: Институт психологии РАН, 2020. С. 1340–1348. DOI: 10.38098/proc.2020.59.34.001.
11. Самоделко В. А. Профессиональное развитие личности с точки зрения современной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 1. №3–1. С. 224–230.

12. Смирнов О. А. Методологические подходы к формированию моделей структуры профессионального развития личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. №6-1. С. 163–169. DOI: 10.34670/AR.2020.73.45.023.
13. Сыманюк Э. Э. Жизнеспособность как предиктор конструктивного профессионального развития // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 25–537.
14. Федотова В. А. Детерминанты жизнестойкости у трех поколений современной России // Российский психологический журнал. 2020. №17 (1). С. 74–91. DOI: 10.21702/grj.2020.1.6,
15. Фомина Е. А., Соломонов В. А. Проявление жизнестойкости молодёжи в ситуации вторичной профессиональной адаптации // Управление устойчивым развитием. 2021. №3 (34). С. 114–119.
16. Фордмен В. А. Вынужденная смена профессиональной деятельности как этап профессионального развития и психологического роста // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. №2–1. С. 181–186. DOI:10.34670/AR.2021.62.17.014.
17. Bonanno G. A., Burton C. L. Regulatory flexibility: An individual differences perspective on coping and emotion regulation // Perspectives on Psychological Science. 2013. Vol. 8. №6. P. 591–612. DOI: 10.1177/1745691613504116.
18. Maddi S. R. Hardiness: The courage to grow from stresses // Journal of Positive Psychology. 2006. №1. P. 160–168. DOI:10.1080/17439760600619609.
19. Pelzer B., Schaffrath S., Vernaleken I. Coping with unemployment: The impact of unemployment on mental health, personality, and social interaction skills // Work. 2014. Vol. 48. №2. P. 289–295. DOI: 10.3233/WOR-131626.

REFERENCES

1. Akimenko A. K. [The relationship between coping strategies and social and psychological personal characteristics]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya* [Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2020, vol. 5, no. 2, pp. 151–156. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-2-151-156.
2. Bazhenov S. V., Bazhenova E. Yu., Abrosimov D. V. [Transformation trends in the academic profession in an emerging digital society]. In: *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: yesterday, today and tomorrow], 2019, vol. 9, no. 10–1, pp. 216–234. DOI:10.34670/AR.2020.92.10.027.
3. Borisova N. M. [Relationship of personal characteristics and coping in adulthood]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], 2017, no. 4, pp. 216–219.
4. Vereshchagina A. V., Mukhina K. S. [Methodological parameters of the study of professionalization and deprofessionalization of Russian youth in the labor market]. In: *Gumanitarnij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 2020, vol. 9, no. 6, pp. 80–93. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.5.
5. Golub O. V., Minasyan E. R., Timofeeva T. S. [Peculiarities of the image of “possible I” in professional self-determination of people of mature age]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2019, no. 12 (132), pp. 149–158. DOI: 10.25629/HC.2019.12.14.
6. Laskin A. A. [Change of professional and service scope and subjective factors affecting professional identity]. In: *Gumanitarnoe prostranstvo* [Humanity space], 2017, vol. 6, no. 2, pp. 149–159.

7. Mansurov V. A., Golubeva A. S., Ermolaeva Yu. V. [Professional groups in the process of modernization the social structure of Russia]. In: *Rossiia reformiruyushchayasya* [Reforming Russia], 2019, no. 17, pp. 376–403. DOI: 10.19181/ezheg.2019.16.
8. Nilova A. V. [Features of changing profession in adulthood]. In: Karpov A. V., ed. *Yaroslavskaya psihologicheskaya shkola: istoriya, sovremennost', perspektivy: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii / Yaroslavl', 08–20 oktyabrya 2020 goda* [Yaroslavl psychological school: history, modernity, prospects: collection of materials of the All-Russian scientific conference / Yaroslavl, October 08-20, 2020]. Yaroslavl, Filigran Publ., 2020, pp. 179–183.
9. Plekhanova N. P., Podymakhina K. T. [Professional self-determination of adults in a situation of changing professional activities]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 2020, vol. 9, no. 2–1, pp. 254–266. DOI: 10.34670/AR.2020.87.44.029.
10. Povaryonkov Yu. P. [Characteristics of types, kinds and forms of giftedness of a professional]. In: *Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nyh peremen* [Abilities and mental resources of a person in the world of global changes]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2020, pp. 1340–1348. DOI: 10.38098/proc.2020.59.34.001.
11. Samodelko V. A. [Professional development of the personality with regard to modern psychology]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 2019, vol. 1, no. 3–1, pp. 224–230.
12. Smirnov O. A. [Methodological approaches to the formation of models of the structure of professional development of the individual]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 2020, vol. 9, no. 6-1, pp. 163–169. DOI: 10.34670/AR.2020.73.45.023.
13. Symanyuk E. E. [Resilience as a Predictor of Constructive Professional Development]. In: *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty* [Human Resilience: Individual, Professional, and Social Aspects]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 25–537.
14. Fedotova V. A. [Determinants of Resilience in Three Generations of Modern Russia]. In: *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2020, no. 17 (1), pp. 74–91. DOI:10.21702/rpj.2020.1.6.
15. Fomina E. A., Solomonov V. A. [Manifestation of Viability of Youth in a Situation of Secondary Professional Adaptation]. In: *Upravlenie ustojchivym razvitiem* [Sustainable Development Management], 2021, no. 3 (34), pp. 114–119.
16. Fordmen V. A. [The involuntary professional activity change as a stage of professional development and psychological growth]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 2021, vol. 10, no. 2–1, pp. 181–186. DOI:10.34670/AR.2021.62.17.014.
17. Bonanno G. A., Burton C. L. Regulatory flexibility: An individual differences perspective on coping and emotion regulation. In: *Perspectives on Psychological Science*, 2013, vol. 8, no. 6, pp. 591–612. DOI: 10.1177/1745691613504116.
18. Maddi S. R. Hardiness: The courage to grow from stresses. In: *Journal of Positive Psychology*, 2006, no. 1, pp. 160–168. DOI:10.1080/17439760600619609.
19. Pelzer B., Schaffrath S., Vernaleken I. Coping with unemployment: The impact of unemployment on mental health, personality, and social interaction skills. In: *Work*, 2014, vol. 48, no. 2, pp. 289–295. DOI: 10.3233/WOR-131626.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Щербакова Татьяна Николаевна (Ростов-на-Дону) – доктор психологических наук, профессор, кафедра общей и консультативной психологии Донского государственного технического университета;

e-mail: tatiananik@list.ru; ORCID: 0000-0002-4114-185X

Мариненко Татьяна Юрьевна (Ростов-на-Дону) – аспирант, кафедра общей и консультативной психологии Донского государственного технического университета;

e-mail: marinenkotan@rambler.ru; ORCID: 0009-0007-8315-6287

Мисиров Динамутдин Несретдинович (Ростов-на-Дону) – кандидат психологических наук, доцент, кафедра технологии и профессионально-педагогического образования, Южный федеральный университет;

e-mail: dmisirov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2652-7228

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana N. Shcherbakova (Rostov-on-Don) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of General and Consultative Psychology of Don State Technical University;

e-mail: tatiananik@list.ru; ORCID: 0000-0002-4114-185X

Tatyana Yu. Marinenko (Rostov-on-Don) – Postgraduate student of Department of General and Consultative Psychology of Don State Technical University;

e-mail: marinenkotan@rambler.ru; ORCID: 0009-0007-8315-6287

Dinamutdin N. Misirov (Rostov-on-Don) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of Department of Technology and Vocational Pedagogical Education of Southern Federal University;

e-mail: dmisirov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2652-7228

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
2024. № 3

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик В. А. Дворянов
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
Сайты: www.psymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 11,25, уч.-изд. л. 11,5.
Подписано в печать: 16.09.2024 г. Дата выхода в свет: 19.09.2024 г. Заказ № 2024/09-01.
Отпечатано в типографии Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А